

анатолий аграфенин
брось монетку, чтобы вернуться

анатолий аграфенин

брось монетку, чтобы вернуться

Записки
влюбленного
в Австралию,
Австрию,
Германию,
Грецию,
Иорданию,
Испанию,
Италию,
Китай,
Латвию,
Лихтенштейн,
Монако,
Сан-Марино,
США,
Турцию,
Финляндию,
Францию,
Швецию,
Южную Корею,
Японию,
и, конечно же,
в Россию

История рядом с нами
Разные лица
Традиции у них такие...

анатолій
аграфенин
брось
монетку,
чтобы
вернуться

Записки
влюбленного
в Австралию,
Австрию,
Германию,
Грецию,
Иорданию,
Испанию,
Италию,
Кипр,
Латвию,
Лихтенштейн,
Монако,
Сан-Марино,
США,
Турцию,
Финляндию,
Францию,
Швецию,
Южную Корею,
Японию...
и, конечно же,
в Россию

История рядом с нами
Разные лица
Традиции у них такие...

А 25 Аграфенин, А.
Брось монетку, чтобы вернуться.— СПб., 2013.— 288 с. : ил.
С фотографиями автора.

ISBN 978-5-86983-450-8

Книга петербургского журналиста и писателя Анатолия Аграфенина — для тех, кто любит путешествовать или мечтает о том, чтобы отправиться в дорогу. В книге собраны рассказы о десятках стран. Уникальная природа и всемирно известные памятники архитектуры, традиции и особенности национального характера, судьбы разных людей и исторических личностей — автор не упускает мелочей, точно подмечает детали. При этом каждая рассказанная им история увлекательна и познавательна. Возможно, вы бывали во многих из описанных автором стран. Однако раскройте книгу, и вы обязательно узнаете для себя что-то новое. Вам снова захочется отправиться в путешествие.

ISBN 978-5-86983-450-8

© Анатолий Аграфенин, текст, 2013
© Издательство «Любавич», 2013
© Максим Цой, оформление, 2013

история рядом с нами

Иордания · Снег в пустыне	9
Турция · Романтик из Галикарнаса	19
Южная Корея · Аэробусы летят на Восток	29
Китай · Взгляд со 101-го этажа	37
Германия · Берлинские дворики	49
Сан-Марино · Дежурный по стране	57
Италия · Ужель та самая Джульетта?..	65
Австрия · Под сенью золотой крыши	73
Латвия · В Кулдиге-где-где...	81
Австралия · На другом конце планеты	89

разные лица

Финляндия · Голубая роза	101
Латвия · Полцарства	107
Китай · Sundy Day с утра до вечера	115
Италия · Легкий в общении	125
Турция · Пароль счастья	133
Австралия · Миррабука	151
Греция · Ихтиандр здесь больше не живет	159
Германия · Любовница герцога, узница короля	171
Франция · Устрицы из Аркашона	179
Россия · Улица Тундра	191

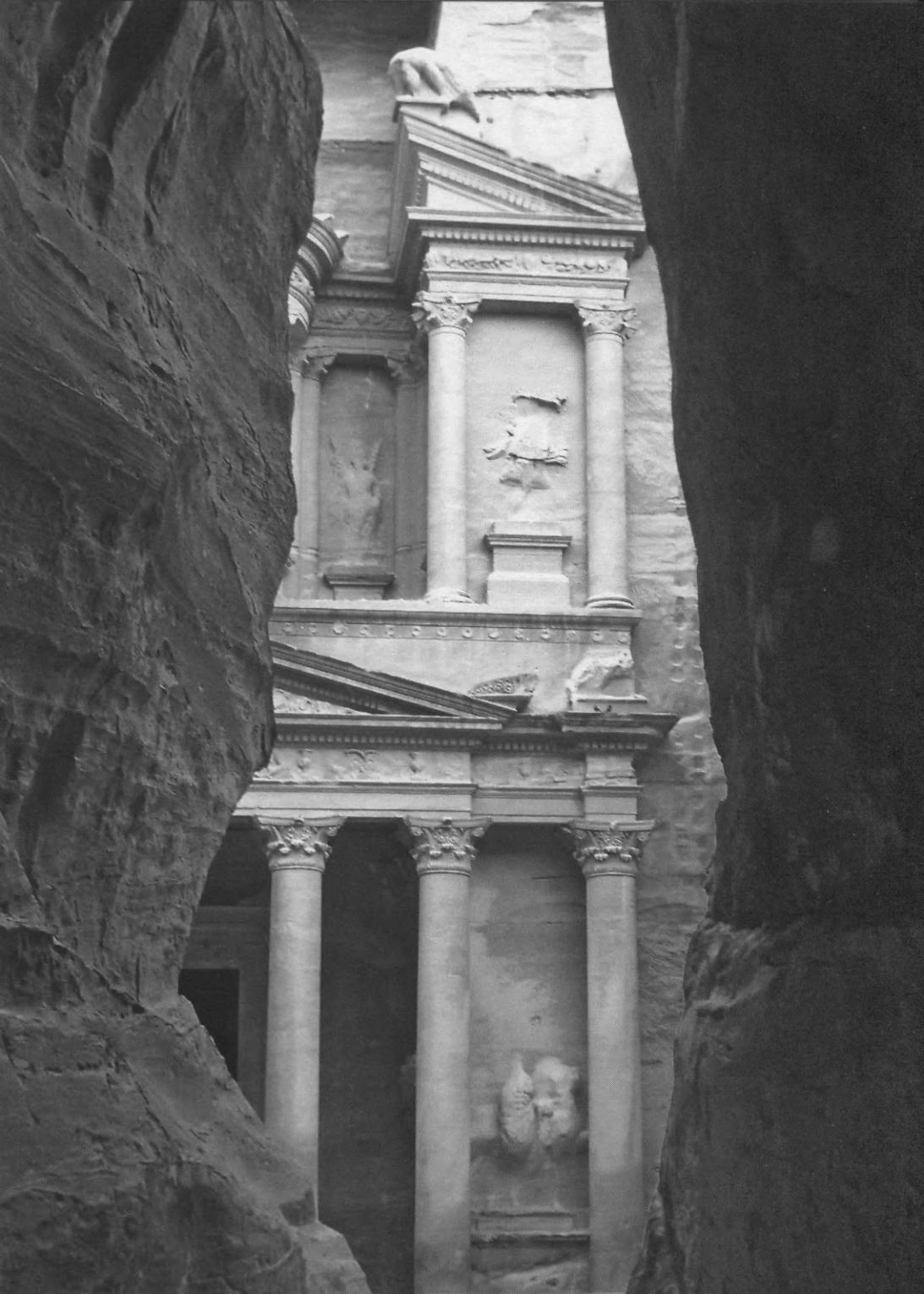
традиции у них такие...

Финляндия · Сауна на архипелаге	203
Турция · Хамам на дачу	211
США · Дым Отечества	217
Швеция · Вверх по тесной Мартен Тротцигс грэнд	223
Монако · Проиграть казино	231
Лихтенштейн · Княжеский огород	241
Япония · Рыбный день в Токио	251
Германия · Принц-лебедь	259
Испания · Шаверма имени Хемингуэя	269
Греция · Такси Линдоса	279

1

ИСТОРИЯ рядом с нами

Иордания · Снег в пустыне	9
Турция · Романтик из Галикарнаса	19
Южная Корея · Аэробусы летят на Восток	29
Китай · Взгляд со 101 этажа	37
Германия · Берлинские дворики	49
Сан-Марино · Дежурный по стране	57
Италия · Ужель та самая Джульетта?..	65
Австрия · Под сенью золотой крыши	73
Латвия · В Кулдиге-где-где...	81
Австралия · На другом конце планеты	89

Иордания

Снег в пустыне

Наш автобус шел по трассе, пересекающей Аравийскую пустыню. Это песчаное, почти безжизненное пространство занимает большую часть Иордании. Ни дерева, ни кустика вокруг. Но мы смотрели в окна и не верили своим глазам. Несмотря на почти летние плюс 16, в пустыне лежал... снег. Перед туристским автобусом автодорогу чистил трактор. А снег поражал не только своим обилием, но и удивительной белизной, свидетельствуя об экологической чистоте здешних мест.

Местные подтвердили: да, такое случается в Иордании в январе. Феномен объясняется просто. Красное море греет, как большая печка, ведь температура воды в нем не опускается ниже плюс 20. Поэтому на побережье где-нибудь в Акабе тепло круглый год. Но стоит отъехать километров сто в глубь страны, и за горными хребтами погоду диктуют уже континентальные циклоны. К слову, дождь в Иордании идет редко, но уж если льет, то как из ведра. А если пошел снег, то на несколько дней зима наступает не хуже нашей. В столичном Аммане в снежные дни объявляются всеобщие выходные. И правда, зачем работать, когда впору в снежки играть.

Что же это за страна такая, Иордания? Откуда она взялась?

Если вам предложили кофе в Иордании, ни в коем случае не отказывайтесь, даже если в обычной жизни предпочитаете чай. Угостить гостя ароматным напитком — и дань вежливости, и ритуал, и приглашение к знакомству. Иорданцы любят кофе по-арабски, сваренный с кардамоном. Разлитый по маленьким

чашечкам, он очень сладкий и густой — размолотые в порошок зернышки скрипят на зубах.

Иордания приятно удивляет путешественников своим дружелюбием, хорошим питанием, а также... чистыми и при этом бесплатными туалетами. Между тем страна только начинает зарабатывать на туризме. Сфера эта пока не очень развита, но иорданцы уверены, что через несколько лет смогут предложить лучшие на Ближнем Востоке условия для отдыха.

В Иордании есть что посмотреть. Библейские царства и следы Римской империи, святые христианские места и крепости крестоносцев, реликвии ислама и многое другое — даже специалисты не могут точно назвать число памятников истории и культуры: то ли 16 тысяч, то ли 20... Это не считая потрясающей по красоте природы и чудес, которые творились на этой земле со времен Моисея.

Несмотря на тысячелетнюю историю, это очень молодое государство. Можно сказать, оно возникло благодаря железной дороге.

Хиджаская магистраль была главной стратегической линией, соединяющей Ближний Восток и Аравийский полуостров, входившие в Османскую империю. Во время Первой мировой войны турки и их союзники Германия и Австро-Венгрия активно использовали дорогу для переброски войск. Англичане заслали своего шпиона Томаса Эдварда Лоуренса, который под видом коллекционера и ценителя Востока втерся в доверие саудовских принцев, уговорив их поднять восстание против османов.

Чтобы не перепутать в схватках своих и чужих, повстанцы носили платки — шмахи — не черно-белого, а красно-белого цвета. С тех пор традиция укоренилась, так что если увидите человека с такой «арафаткой», знайте — это иорданец.

Дорогу англичанам отвоевали. А когда те стали господствовать на этих землях, создали марионеточное государство Транс-иорданию.

Кстати, найти короля для новой страны оказалось не таким простым делом: дураков царствовать в пустыне не было. В итоге все же один из принцев — Абдалла вступил на престол, и то после того, как ему «выделили» от Саудовской Аравии небольшой кусочек выхода к Красному морю — порт Акабу. Решение выговорить себе этот городок оказалось весьма мудрым.

Долгое время Иордания была самой бедной страной на Ближнем Востоке: не одарил Аллах ее ни нефтью, ни газом — один песок. Даже монарший двор жил бедно. Хусейн, один из королей, вспоминал с обидой, как его мать королева Зейн, чтобы свести концы с концами, распродала вещи. Особенно обидно было маленькому принцу, когда королева-мать продала его велосипед, подаренный дядей королем Ирака.

Зато, пережив трудности, страна выросла и встала на ноги благодаря не нефтедолларам, а разумной политике. Сегодня ставку делают на инновации, свободные экономические зоны. Любопытный факт: в Иордании с территорией, равной нашей Ленобласти, и населением пять с половиной миллионов человек — больше 40 вузов. Сюда приезжают учиться со всего Востока. Профессия преподавателя не только самая почетная, но и самая высокооплачиваемая. Уже за ними идут работники банков, полиция и армия.

Несмотря на полыхающий вокруг Ближний Восток, Иордания считается самой безопасной страной региона. Преступность сведена почти к нулю.

В Иордании две привилегированные группы населения. Первая — бедуины. Кочевников, которые сыграли ключевую роль в восстании, организованном Лоуренсом Аравийским, стараются приучить к оседлому образу жизни. Им безвозмездно строят дома и регулярно выдают продовольственную помощь: муку, сахар, чай. Бедуины в отличие от наших цыган дают себя приручать.

Вторая привилегированная группа — женщины. Несмотря на исламские каноны, государство всячески поддерживает дам, старается заинтересовать их в работе. А чтобы труд не был

обременительным, их занятость на производствах и в офисах заканчивается к обеду...

Порт Акаба не только морские ворота страны, но и курорт. Именно здесь отдыхают большинство приезжающих в Иорданию. Отсюда они едут осматривать достопримечательности, делая потрясающие открытия. Например, что по этим местам скитался Моисей со своим народом, что именно с восточного, иорданского, берега вошел в воды Иордана Иисус Христос и что где-то в этих краях располагались печально известные города Содом и Гоморра. Во всяком случае иорданцы убеждают в этом туристов.

Впрочем, легенды легендами, в них можно верить или не верить. А вот что можно увидеть своими глазами? Например, город Петра сохранился до наших дней. Основанный четыре тысячи лет назад, он был неприступной крепостью. И не потому, что был обнесен высокими и толстыми зубчатыми стенами. Со всех сторон Петра защищена горами. Сам город расположен в небольшой долине, попасть в которую можно лишь по узкому ущелью длиной больше километра. Дорога извивается вдоль отвесных скал высотой 60 метров. Арабы называли эту дорогу Сик, что означает «проход по камню».

Древний народ, живший здесь, называл себя «набатеи» — «ваятели». Они не построили — вырезали свою столицу в песчаных скалах, окружающих скрытую от внешнего мира долину.

Можно представить себе чувства швейцарского путешественника Иоганна Людвиг Буркгардта, который двести лет назад, сопоставив старинные рукописи и легенды, решил исследовать одно из ущелий. Преодолев километровый коридор, он неожиданно вышел на освещенную солнцем площадь, в центре которой стоял прекрасный храм Аль-Хазне. Говорят, тут набатеи держали свои богатства. И снова рождается ассоциация: в арабском «хазана» — «хранилище». Турки во времена Османской империи переняли это слово, а в наш русский язык оно попало уже из тюркского и превратилось в «казну».

Стройные колонны и изящный фасад удивительно контрастируют с грубой породой скал. До сих пор загадка, как ваятели более двух с половиной тысяч лет назад ухитрились создать такую красоту. Ведь если применять современные технологии, нужно строить леса. А больших и крепких деревьев в пустыне просто нет. Ученые предполагают, что, скорее всего, набатеи вырезали сантиметр за сантиметром свои шедевры из камня, спускаясь с горы вниз. Сколько труда и терпения, сколько времени понадобилось им, чтобы построить целый город.

Аль-Хазне не единственное сооружение Петры. За созданной природой и облагороженной людьми площадью каньон расширяется. В следующем проходе расположился древний некрополь с множеством искусно вырезанных в скалах гробниц. Фасады полностью покрывают склоны гор, словно и не вытесаны они в породе, а построены друг на друге.

У археологов некрополь получил название улица Фасадов. Сразу за ней — долина с большим амфитеатром, руинами рынка, дворцов, храмов, домов жителей.

Набатеи были не только искусными ваятелями. Главная их сила была в умении собирать и хранить в пустыне воду. Они создали сотни резервуаров, снабжавших Петру водой и позволявших путникам в пустынях пополнить ее запасы. Свои резервуары они прятали так, что чужак не мог даже догадаться, что проходит мимо места, где есть вода. Секретные схроны давали возможность набатеям полностью контролировать торговые пути. Собирать с караванов, подчас состоящих из тысяч верблюдов и растягивающихся на несколько километров, огромные налоги и подати.

Петра богатела. Город рос. В эпоху своего расцвета в нем проживали около 40 тысяч человек. Но римляне захватили Петру без труда. Предатели выдали тайный водопровод, снабжавший город. Legionеры перекрыли воду, город сдался.

Но жизнь тут замерла позже. Римляне проложили торговые пути по морю. Они были короче и удобнее. Проходить длинный

тоннель стало для купцов напрасной тратой времени. А без negociантов Петра развиваться не могла, жители ушли.

Пролетели тысячелетия, прежде чем город в скалах открылся вновь.

Петра сегодня — самая популярная туристическая точка на карте Иордании. Посмотреть чудо в горах приезжают путешественники со всего мира. Загадочный город полюбил кинематограф. В Петре сняты многие известные фильмы, в том числе и один из эпизодов знаменитого «Индианы Джонса». Новое время породило и новую моду. Приключения в Петре перешли в компьютерные игры.

Не случайно, когда несколько лет назад стали создавать список самых известных памятников старины, Петра оказалась в их числе.

Всем известен античный список семи чудес света. Он был составлен греческими авторами во II веке до нашей эры. Чудеса находились в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Висячие сады Семирамиды в Вавилоне, статуя Зевса в Олимпии, храм Артемиды Эфесской, галикарнасский Мавзолей, Колосс родосский, Фаросский маяк в Александрии, египетские пирамиды... О них мы знаем еще со школы. Но воочию увидеть можем только пирамиды, остальные сооружения не сохранились до наших дней, остались только в легендах.

На рубеже XX и XXI веков организация New7Wonders предложила создать новый список чудес света. Идея захватила многие страны. В качестве кандидатов было рассмотрено более 200 памятников архитектуры, скульптурных композиций, инженерных сооружений. В голосовании, длившемся несколько лет, приняли участие более ста миллионов человек. Итоги подвели 7 июля 2007 года, в «самый счастливый день века», ведь дата обозначается тремя семерками — 7.7.7.

В итоговой «семерке» оказались: Великая китайская стена, римский Колизей, индийский Тадж-Махал, Мачу-Пикчу в Перу,

статуя Христа в бразильском Рио-де-Жанейро, Чичен-Ица в Мексике и знакомая нам Петра.

Они опередили по числу отданных голосов не менее знаменитые сооружения, среди которых Эйфелева башня, каменные идолы с острова Пасхи, статуя Свободы, Акрополь, Московский Кремль и Сиднейский оперный театр.

Нет в новой «семерке» и пирамид Гизы. Египетские власти сразу заявили, что включать пирамиды в состязание — позор. Открестилась от акции и ЮНЕСКО. Чиновники заявили, что создали Список объектов всемирного наследия. Сейчас в нем более 850 памятников, и он постоянно обновляется.

Впрочем, выбор жителей земли лишний раз подчеркивает уникальность Петры. До сих пор все тайны этого города не разгаданы. Археологи делают открытие за открытием. И каждая новая находка появляется неожиданно. Наверное, в таком случае уместно выражение: как снег на голову... Тем более что мы уже знаем: в пустыне можно увидеть всякое.

заметки на полях

Обсуждение новых чудес света возродило во многих странах интерес к истории и выдающимся памятникам прошлого. В Великобритании на волне всемирного опроса создали свои списки чудес. В мировой рейтинг вошли Сиднейский оперный театр, Эйфелева башня, отель «Бурж аль-Араб» в Дубае, статуя Христа в Рио-де-Жанейро, мост «Золотые ворота» в Сан-Франциско, Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке, тоннель под Ла-Маншем.

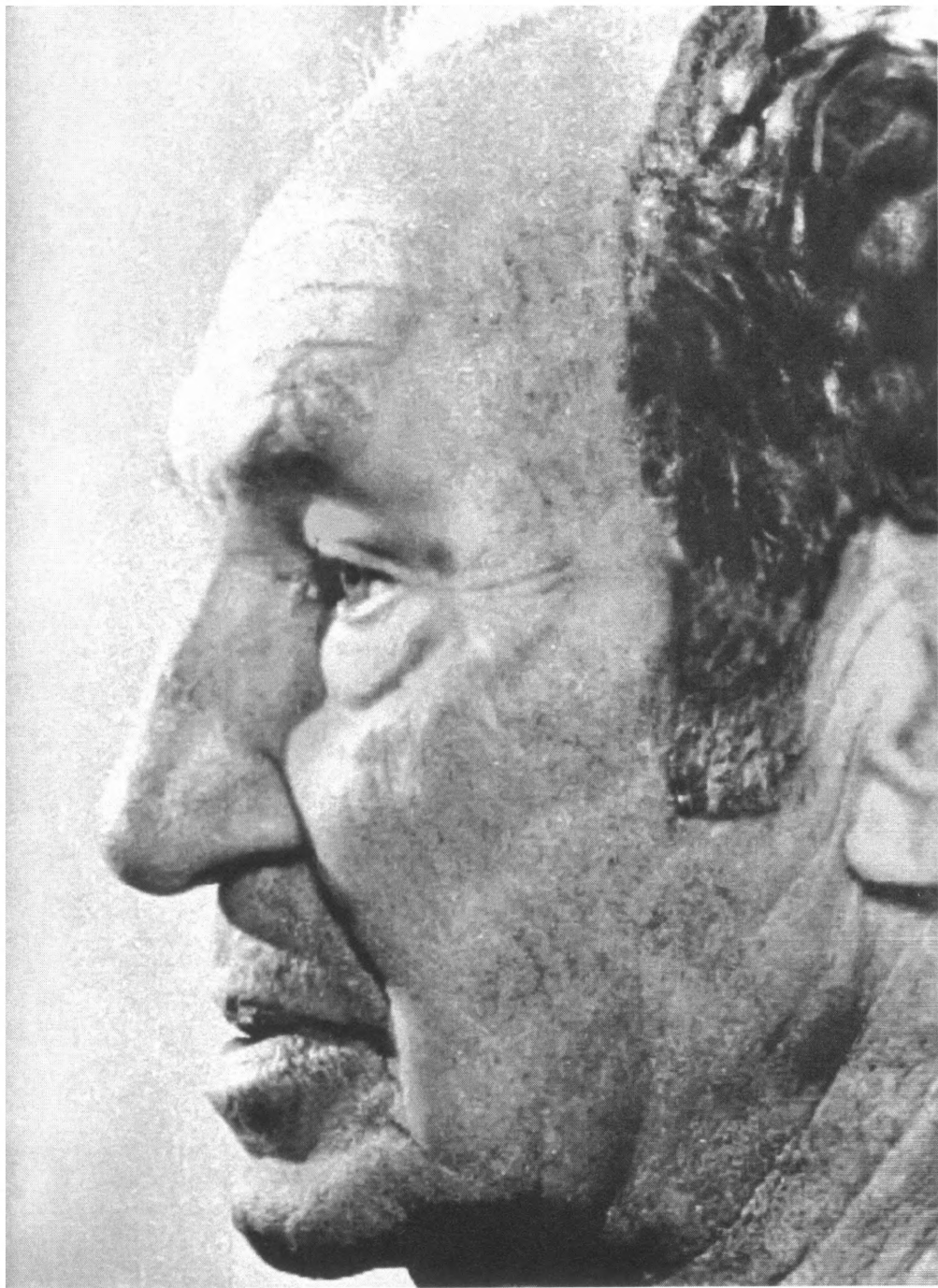
Был создан и список семи чудес Великобритании: Биг-Бен, «Проект Эдем» в Корнуолле, лондонское колесо обозрения, Букингемский дворец, статуя «Ангел Севера» в Гейтшеде, Хамберский мост, стадион «Уэмбли».

Не осталась в стороне и наша страна. По инициативе газеты «Известия», телеканала «Россия», сайта vesti.ru и радиостанции «Маяк» прошел конкурс «Семь чудес России». В голосовании приняли участие 26 миллионов наших сограждан. Список обнародовали 12 июня 2008 года, в День России, на Красной площади. В него вошли: Эльбрус, Долина гейзеров на Камчатке, озеро Байкал,

природный памятник «Столбы выветривания» в Коми, Петергоф, Мамаев курган и статуя Родины-Матери в Волгограде, собор Василия Блаженного. Стоит заметить, что во всемирном списке все чудеса — рукотворные, а в российском четыре из семи — природные.

По этому поводу писатель Петр Вайль иронизировал в «Российской газете»: если чудеса света — это дело рук человеческих, памятник уму, таланту и мастерству, то какой талант вложен в Долину гейзеров? Какой труд — в «Столбы выветривания»? Какое мастерство — в Эльбрус? Какой ум — в озеро Байкал? Пожалуй, наоборот, истинное чудо, что Байкал уцелел под напором целлюлозно-бумажной отрасли и прочей хозяйственной деятельности человека. «Если считать своим достижением Эльбрус, то почему тогда не северное сияние, не грозу в начале мая, не подмосковные вечера?».

Впрочем, Россия, как известно, выбирала всегда свой собственный путь.

Турция

Романтик из Галикарнаса

Раскаленные улицы, петляя и кружась, все равно упорно ползут в гору. Местами они натываются друг на друга, образуя крошечные площади. Логика, почему дома встали именно в таком порядке, сейчас уже не понять. Как и во всех городах, основанных две-три тысячи лет назад, здания чаще всего возводят на фундаментах предыдущих строений.

Чем дальше забираешься в гору, тем меньше туристического. Мальчишки, играющие в футбол, с подозрением косятся на незнакомца. Они, пожалуй, единственные, кого в этот час можно встретить на улицах. Мужчины — на работе. Женщины хлопочут по хозяйству. Старики спят в тени дворов на каком-нибудь топчане. Тут уже не курортная, а настоящая Турция. Она не выхоленная, не глянцевая, не европейская, как в отелях. Она пестрая и объемная, как корзина с мотками грубой разноцветной шерсти.

По пути много мечетей. Возле них обязательно кафе. Местные кафе чем-то неуловимо напоминают столовки советских времен. Мухи, покрытые клеенкой столы. В углу телевизор, который никто не смотрит. Несколько человек играют в нарды. Напротив двери — портрет Ататюрка. Ни кофе-машины, ни аппарата для приготовления эспрессо. Только жаровня с песком и джезвы. Хозяин, правда, спрашивает, сколько положить сахара. Счет — пол-лиры, четверть доллара...

А вот и цель моего путешествия: дом Халикарнас Балыкчысы — галикарнасского рыбака. Дом человека, прославившего город на весь мир. Сейчас тут музей, откровенного говоря, мало кому

известный и практически не посещаемый. Смотреть и правда особо нечего. Несколько комнат. Из обстановки: стол с керосиновой лампой, стул, кровать. Скромнее только у Ленина в Разливе...

...Он ждал, что за ним придут утром. Много раз про себя он представлял, как пойдет по узким коридорам. Главное, думал он, не терять достоинства. Хватит ли у него духу? Когда раньше беседовал с приговоренными, видел разных людей. Сломленных, панически боящихся последнего мига. Озлобленных и готовых впасть в бессмысленную ярость. И очень немногие просто ждали своей участи. Полностью погруженные в себя, они словно растягивали каждую секунду, каждое мгновение оставшегося бытия.

Война породила дезертиров. Дезертиров ждали трибунал и казнь. Он, журналист, подготовил статью о бессмысленности такой меры. Не каждый дезертир трус, нельзя за минутную слабость лишать человека жизни. Но за эту статью, опубликованную в известном стамбульском журнале, его обвинили в измене и самого приговорили к казни. Приговор суда звучал коротко и жестко: «Должен быть повешен за шею, пока не умрет». Теперь, ожидая смерти, он только и думал, как встретит ее. И каждая ночь превращалась в бессонный кошмар — а вдруг новый рассвет будет последним?

Засов камеры лязгнул днем. И его охватил ужас. И это все?! Но он еще не готов!..

Судебный чиновник вошел в камеру в сопровождении двух конвойных. Его глаза были равнодушны. Не торопясь чиновник развернул бумажку. Обреченный услышал свое имя, перечень своих прегрешений. Но вместо страшного приговора прозвучали совсем другие слова: «Именем революции: смертная казнь заменена заключением в тюрьме города Бодрум».

Бодрум в первой половине XX века — край земли. Сюда нет дорог. К скалистым, заболоченным берегам есть только один путь — по беспокойному Эгейскому морю. Бодрум словно оправдывал свое название, которое с турецкого можно перевести как «подвал».

Но бывший замок Святого Петра, превращенный в годы Османской империи в тюрьму, слыл страшным местом. В сырых с мокрицами камерах даже летом невозможно согреться, что говорить о дождливой осени и зиме. Три года, проведенные в каменном мешке, навсегда оставят отпечаток в его жизни. Ноющие суставы, туберкулез и новые ночные кошмары станут спутниками всей его жизни. Если бы кто-то тогда спросил: можно ли полюбить место своего заточения, он воспринял бы эти слова как издевательство.

Ему повезло. Он не умер в тюрьме. Была бы его воля, сразу после освобождения умчался бы в Стамбул. Но власти не разрешили покидать Бодрум. Он сидел на берегу и смотрел на замок, убогий городок. Он свободен и не свободен. Он больше не в тюрьме. Но уехать никуда не может. Кто он? Ему за сорок. В прежней жизни: племянник великого визиря, сын паши и дипломата, выпускник престижного колледжа в Стамбуле и Оксфордского университета в Англии, интеллигент и блестящий журналист. Теперь — политический ссыльный, изгой, его имя — Джеват Шакир Кабаагачлы — лучше не упоминать. У него нет дома, денег. И нет права заниматься тем, чему учился: историей и журналистикой. И кому нужна история и журналистика в этой дыре? Сюда даже почту привозят не каждый день.

В Бодруме нужны только рыбаки и ныряльщики за губками. И этот нелегкий заработок единственное, на что можно прожить. Как не сойти с ума от однообразия, не опуститься из-за нищеты на самое дно? Как сохранить достоинство и веру в себя, свои силы, талант? Можно только делать небольшие заметки. Которые, впрочем, тоже лучше прятать от чужих глаз. Кто знает, вдруг кому-то померещится, что бывший «изменник» плетет новый «заговор». Тогда снова арест и снова каменный мешок.

В рыбацкой артели он работал наравне с другими. Для простых людей неважно, кто ты. Главное, каков ты в деле. Море могло поделиться своими богатствами, накормить. Но еще испытывало штормами. Они налетали неизвестно откуда. Спокойная бирюзовая

гладь чернела, тревожно вспенивалась. Волны опрокидывали крошечные рыбацкие суда, выбрасывали их на скалы. Не было семьи, где однажды не случилось бы трагедии и кто-то из мужчин не канул навсегда в пучине Эгейского моря.

Через много лет в одном измирском издательстве редактор с интересом рассматривал нового автора. Те страницы, которые он принес, явно не были плодом творческой фантазии. Тот, кто их написал, знал жизнь простых людей, что называется, не вприглядку, а изнутри. Но редактора заинтересовало другое. Откуда у этого немолодого посетителя с обветренным лицом, грубыми руками речь человека с университетским образованием? Спокойный, держится прямо, не заискивает. Одежда простая и бедная, а носит он ее, будто столичный денди. Но самое странное — тексты без единой ошибки!

«Кто вы?» — спросил редактор.

«Рыбак», — ответил незнакомец.

«А как подписать ваши произведения?»

«Так и подпишите: Рыбак из Галикарнаса».

К тому времени Бодрум уже не казался бывшему узнику местом ужасным и скучным. Через несколько лет режим ссылки смягчили. И он устроился учителем. В принципе тогда уже мог уехать в Стамбул или Измир. Но кто его ждет в больших городах по прошествии стольких лет? Тем более здесь, в Бодруме, он нашел поистине живительный источник для реализации своей фантазии и своих амбиций.

Рыбаки жили на обломках великих цивилизаций прошлого. XX век с его ужасами, войнами, революциями, переустройством мира напрочь забыл об истоках мировой истории. А колыбель человечества, как бы фантастически это ни выглядело, находилась в том числе и здесь, в Бодруме. А точнее, сам Бодрум вырос на руинах древних городов — средневекового Петрониума и более раннего античного Галикарнаса.

Джеват сопоставлял факты, соединял воедино обрывчатые сведения, и его охватывал все больший азарт. Он ложился затемно и просыпался рано утром с восторгом мальчишки, которого ждут новые и новые открытия. Каменные террасы на склоне горы не что иное, как античный амфитеатр. Остовы из тесаных глыб возле кладбища — парадные ворота в древнюю столицу Карию. Огромная площадка в центре города, откуда бодрумские обыватели крадут булыжники для своих домов, — вообще нечто немыслимое: это фундамент фантастического сооружения прошлого, которое считалось одним из семи чудес света, — гигантской гробницы сатрапа Мавсола.

В рассказах и романах «рыбака из Галикарнаса» отныне суровая и тяжелая доля жителей турецкого побережья Эгейского моря, забытого на краю света, наполнялась светом и романтикой. Он словно пустил сюда солнце, оживил тени прошлого, вдохнув в легенды память о реальных исторических личностях и героях. Спускающиеся с холмов к морю кривые переулки Бодрума проложены по старым улицам более древних городов, на чьи мостовые ступала нога и уроженца Галикарнаса отца истории Геродота, и царицы Артемисии, и персидского царя Ксеркса, и императора Александра Македонского, и рыцарей-госпитальеров, и султана Сулеймана Великолепного.

В действительности Галикарнас несколько раз за свою историю поднимался и гибнул под натиском обстоятельств, завоевателей, природной стихии.

Основанный дарийцами Галикарнас вошел в союз шести крупнейших городов Эгейского моря. Под защитой братства город расцвел на торговле. Но подвели жадность и эгоизм. Ежегодно в храме Аполлона проходили спортивные состязания. Победитель игр получал богатые дары, которые, впрочем, по традиции, оставлял в храме. Герой из Галикарнаса забрал трофеи домой. Галикарнас наказали — исключили из союза. Лишившись защиты, город очень скоро разорили набеги врагов.

Новое возрождение Галикарнаса связано с карийской царицей Артемисией. Она ловко лавировала между афинянами и персами. Вступив в заговор с персидским царем Ксерксом, владычица города выставила свои корабли для войны с греками. Во время сражения, оказавшись в окружении, Артемисия приказала своей галере протаранить несколько кораблей персов. Греки подумали, что царица Галикарнаса перешла на их сторону, но она ударила по ним с тыла.

Ксеркс, наблюдавший за сражением, позже сказал: «Мои мужчины превратились в женщин, а женщины стали мужчинами». Результат оправдывает средства. Победа списала и потопленные корабли, и гибель персидских воинов. Впрочем, судьба царицы печальна. Она влюбилась в юношу много младше ее. Он ее отверг. Артемисия в отчаянии бросилась со скалы в море.

Спустя несколько десятилетий новый правитель — Мавсол решил увековечить в веках свое имя. Подобно египетским фараонам сатрап велел выстроить для себя огромную усыпальницу. К слову, конца строительства не дождался. Дело мужа довела до конца его вдова.

Гигантская гробница, украшенная мрамором и великолепными скульптурами, восхищала путешественников без малого два тысячелетия и осталась увековеченной во всех языках мира, породив новое слово для обозначения таких сооружений — «мавзолей».

Расцвету Галикарнаса положил конец Александр Македонский, который захватил город после ожесточенной осады. Он был так зол, что приказал разрушить Галикарнас. Только мавзолей напоминал о былом могуществе столицы Карики. Но и каменный гигант разрушило землетрясение.

Рыцари-госпитальеры из камней мавзолея построили свою мощную крепость, назвав ее в честь святого Петра. Петрониуму не суждено было прославиться в сражениях. Скрывающийся за горами, труднодоступный замок после падения Родоса рыцари сдали османскому султану Сулейману Великолепному без боя.

Замок мог бы стать одной из мощных крепостей Османской империи. Но оракул нагадал Сулейману, что, если он останется в Петрониуме на ночь, его там убьют. Суеверный султан приказал превратить крепость в тюрьму.

Спустя 500 лет бывший узник замка Джеват Шакир Кабаагачлы замкнул исторический круг. Его рассказы, повести, романы стали настолько популярными, что на берега Эгейского моря в Бодрум буквально хлынули турецкая интеллигенция, художники, поэты, музыканты. Злополучную тюрьму закрыли. Замок отреставрировали и устроили в нем музей. Богатые турки возвели вокруг Петрониума свои виллы. К городу были проведены современные дороги, построили аэропорт. Бодрум превратился в шикарный международный курорт.

Романы «рыбака» многие используют как живой путеводитель по окрестностям. Туристы с удовольствием посещают и Петрониум, и античный амфитеатр. Место, где прежде стоял мавзоль, превращено в музей. Власти Турции планируют воссоздать гигантский памятник.

Джеват Шакир Кабаагачлы познал и славу, и творческое удовлетворение. Его книги издаются огромными тиражами. Популярность и влияние нового кумира нации позволили ему активно пробивать проекты благоустройства Бодрума. В конце жизни писатель перебрался в Измир. Но завещал похоронить себя в Бодруме. Сегодня на улицах любимого писателем Галикарнаса ему установлено несколько памятников. А одна фраза писателя сегодня цитируется на многих языках мира: «Не думай, что уйдешь отсюда таким же, как и был. Пришедшие до тебя тоже так полагали, но они ушли, оставив навсегда свои сердца в Бодруме».

В Турции можно найти следы еще одного сооружения из античного списка чудес света. Величественный храм Артемиды находился в городе Эфес.

Артемиде поклонялись до самоубийства, в ее всеисилие верили свято. Но в 356 году до н.э. некий Герострат спалил храм до основания. Отчего же богиня допустила такое?

Жрецы объясняли: обиделась, мол, на скудость даров. Впрочем, вскоре нашлось еще одно объяснение. Эфес захватил Александр Македонский. Услышав историю о пожаре, он тут же пожелал восстановить храм. Оказалось, Александр родился в день, когда Герострат поджигал чудо света. «Вот и объяснение! — решили жрецы. — Великая богиня была очень занята. Она помогала родам великого императора».

Но предложение Македонского отклонили. Видимо, испугавшись, что культ Александра может затмить культ богини плодородия. Чтобы не обидеть амбициозного полководца, сказали, что боги не воздвигают храмы другим богам... Объяснение вполне устроило Александра.

Храм эфесцы восстановили за свой счет. И говорят, еще лучше прежнего.

Его еще неоднократно разрушали, но он вновь возрождался. Три года в Эфесе жил и проповедовал святой Павел, но когда жрецы почувствовали, что новая Христова религия подрывает авторитет Артемиды, они пустили слух, что христиане не позволяют вступать в брак и заставляют людей голодать. Для эфесцев, привыкших к удовольствиям, это было слишком! Павел попытался образумить народ. Но даже он, закаленный в боях за веру, не смог ничего поделать и предпочел покинуть город.

Однако и культ Артемиды со временем сошел на нет.

По каким-то странным причинам море отступило от города. Власти предложили жителям переехать на другое место. Но никто это предложение не принял. И отцы города не нашли ничего лучше, как выпустить на улицу канализационные стоки. Жить в Эфесе стало невозможно. Люди съехали.

Века занесли великий Эфес землей. Только 150 лет назад при строительстве железной дороги случайно

наткнулись на руины античного мегаполиса. 🗿

Что касается храма Артемиды, то последнее нашествие варваров в III веке нашей эры завершилось очередным грабежом и сожжением. На месте, где стоял храм, осталась лишь одна колонна. Сегодня вокруг нее разбиты турецкие огороды. И единственным украшением мраморного столпа является гнездо аиста на вершине.

Все-таки не зря Артемиды считалась богиней плодородия.

Южная Корея

Аэробусы летят на Восток

Дерево гудело, как столб высоковольтной линии электропередачи, к тому же еще и дрожало. Неужели землетрясение? Присмотревшись, я обнаружил причину своего беспокойства. На стволе сидел жук. И посылал своим брюшком волны вибрации и звуки необыкновенной мощности.

Таких жуков я еще не видел. Если бы я был энтомологом и, положим, захотел запихнуть его в спичечный коробок, то он в него не поместился бы. Жучара был размером с воробья. Заметив меня, жук затих, расправил крылья и торжественно улетел. Этот жук стал первым, с кем я познакомился в Сеуле. И я осознал, что нахожусь за семь тысяч километров от дома, на другом конце континента. А раз так, возможны разные чудеса...

Летел я не в Сеул. Столица Южной Кореи была местом стыковки. Посадка в сеульском аэропорту «Инчхон» виделась мне неприятным, но, к сожалению, необходимым неудобством. После девяти часов полета предстояло провести восемь часов в ожидании следующего рейса. Невозможно мало, чтобы влюбиться в эту точку земного шара, но вполне достаточно, чтобы навек возненавидеть.

Признаюсь, перед полетом я не справился ни в Интернете, ни в авиакомпании, что меня ждет в Корее. Первый вопрос был адресован местному чиновнику: можно ли покинуть таможенную зону аэропорта? Он изучил мой паспорт, нашел визу страны следования и сообщил, что Республика Корея рада распахнуть для меня, транзитного пассажира, свои двери. Правда, не более чем на 48 часов. Зато абсолютно бесплатно.

Так я ступил на просторы огромного, как город, аэропорта «Инчхон». Он бурлил. Кто-то ждал прилета родственников или друзей. Встречающиеся радостно обнимались, расстающиеся тоже обнимались, но со слезами и грустью. В людском круговороте особенно чувствуешь свое одиночество. Итак, целых восемь часов. Как можно их использовать?

В аэропорту, похоже, услышали мой немой вопрос. Здесь разработали целую программу развлечений для транзитников. Что желает человек, просидевший восемь — десять часов в кресле аэробуса? Что угодно, только не немедленного полета! В «Инчхоне» есть где отдохнуть.

В огромных залах с зимними садами, бассейнами и фонтанами расположились традиционные магазины, кафе, уголки с Интернетом.

При этом, что немаловажно, в сеульском аэропорту трудно растеряться или заблудиться. Всюду множество табличек на нескольких языках, дающих массу информации и пояснений.

На стенде я обнаружил расписание движения скоростных поездов от аэропорта до Сеула. Электрички ходили каждые полчаса, время в пути — меньше часа. Теоретически можно было отправиться в центр города, бегло ознакомиться со столицей Кореи и вернуться к отлету. Очень заманчиво! Но я все же отказался от этой идеи. Знай заранее, обязательно бы поехал. Но без подготовки, без знания города слишком рискованно. Можно бессмысленно бродить по улицам и ничего не увидеть. Хуже того — потеряться и опоздать на посадку.

Рядом с информационным стендом стойка туристического агентства. Тут предлагались короткие, всего на несколько часов, туры. Можно было отправиться поиграть в гольф. Или покататься на кораблике вокруг острова, на котором расположен аэропорт. Даже пощекотать нервы — поехать в демилитаризованную зону на границе с КНДР и посмотреть, как сменяют караул на северокорейской заставе.

Я выбрал двухчасовую экскурсию в буддийский монастырь. Она оказалась самой дешевой в списке — 12 долларов. А в буддийских монастырях я никогда не был. Со мной в автобусе были следующие в Гонолулу французы, улетающие в Токио англичане и наши соотечественники — транзитники, летевшие в Китай.

Одухотворенная атмосфера монастыря сразу сбрасывает естественную нервозность, возникающую между полетами. Монахи ходили вокруг в своих оранжевых балахонах, словно нас не существовало. В обители их немного — всего восемь. Монастырю уже тысяча лет, и он сохранил свой первоначальный облик.

Монахи живут достаточно открыто, почти слившись с природой. На склоне каменной горы, поросшей хвойными деревьями и покрытой мхом, вход в монастырь — традиционные буддийские ворота с колоколом. Дальше расположилось несколько небольших деревянных построек — легких, будто сколоченных из фанеры. Всюду настежь открытые раздвижные двери. В одном домике — статуя Будды, горят свечи — явно место для моления. В другом конце — сарайчик с большой печью. Вокруг сарайчика большие керамические чаны, в которых хранится «кимчи» — квашеные овощи, используемые для приправ и в качестве гарнира.

В центре скромное жилище монахов. В доме только одна комната, устланная циновками. Мебели нет, монахи спят прямо на полу.

Поинтересовался: климат здесь, видимо, теплый? Экскурсовод возразила — зимой выпадает снег, да и в сезон дождей зябко и противно. Как же монахи живут в таких утлых домиках? Она объяснила: корейцы сквозняков не боятся. Главное — защищать от холода ноги и спину. Для этого существуют шерстяные носки и шарфы. К тому же в традиционных корейских жилищах под полом из кухни проходят трубы с горячим воздухом. Поэтому спать на циновках тепло.

После древнего монастыря аэропорт предстал в новом свете. Огромное футуристического вида здание выглядело как нечто

космическое. Но не чужеродное, напротив, внушающее спокойствие и доверие.

Десятки международных организаций ежегодно составляют рейтинг более чем 1600 аэропортов почти в 180 странах. Исследования называют, разумеется, разных лидеров. Но вот что любопытно: всегда в тройке лучших — аэропорты Азии. И всегда в их числе — сеульский «Инчхон».

Исследования также из года в год фиксируют, что престиж европейских воздушных гаваней неуклонно падает. А ведь совсем недавно именно они считались эталоном комфорта и стиля. По знаменитому аэропорту во Франкфурте идешь теперь, как по коридору большой коммунальной квартиры. В сторонке жмутся курильщики. Невдалеке группа индийцев, присев на корточки, ждет, видимо, заблудившихся товарищей. Сбоку несколько женщин (ой, не из России ли?) утрамбовывают пакет в пакет купленное в Duty free. В туалете уборка, путешественники переминаются с ноги на ногу у дверей... А ты ломаешь голову, как из зоны А попасть в зону В, минуя зону С. Ах, это за фанерной (!) перегородкой, данке шён! Обшарпанная немецкая рациональность почему-то раздражает, выглядит казенной и неприглядной. Огромный аэропорт морально устарел.

А новенький миланский «Мальпенца», похоже, устарел еще на стадии проектирования. Вход в аэропорт расположен на первом этаже в зале прилета. Зал отлета на третьем этаже. Но все лифты почему-то доходят только до второго, где расположились офисы авиакомпаний. Эскалаторы при этом работают только на спуск. С пассажиров сойдет семь потов, пока они найдут лазейку в этом лабиринте и доберутся со своими чемоданами на регистрацию.

«Мальпенца» строилась как хаб. Это английское слово, которое переводится как «ступица» или «транспортный пересадочный узел», сейчас часто используется для обозначения огромных международных аэропортов. Эти транспортные узлы действительно

напоминают ступицу колеса, от которой во все стороны расходятся спицы. В центре собираются пассажиры всех рейсов, а потом расходятся по направлениям — кто на местные авиалинии, кто на международные, а кто и вовсе покидает аэропорт. Из хаба путешественник на метро, поездом или автобусом должен добраться до города за полчаса. Через такие аэропорты должны проходить десятки миллионов человек в год.

В теории все так. Но мало кто ожидал американской трагедии 11 сентября 2001 года. Ужесточение мер безопасности привело к тому, что пассажиры стали намного раньше приезжать в аэропорты. Увеличилось время их ожидания в самом здании. А где много людей — почти неизбежна неразбериха. А еще, не дай бог, нелетная погода или забастовка диспетчеров...

В любой воздушной гавани Европы вы увидите груды мусора возле переполненных бачков, грязные туалеты. В маленьких магазинах беспощинной торговли длинные очереди. В крошечных кафе трудно найти незанятый столик. А подчас и присесть негде — в залах нет свободных кресел. Путешествие по воздуху превращается в кошмар. Долгие досмотры и неизменное изъятие бутылок газировки, дезодорантов и прочих запрещенных предметов (не все летают часто и знают правила) только усугубляют раздражение путешественников. Огромные, пережившие век своего расцвета монстры нужно серьезно перестраивать.

«Инчхон» построен по проекту известного британского архитектора Терри Фаррелла. В его послужном списке крупные проекты в Лондоне, Эдинбурге, Гонконге, Пекине. «Инчхон» вступил в строй в 2001 году. Именно в том роковом 2001 году...

Азиатские аэропорты, в том числе и «Инчхон», не случайно вырвались в лидеры. Они быстрее европейских смогли перестроиться, приспособиться к новым требованиям времени. Видимо, прежде всего потому, что изначально рассчитывались на пассажиропотоки XXI, а не XX века. «Инчхон» и сегодня продолжает расширяться и модернизироваться.

«Ступицы» и «спицы» аэропорта «Инчхон» имеют другие масштабы, чем у его собратьев в Европе. Здесь всего больше: входов и выходов, зон досмотра пассажиров. И, что немаловажно, тут ежеминутно вступают в борьбу с мусором целые армии обслуживающего персонала. Корейский уборщик за десять долларов улыбается куда лучезарнее, чем его коллега в Европе за десять евро. Получается, даже разница в уровне жизни населения разных стран на руку центрам международного транзита.

Восемь часов пробежали довольно быстро. Новый долгий полет уже не страшил меня. Встреча с Сеулом могла бы быть проходной, а осталась в памяти. Даже жука на дереве вспоминаю как доброго знакомого...

Корейцы не просто лидеры в рейтинге. Они зарабатывают на транзите серьезные деньги. Сейчас ведется перестройка российских аэропортов. У нас должны появиться транзитные хабы от Калининграда до Владивостока. Как-никак, а через Урал, Сибирь, Дальний Восток проложены авиатрассы, соединяющие Европу, Азию и Северную Америку. Идет реконструкция и петербургского аэропорта «Пулково», который, увы, уже давно не удовлетворяет потребностям города и не отвечает высокому статусу «воздушных ворот» Северной столицы.

Хорошо, если бы на вооружение взяли именно современный азиатский опыт. Чтобы «Пулково» стало не только аэровокзалом с просторными транзитными залами, кафе и магазинами, а чтобы путешественники могли открыть для себя наш город. Кто из них, располагая четырьмя-пятью часами, не захотел бы, хоть бегло, посмотреть на набережные Невы, Дворцовую площадь или Казанский собор? От «Пулково» рукой подать до Пушкина, Павловска, Гатчины.

Следовательно, надо думать о том, чтобы проложить скоростные дороги, облегчить систему прохождения досмотра, предоставить визовые послабления. А инвестиции окупятся. Гарантией тому — сам Петербург, который десять Сеулов затмит.

заметки на полях

В Южной Корее самый популярный напиток после работы – пиво с виски. В барах его готовят так. На большую кружку пива на ножке ставят рюмку с виски. Корейцы проносят тост и ударяют

кулаком по столу. Виски опрокидывается в кружку, и ее выпивают. Корейцы, как все сыны Востока, плохо переносят алкоголь. Один-два таких подхода, и они замертво валятся с ног.

Китай

Взгляд со 101-го этажа

По Дзиньмао мы путешествовали с пересадками. Вообще-то добраться до цели можно было за считанные минуты, но мы потратили не меньше получаса. Так устроен человек: все хочется рассмотреть поподробнее, потрогать своими руками, сфотографироваться на фоне красивых видов.

Дзиньмао — не остров, не город и даже не микрорайон. Хотя по масштабам, наверное, его можно было бы сравнить с целой страной. Дзиньмао — 88-этажный небоскреб, один из самых высоких в Китае и мире.

Это издали он смотрится безмолвной башней, чуть возвышающейся над другими небоскребами быстрорастущего нового района Шанхая Пудун. Но ты не ощущаешь себя в джунглях из стекла и бетона. У фасада бьют фонтаны, здесь много зелени: газоны, деревья и кустарники. Служащие в униформе споротируют автомобили на стоянке.

Удивительно, но нас ни разу не спросили: «А вы-то, граждане, собственно, куда, к кому?». Показали, в какое «окно» загнать машину, с поклонами проводили ко входу. Просто тут всех так встречают. Посещение небоскребов стало таким же обычным делом, как и магазинов на знаменитой шанхайской пешеходной улице Нанкинлу.

Согласно путеводителям, Дзиньмао «похож на распускающуюся в синеве неба белую магнолию — символ Шанхая». Когда стоишь вплотную к небоскребу, вершины его не видишь, перед тобой громоздится во весь свой могучий рост только его тело.

И, пожалуй, лишь у подножия ощущаешь всю мощь этого каменного цветка, способного разместить в себе население среднестатистического российского районного городка.

Число восемь в Китае считается символом богатства и успеха. В каком-то смысле количество этажей в Дзиньмао гораздо важнее, чем его рост — 420,5 метра: каждый год в Китае и мире появляются и более высокие здания, а вот магическая цифра 88 останется — это же символ всекитайского счастья!

И все-таки заглянем внутрь. У любого человека, работающего хоть в сколько-нибудь многоэтажном здании, наверное, наибольшее раздражение вызывают лифты. Их, как правило, мало. К ним всегда очередь. Какие-то из них обязательно не работают. А главное, втиснувшись в тесное пространство и уткнувшись носом в чье-нибудь плечо, ты бесконечно долго считаешь минуты, пока доедешь на пятый-шестой этаж...

В Дзиньмао это учли. Тем, кому ехать сравнительно невысоко, — налево. Тут скоростные лифты доведут до любого из первых 54 этажей, на которых разместились магазины, рестораны, офисы и представительства фирм.

Если вам выше — пожалуйста направо. Тут лифты с двумя кнопками: первого этажа и 54-го. Милая девушка отслеживает очередь и направляет публику к вновь прибывающим вполне вместительным кабинам. В самом лифте также человек в униформе. Может, для солидности. Может, чтобы лишний раз улыбнуться. А может, чтобы вам не было одиноко, если вдруг не окажется попутчиков в этом золочено-зеркальном пространстве.

Кто-то из нас засекает время по часам. До 54-го этажа добирались 40 секунд. А уши закладывает, как в самолете...

С 54-го на тридцати этажах расположился роскошный отель. Рассказывают, что в номерах даже в ваннных комнатах панорамные окна — и правда, кто будет подглядывать на 77-м или 83-м этажах? За виды в этом отеле и платят постояльцы — бизнесмены, звезды и прочий небедный люд.

В нашем путешествии главным было ощутить атмосферу небоскреба. И, выйдя из лифта на 54-м этаже, мы не увидели, откровенно говоря, большой разницы с тем, если бы вошли в отель такого же класса, допустим, с парадного подъезда на Невском проспекте или Тверской в Москве.

Так что гостиничный холл мы пересекли, не удостоив его особым вниманием, и на следующем лифте поднялись уже на 85-й этаж. Вот тут, если не знать, есть риск промахнуться.

Во-первых, последний, третий, лифт может отвезти вас либо в кафетерий на 87-м этаже, либо на смотровую площадку на 88-м. Вход на смотровую площадку платный. А в кафетерий — бесплатный.

Во-вторых, не стоит торопиться с лифта на лифт. Это же не поезд: один уйдет, через полминуты придет другой. Не поленились, попросите очередную улыбчивую девушку, коих опять будет немало, показать... внутреннюю смотровую площадку. Создатели Дзиньмао решили доказать, что отличные виды из небоскреба открываются не только во внешний мир. Их 88-этажное творение потрясающе красиво и внутри!

Дзиньмао — полая башня. По всему внутреннему периметру на каждом этаже расположились галереи с балкончиками. Представьте: латунные перила, желтоватый мрамор стен и яркий свет ламп. Когда смотришь на все это сверху, создается впечатление, что перед тобой настоящее Эльдorado: закручивающаяся в спираль на несколько десятков этажей золотая труба.

После такой восточной роскоши полумрак в стиле техно в кафе на 87-м этаже выступил еще одним контрастом. Лаконичные линии, стекло и металл словно нарочно использованы в интерьере, чтобы не мешать главному зрелищу. Можно пройти по кругу и увидеть весь Шанхай. Можно выбрать одну точку, сесть за столик, заказать чай или вино и часами любоваться теми метаморфозами, что происходят с городом. Лучше всего приходить сюда незадолго до заката.

Освещенный солнцем город неторопливо погружается во мглу. Зажигаются первые огни, еще нечеткие, размытые. Но вот стемнело, и краски Шанхая — свет фар, подсветка небоскребов, телевизионной башни «Восточная жемчужина», магистралей и мостов, фейерверк рекламы и афиш — все пылает внизу, у ваших ног. Снова перед вами Эльдорадо, только не искусственно-гостиничное, а живое, настоящее. Город отработал очередной день и спешит за покупками, домой, на свидания. С высоты небоскреба не видно частностей. Но ясен масштаб. И этот масштаб впечатляет.

И тут, как часто говорят экскурсоводы, посмотрите налево. Над ярко освещенными улицами Шанхая всего в нескольких сотнях метров от Дзиньмао возвышается еще одна махина. Это Шанхайский всемирный финансовый центр.

Я был в Шанхае, когда торговый центр только строился. На открытке, выпущенной за год до этого, ясно было видно: огромным каменным цветком стоит Дзиньмао, а вокруг ничего. Сейчас небоскреб Шанхайского всемирного финансового центра взметнулся на 101 этаж, он выше Дзиньмао на 72 метра. Целый год он занимал лидерство среди небоскребов Китая. Но вскоре построили телебашню Гуанчжоу. И она оказалась на 20 метров выше.

Отдаленно 101-этажный гигант похож на тубик зубной пасты, поставленный на колпачок. Когда он только строился, незаконченные фрагменты здания прикрывали огромные кумачовые плакаты. Один мне перевели: «Обеспечим безопасное развитие города для народа».

Как строят небоскребы? Какие проблемы возникают у строителей? Шанхай, к счастью, находится не в сейсмической зоне. Но он расположился на берегах реки Хуанпу, притока великой Янцзы. Городские почвы зыбки и болотисты. Поэтому, когда китайцы только учились строить высотные здания, купили все самые современные технологии, пригласили специалистов из Европы, Америки, Японии, долго учились у них. Теперь же строят сами, совершенствуя мировой опыт уже своими разработками.

По своей структуре все небоскребы примерно одинаковы. На трех этажах ниже уровня земли располагается паркинг. На первых нижних этажах — торговый центр. Чуть выше — огромные залы для проведения конференций, фестивалей, съездов. Примерно с 7-го по 77-й этажи размещаются офисы. Выше этажей пятнадцать занимают отели. Еще выше — до самого неба — обзорные площадки с деревьями в кадках, газонами, фонтанами, прогулочными дорожками, уютными кафе... Этаким сад в двух шагах от рая.

На возведении больших небоскребов работают более 10 тысяч человек. Как ни странно, конструкция высотного здания мало чем отличается от конструкции палатки. Тот, кто когда-нибудь ходил в поход, помнит, что в центре устанавливается основной шест, к нему крепятся перекладины, а уже на все это кладется покрытие. Для надежности строение страхуется натянутыми тросами и вбитыми в землю колышками.

В небоскребе роль опоры выполняет железобетонный стержень. Правда, размер его 30 на 30 метров, и в нем помещаются вентиляционные шахты, лифты, туалетные комнаты и остальные жизнеобеспечивающие коммуникации. Все остальное как бы навешивается на опору, страхуется тросами. По углам высотное сооружение поддерживают несущие колонны из особо прочной стали. Через каждые двадцать этажей два этажа как бы выпадают из оборота. Это пространство, образно говоря, используется и для того, чтобы спрятать узлы всех натянутых тросов, и для того, чтобы создать дополнительный запас прочности здания.

Небоскребы сегодня — гордость китайских городов. И Шанхай тоже. Самый большой город Китая можно наблюдать с нескольких уровней. Первый — это одноэтажный Шанхай. Город времен иностранных концессий, иммиграции, наркоманов и портовых шлюх. Тот, что в русском языке уже стал нарицательным как символ хаоса и бардака в строительстве.

Второй — с третьего, четвертого или пятого уровня автомобильных развязок, проходящих через весь город и практически

снявших проблему пробок в 18-миллионном мегаполисе. Развязки возвышаются над крышами низкорослых зданий, и, когда едешь по ним, небоскребы не кажутся такими уж большими.

И третий уровень — это взгляд с небоскребов. О, насколько это широкий взгляд! По статистике, четверть века назад в Шанхае не было ни одного здания выше 30 этажей. В 1990-м таких зданий было всего 15. Сейчас количество небоскребов превышает 650.

Небоскребы и развязки постепенно стирают старый город. Безусловно, не весь. Уникальные здания — образцы эпохи и стиля — бережно сохраняются. В Шанхае можно найти немало отреставрированных кварталов, в которых хоть сейчас снимай фильмы о 1920–1930-х годах. Дух иностранных концессий (умытых до стерильности и отутюженных до блеска) таится в узких улочках квартала «Новый свет». Каким колоритом веет от Старого города! А сад Юйюань, созданный 400 лет назад, причудливо соединил природу и искусные творения человека.

Подчас власти идут на огромные траты, чтобы не только сохранить, но и представить в лучшем свете знаменитые сооружения. Например, при строительстве очередной развязки вплотную к ней оказалась филармония. Практически моментально было принято решение ее перенести. Сказано — сделано, и, как некогда в Москве на Калининском перевезли здание «Известий», в Шанхае за несколько дней гигантский комплекс филармонии с колоннами, рядами кресел и хрустальными люстрами перекочевал на 660 метров от дороги.

Кстати, не все жители так уж однозначно радостно воспринимают исчезновение старого Шанхая. Но в большинстве своем люди поддерживают политику властей. Кто-то объясняет такое смирение менталитетом китайцев. Они легко прощаются с прошлым, без сожаления отказываясь от старых вещей, полагая, что вместе с ними уходит и «дух» прошлого, все худшее, что связано с ним. Такой своеобразный фен-шуй. Философия, направленная в будущее, полная оптимизма и веры в лучшее.

Но вряд ли шанхайцы так безропотно переносили бы столь крупномасштабные перемены, если бы на опыте собственной жизни не убеждались в их верной направленности. Еще недавно Шанхай считался одним из самых грязных городов на планете, задыхающимся от выбросов промышленных предприятий. Урбанистическая политика прежних времен подчас доходила до абсурда. Школьников снимали с занятий на субботники, чтобы они вырыли пробивавшуюся сквозь трещины в асфальте травку. В промышленном городе не место сельским идиллиям!

Снося старые дома, власти строят не только небоскребы и развязки. Небоскребы для того и строятся, чтобы высвободить место в тесном городском пространстве. А на новых площадях появляются парки. Роскошные восточные парки с прудами, фонтанами, причудливо подстриженными кустами и деревьями, с местами для созерцания природы, релаксации, философствования.

Кто сказал, что мечтой обязательно должно быть Эльдorado — золотая страна? В Китае, в Шанхае будущее города видят в другом. Идеал — это удобный для жизни, работы, досуга, экологически чистый мегаполис. В 2010 году в Шанхае прошла всемирная выставка EXPO. Ее девиз: «Город делает жизнь прекраснее».

Это правда, что с высоты небоскреба не видно частных домов. Но если задан высокий стандарт, на грешную землю можно спуститься безбоязненно.

Когда в Шанхае строили павильоны для всемирной выставки EXPO, пришлось снести целые кварталы, построенные после Второй мировой войны. В основном это был частный сектор. В нашем понимании китайцы лояльны и послушны властям. Но, когда тебя выживают из твоего дома и предлагают поселиться в многоэтажку, тут никакая компенсация не может примирить с потерей. И один упрямый старичок наотрез отказался выезжать из своей хибарки. Ни уговоры, ни угрозы не помогли.

Моя земля, мой дом,
что хочу, то и ворочу!

Китайские власти не стали спорить. Но и стройку не прекратили. Однажды старичок проснулся, а его земля, словно остров, стоит посреди огромного котлована двухметровой глубины. Первое время житель не сдавался. Он даже построил лестницу, по которой спускался на дно, а потом поднимался на землю. Так он выдержал несколько недель. Местные СМИ с интересом наблюдали, чем же все закончится.

В итоге старичок сдался и переехал. Напоследок он дал интервью, что он не против прогресса и приветствует предстоящую всемирную выставку. Теперь, мол, он понял позицию властей. И еще хочет заявить всем империалистам на Западе и в Америке, что Китай демократическая страна. И его пример, пример человека, несколько недель противостоящего государственной машине, тому яркое доказательство.

В общем, все остались довольны.

OTO CON
EL TERROR

MEDUSA
811 MIV 74
Drogasina

CHAO MASKERE

URUGUAY RODRIGO Y GUSTAVO W PIGALLE Juj

ZINA
27.09.2003
DFL

BOSH
27/10/03
WAG
21/10/03

THE ONE IN FRONT: MARIO S. GONZALEZ, JOHN JAMES NICHOLSON, KEVIN NICHOLSON, JOHN JAMES NICHOLSON

COLOMBIA
Toluana Centre - 2002

NOV • 9 - 89
CHILE

BIRGIT KINDER

VI 1990
VI 1990
VI 1998
VI 2000
VI 2003

PATRYK
KIMER
PUCHATEK
DAD

Longman
2003
(November) 04
AB

Birgit
in

Германия

Берлинские дворики

Урбанисты считали, что после объединения Германии в Берлине будут жить порядка 7 миллионов человек. Они ошиблись, прошло уже двадцать лет, а немцы не спешат переезжать в свою столицу. Население города составляет около 3,5 миллиона. Но тем не менее строительство здесь идет грандиозное.

Берлин вызывает двойственное чувство. Вот едешь по наземному метро от Потсдамерплац с его небоскребами к Александерплац с его свечкой телебашни. Ощущение, что перемещаешься из одного города в другой, потому что внизу, под виадуком, — пустыри и... дачки. Во времена Берлинской стены садовые участки вдоль нее нарезали как в Восточном, так и в Западном Берлине. Стена рухнула 9 ноября 1989 года. От нее остались буквально несколько разрисованных художниками элементов 🗑️. А «курытники» оказались в самом центре мегаполиса. Что с ними делать, никто не знает. Частная собственность все ж таки...

Война изменила структуру этого одного из крупнейших городов Европы. Разделение на два лагеря еще больше усугубило раздробленность Берлина. Пока он не оставляет впечатление единого целого. И все же здесь очень много очаровательных уголков.

Таких, как Хаккехаус, например. Великий зодчий-самоучка эпохи модерна Август Эндель в начале XX века построил огромный доходный дом возле рынка Хакке. Дом уцелел в войну. В годы ГДР его законсервировали, а на рубеже XX и XXI веков восстановили, потратив на это почти 100 миллионов марок — примерно 50 миллионов евро. И деньги потратили явно не зря.

Неповторимый облик дома создает орнамент. Практически плоские стены облицованы разноцветной керамической плиткой. Но сколько, оказывается, вариантов может дать бесхитростный материал. По этим дворам можно ходить часами, любясь то строгими геометрическими линиями и фигурами, то сложенным из мозаики буйным садом.

Хаккехаус возвращает в упешшую эпоху разбитного, хулиганского Берлина. Именно такого, каким его изобразил Боб Фосс в своей знаменитой картине «Кабаре» с Лайзой Миннелли. По сути, этот дом — целый город. В его фасадной части расположились ресторанчики и крупные магазины.

А дальше — с десятков проходных дворов, чередующихся друг с другом. И каждый из них имеет свое неповторимое лицо. Во дворах — мастерские художников и кустарей, бутики, а главная достопримечательность — кабаре «Хамелеон», в котором ежедневно в 20.00 начинается шоу. Его, кстати, стоит посмотреть. Артисты поистине виртуозы жанра, а за внешней непритязательностью скрываются и искренность, и мастерство.

Но один из дворов дома не стали реставрировать. Облупленные стены, проступающие сквозь краску буквы старинных вывесок диссонируют с по-немецки вылизанными соседями. Тут словно остановилось время. Этот двор посвящен памяти жертв фашизма.

Район Хакке всегда был многонациональным. И именно в этом месте находилась мастерская некоего Отто Вайдта. Предприниматель средней руки изготавливал щетки. Но каким-то образом он умудрился добиться признания за своими изделиями статуса стратегической продукции. Производство имело особое положение, и особым положением пользовались все его работники и члены их семей. А это почти три десятка евреев. И благодаря мужеству и смекалке Вайдта почти все они выжили в годы геноцида. Сейчас в уникальной мастерской расположился музей. На фотографиях люди и короткие описания их судеб. Удивительно, те,

кто оставался на территории дворов Хакке, в основном выжили. Те, кто, расслабившись, выходил в город, как правило, попадали в облавы и погибали в концлагерях.

У входа во дворы в мостовую, выложенную из небольших плиток, вмонтированы бронзовые колобашки с именами погибших евреев или даже целых семей. Берлинцы называют их «камушками для спотыкания». Зазевался, забыл прошлое, есть опасность споткнуться и упасть.

Еще в один удивительный музей можно забрести в районе Николаи. Этот крошечный уголок города, сохранившийся во время Второй мировой, примыкает к почитаемой в Берлине церкви Святого Николая. Всего каких-то несколько десятков домов XVIII века, в которых сейчас пивные, кафетерии, сувенирные лавочки, антикварные магазины.

Но у каждого дома своя история. В одном, между прочим, жил и работал писатель Лессинг. Но музей вы найдете в соседнем здании. Оно принадлежало семье Кноблаухов, чью фамилию можно перевести как Чесноковы.

Дом перешел в собственность города, и группа энтузиастов решила восстановить историю конкретной семьи. И ох уж эта немецкая педантичность! В архивах удалось раскопать сведения практически обо всех представителях фамилии, начиная со дня, как они в далекие 1780-е стали берлинцами.

Обычная семья — не бедная, но и не богатая. Ее представители работали на ответственных постах в мэрии; строили дома, в том числе синагогу и русское посольство. Были среди «Чесноковых» предприниматели, мелкие служащие. И пьяницы тоже были. Интересно, что никто не исчез бесследно, несмотря на лихие времена. А сам музей просто восстанавливает быт семьи. В домходишь как гость, и кажется, что вот-вот появятся хозяева. Угощают кофе с яблочным пирогом, предложат поговорить о новинках литературы — «Вон, сосед Лессинг новую книжку написал» — или просто послушать музыку — на рояле раскрыты ноты.

Неповторимый облик дома создает орнамент. Практически плоские стены облицованы разноцветной керамической плиткой. Но сколько, оказывается, вариантов может дать бесхитrostный материал. По этим дворам можно ходить часами, любуясь то строгими геометрическими линиями и фигурами, то сложенным из мозаики буйным садом.

Музей для посетителей бесплатный. Впрочем, если кто-то хочет пожертвовать копеечку, у выхода есть специальная копилка. Но опять же тут важны не деньги, а историческая память.

Прошлое неоднократно нагоняет нас, с укором вопрошая: «А ты помнишь?».

Еще один берлинский музей задает тот же вопрос. Нет ничего убедительнее факта. И в этом смысле фотография, остановленное мгновение, подчас не требует комментариев.

В этом главная идея музея «Топография террора». Он расположен под открытым небом. На месте снесенной тюрьмы гестапо остались только подвалы. Ты спускаешься в них, словно в овраг, и ходишь между стен, замирая от ужаса. Вот кирпичная кладка. Что это было — камера, коридор? А вот потрескавшаяся кафельная плитка — душевая? пыточная?

На стенах вывешены сотни фотографий. Вот два модных парня идут по Берлину. Одни и без охраны — Геринг и Гимлер. А вот разрушенная Варшава. Или еще — люди стоят у оврага, еще миг и их жизнь оборвется...

Выставка впечатляет и будоражит. Вокруг фотографий всегда много людей, особенно молодежи — рядом популярные тусовочные места Берлина — Постдамерплац, Унтер-ден-Лиднен. Юноши и девушки смотрят выставку молча. Многие из них не застали даже Берлинскую стену, а Вторая мировая для них и давно далекая история. О том, что история все время рядом с нами, напоминает не только выставка, но и сам Берлин, который спустя уже несколько поколений все никак не может оправиться от разрушительных последствий последней войны.

В американской журналистике появился новый герой. О нем говорят больше, чем о настоящих классиках и подлинных медиазвездах. Спустя почти 70 лет информационное агентство Ассошиэйтед Пресс извинилось перед своим репортером, которого уволили в 1945 году.

Эдвард Кеннеди был одним из 17 международных корреспондентов, присутствовавших при том, как ночью 7 мая генерал Альфред Йодль подписал во французском Реймсе акт о безоговорочной капитуляции Германии во Второй мировой войне. Журналистов просили не распространять новость до соответствующего разрешения военных. Эмбарго длилось до 15.00 8 мая. Но Кеннеди его нарушил и передал сообщение в редакцию 7 мая. Утром 8 мая американские газеты оповестили о конце войны.

Поднялся скандал, Кеннеди уволили. Но он до конца своих дней считал, что поступил правильно.

На самом деле капитуляцию в Реймсе, подписанную практически без санкции советского командования, по требованию Сталина отменили. Повторно церемонию подписания капитуляции провели в пригороде Берлина Карлсхорсте уже с полноправным участием СССР. Случилось это 8 мая в 23.01, поэтому в Европе День Победы празднуют 8 мая, а в России, в которой к тому времени уже был час ночи 9 мая, — 9 мая.

После посмертной реабилитации Ассошиэйтед Пресс своего репортера в западных журналистских кругах поднялась волна канонизации Эда Кеннеди. Мол, журналист проявил мужество и выполнил свой долг перед человечеством. Вероятнее всего, в честь некогда опального репортера учредят какую-нибудь награду или его именем назовут частную медиашколу.

Но стоит ли разделять всеобщую эйфорию? Разве корреспондент не нарушил первойшую заповедь журналистского ремесла: сохранять объективность?

И в Америке, и в нашей стране во все времена журналистам не уставали повторять: работники масс-медиа, как врачи, не имеют права нанести вред своей работой.

В мае 1945 года, когда страны — победители фашизма все больше и больше отдалялись друг от друга, любая стычка, любая неловкость, тем более заключение мира одной стороной в обход другой могли привести к новой войне. А к ней бывшие союзники, по сути, уже были готовы. Понятно, почему тогда Ассошиэйтед Пресс быстро откристилось от информации своего сотрудника, опубликовало опровержение, принесло извинение, а Кеннеди уволило.

Почему именно сейчас вспомнили об Эде Кеннеди? Спустя время уходят очевидцы событий, и, конечно, легко подправить историю. СССР больше нет. Отчего же Америке не взять на себя роль страны-победительницы?

Сан-Марино

Дежурный по стране

На гербе Сан-Марино — три старинные крепостные башни, украшенные страусовыми перьями. Такой несколько опереточный образ, на первый взгляд, мало вяжется с гордой надписью под геральдическим щитом на латыни *Libertas* — «Свобода».

Честь считаться колыбелью демократии оспаривают как минимум две страны. Родина Великой французской революции и Соединенные Штаты.

Французы разгромили Бастилию, в которой к моменту штурма уже практически никто не сидел, провозгласили «свободу, равенство и братство». А потом еще целый век выбирали: стать им республикой или все же... реставрировать монархию?

Американцы придумали систему «сдержек и противовесов», чтобы ни один человек не смог прибрать к своим рукам абсолютную власть. Конгресс следит за президентом, за конгрессом — верховный суд... Но стоит только появиться сильной или яркой личности, как всякий разум отходит на второй план. «А может, останетесь?» — если кто помнит, предлагали и мэру Нью-Йорка Джулиани, и даже президенту Клинтону. За третий срок последнего ратовали не девицы вроде Моника Левински, а вполне взрослые дяденьки из конгресса.

Демократия — понятие относительное? Скорее, это явление, характеризующее зрелость. Причем не столько нации, сколько того или иного поколения. В генах-то стремление к справедливости, может, где-то и есть, но страх или корысть могут не дать этому чувству полностью раскрыться.

Сто лет назад в столице Сан-Марино открывали новый правительственный дворец. Построенное в венецианском стиле здание удачно вписалось в рисунок отвесных скал, средневековых стен и башен. Итальянский поэт Джозуе Кардуччи специально приехал из Болоньи, чтобы выступить на торжественной церемонии. Любопытно: когда Кардуччи присвоили Нобелевскую премию, он (кстати, один из немногих за всю историю) не поехал ее получать, сославшись на пошатнувшееся здоровье. Но на гору Титано он взошел. Убеденный республиканец посчитал невозможным пропустить такой шанс воспеть свои идеалы.

Территория Сан-Марино — 12 километров вдоль и 8 поперек. Одна из самых маленьких стран Европы является старейшим государством на континенте. Год его основания — 301-й от рождения Христова.

Один мой знакомый написал детские стихи о разных странах Европы. У него Сан-Марино поэтизирована как страна на морском берегу. Накатывающиеся волны и легкий бриз спасают трудолюбивый народ от знойного южного солнца.

Сан-Марино расположилось в горах, достаточно далеко от побережья Адриатики.

Согласно легенде, некий каменотес Марино, приехавший в Римини на стройку, боясь преследований за веру, бежал на близлежащую гору Титано. Вскоре вокруг него собралась целая группа первохристиан. Так родилась колония, которая и организовала республику, названную в честь ее основателя — Сан-Марино.

Первая конституция тут появилась в 885 году, когда и в помине не было очень многих современных держав.

Три башни на гербе страны — это три крепости, построенные на скале для защиты свободы маленького, но гордого государства. Соседям что покрупнее очень даже нравились виды с горы Титано, и многие хотели водрузить на нее свой хозяйский флаг. Синьоры, кардиналы и даже Папа Римский боролись за этот островок свободы.

Санмаринцы не просто успешно отбивали атаки, они завоевывали новые и новые территории, а некоторые соседние крепости сами добровольно присоединялись к республике. Сколь бы маленькой ни была страна, Сан-Марино, оказывается... федерация. Сан-Марино объединило под своим крылом девять замков.

Однажды веков семь назад, выиграв борьбу против Папы Римского, санмаринцы добились от него подписания специальной буллы, в которой он признавал права страны на свободу и выбранный строй. Такого рода благословение не раз выручало маленькую страну. Чуть возникала попытка покушения на независимость, папские легаты подтверждали полную свободу Сан-Марино.

Такая высокая защита, впрочем, не пошла республике на пользу. Народ расслабился. Семьи неохотно отдавали своих сыновей в лучники и отряды милиции, призванные защищать город. Многие уехали за границу в поисках более легкого заработка. Страна разваливалась на глазах. И некий беспокойный сосед — кардинал Альберони решил прибрать гору Титано к рукам. Его войска без проблем заняли казавшиеся неприступными крепости, разграбили дома наиболее уважаемых граждан. В общем, с божьей помощью налаживался новый порядок. И что характерно — Рим почему-то молчал!

Санмаринцы, не желая мириться с тиранией, подняли восстание. Тут же, как черти из-под земли, появились папские судьи, кардинал-provokator был удален от границ свободолюбивой республики. А в Сан-Марино начался новый патриотический подъем. Страна словно очнулась ото сна. Случай с кардиналом Альберони и вспомнил великий Кардуччи, открывая правительственный дворец, славя свободу как главную ценность людей.

Борьба за свою и чужую свободу стала постулатом маленькой республики. Во время движения Рисорджименто — борьбы за независимость Италии армия Гарибальди однажды попала в трудное положение. Измотанная боями, она отступала от превосходящих сил Австро-Венгерской империи. Сан-Марино пришло

на помощь революционерам, предоставив кров, еду, отдых. Это вызвало гнев у Папы Римского и австрийцев. Чтобы покарать своенравную республику, была даже послана армия. Но в дело вмешался французский император Наполеон III. Племянник Наполеона Бонапарта, как и его великий дядя, боготворил Сан-Марино, считал республику идеалом демократического устройства государства. Маленькую страну оставили в покое. А Гарибальди, придя к власти, поклялся вечно сохранять независимость Сан-Марино. Этот исторический эпизод во многом объясняет, почему за столько лет современная Италия, став мощным и развитым государством, не поглотила карликового соседа.

Мир панически боится тирании, резонно вспоминая регресс демократа Цезаря и республиканца Наполеона. Провозглашая гуманистические ценности, цивилизованные страны по-христиански из лучших побуждений наводят порядок в Косово и Афганистане, между делом разгромили Ирак... И никак не могут решить главную дилемму — где заканчивается отстаивание общечеловеческих интересов, а где начинается ущемление истинных свобод конкретных народов. А европейская модель противостояния малого и незащищенного против большого и сильного, оказывается, существует семнадцать веков (!). В центре Апеннин, как красивая булавка на дорогом костюме напомаженного, но бессовестного политика.

Удивительно, а ведь как много уже придумано действительно универсального! С незапамятных веков Сан-Марино управляют не президент или парламент, а два капитана-регента. Их выбирают всего на полгода. Ни одно решение не может быть принято, если кто-то из этого дуэта «против». Возможна ли при такой системе коррупция? У капитанов нет никакого шанса спеться: их деятельность после срока пребывания у власти тщательно разбирает специальная комиссия. А сами они не имеют права вступить вновь в эту должность раньше чем через три года. Они как дежурные по стране. И надо понимать местный менталитет: от каждого

зависит отстаивание свобод своих сограждан. Как тут пойдешь наперекор общественному мнению? Допустишь ошибку — заплатишься добрым именем. Сан-Марино не Америка, страна маленькая. Оступишься — соседи засмеют!

Современное Сан-Марино живет туризмом. Больше половины дохода бюджета приносят приезжающие сюда на день на экскурсию путешественники. Традиционные промыслы — производство шелка, меда, вина — постепенно вытесняют беспощинная торговля, продажа сувениров и прочей чепухи. Три миллиона человек ежегодно посещают гору Титано, на которой проживают всего тридцать две тысячи граждан. Туристы осматривают старинные крепости, музеи диковинок, бродят по вымощенным булыжником улицам. Им, конечно, рассказывают об уникальной политической системе и истории Сан-Марино. Но мало кто берет это в голову. Слово «свобода» на сувенирной тарелке — вещь материальная. А вот дух свободы домой не увезешь, на стенку в кухне не повесишь...

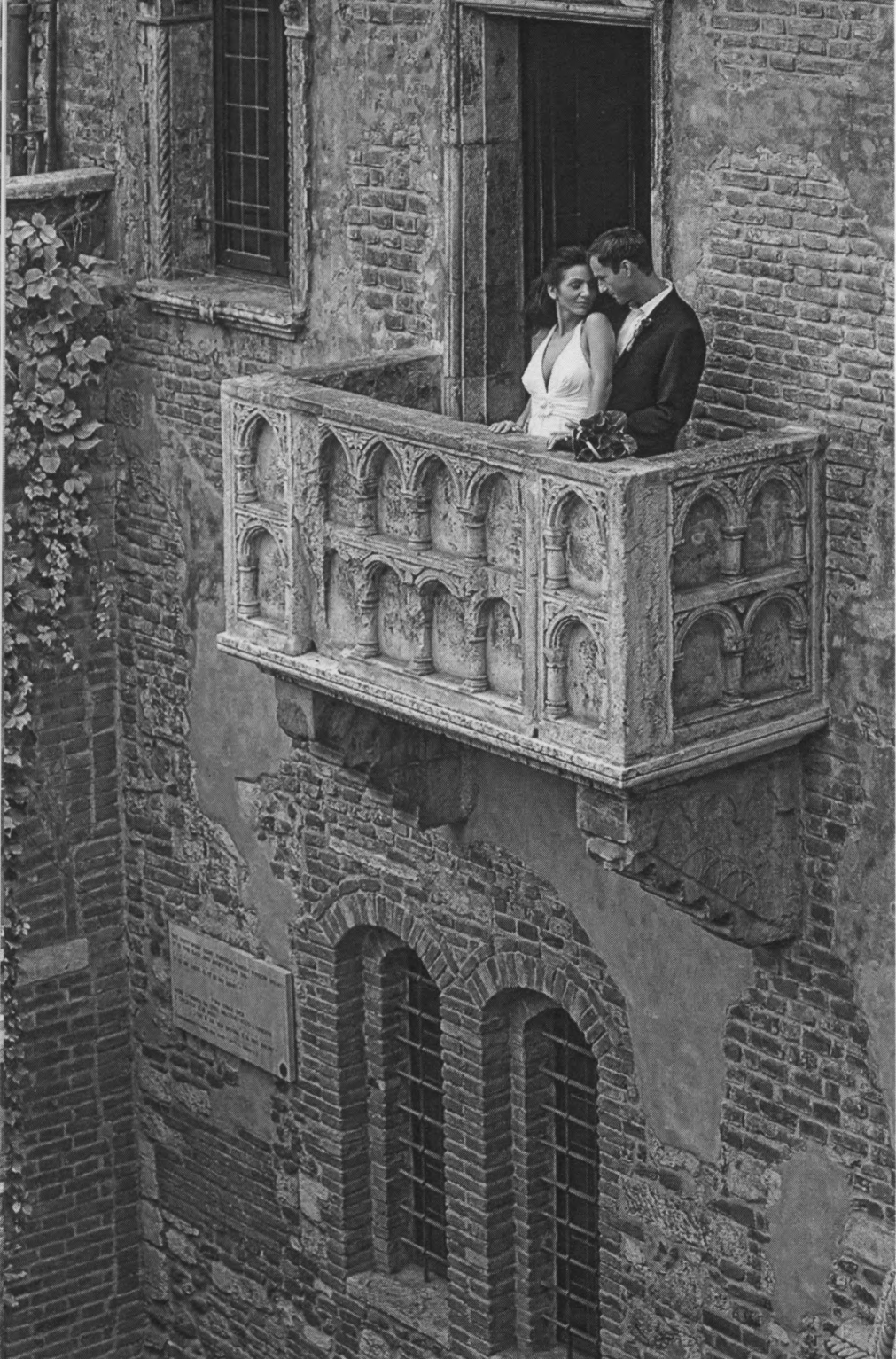
Санмаринцы любят иностранцев. Но только когда они приезжают к ним в качестве туристов и максимум на несколько дней. Стать же гражданином Сан-Марино у чужаков практически шансов нет.

Согласно закону страны, гражданство могут получить дети, чьи родители являются гражданами республики, а также дети, усыновленные коренными санмаринцами.

Если же один из родителей гражданин, а другой нет, гражданство может быть предоставлено только после совершеннолетия, и то в течение двенадцати месяцев. Правда, если один из родителей санмаринец, а другой не установлен, ребенок может получить гражданство без проволочек. Гражданство без волокиты также предоставляется детям, рожденным в Сан-Марино, но личности родителей которых не установлены.

Кроме того, получить гражданство республики можно, если после сочетания законным браком с гражданином республики вы прожили совместной жизнью не менее 15 лет.

Наконец, гражданство предоставляется иностранцам после тридцати лет их зарегистрированного проживания на территории республики. Сейчас подошла очередь тех, кто заселился во времена правления Рейгана и Брежнева.

Италия

Ужель та самая Джульетта?..

Путешественник, приехавший в Верону, может быть несколько обескуражен. Главной здешней достопримечательностью итальянцы считают Арену — древнеримский амфитеатр. Арена изображена на сувенирах, в честь нее названы гостиницы, рестораны и даже местная газета. Сносно сохранившийся амфитеатр стоит в центре города. К Арене ведут все дороги. Но как же Ромео и Джульетта? И где этот знаменитый балкон?

В средневековых городах ориентироваться довольно трудно. Вы нечаянно можете свернуть за угол и даже с картой в руках окончательно затеряться в лабиринте узких улиц.

От Арены идем к торговой площади Эрбе со старым рынком. Направо — ратуша и площадь Данте с великолепными зданиями эпохи Возрождения, украшенными галереями. Налево — средневековый замок Кастельвеккио, резиденция правителей Вероны. Его зубцы из красного кирпича в форме ласточкиных хвостов очень напоминают Московский Кремль. И рассматривая то один архитектурный шедевр, то другой, не подозреваешь, что, следуя за толпой зевак, уже прошел мимо домов Монтекки и Капулетти.

*Приди, о ночь, приди, о мой Ромео,
Мой день в ночи, блесни на крыльях мрака
Белей, чем снег на ворона крыле!*

Средневековый дом на виа Мазини и есть дом Капулетти. За глубокой аркой виден двор. Невольно думаешь, как ты мог

промахнуться? Крошечный двор запружен людьми. Еще нужно потолкаться, чтобы выбрать выгодную позицию и осмотреться.

Шекспир, конечно, сильно преувеличил, написав: «Ромео перелезает через стену и исчезает за ней». Стена-то выше самого трехэтажного дома. Да и Джульеттин балкон не лучшее место для тайных свиданий: он простреливается нескромными взглядами, как нечаянно выросший цветок на нейтральной полосе...

Туристы очень брендозависимый народ. Ни на секунду балкон не оставался пуст. На нем то и дело показывалась очередная Джульетта, которую снизу «фотил» новоявленный Ромео. А собственно, что такого? Не на фоне же Арены сниматься.

Амфитеатр — типовая архитектура Римской империи. Если сравнивать с Колизеем, то веронский амфитеатр — кроха.

Чтобы показаться на балконе, нужно пройти в музей, довольно бедненький. Но платный. Во дворе сувенирная лавка со сделанными в Китае сердечками и пошивочная мастерская, в которой на красных подушечках в форме сердца в течение нескольких минут вышьют любое имя.

В глубине дворика стоит бронзовая статуя Джульетты. Кто-то, наверное, однажды пустил слух, что, если коснуться ее, повезет в любви. Правая грудь самой трепетной героини мировой литературы буквально отполирована пятернями страждущих. Как же это: думаешь о Любви, лапаешь бронзовый идол?

*...назови меня Любовью — вновь меня окрестишь,
И с той поры не буду я Ромео.*

Потребительское отношение итальянцев к Ромео и Джульетте вполне понятно. Шекспир воспользовался давно известным сюжетом. Еще за сто лет до него итальянский писатель Мазуччо описал трагедию юных возлюбленных из враждующих кланов. Но у него трагедия разворачивается в Сиене и имена детей другие. Через полвека появилась «История двух благородных любовников»

в изложении Луиджи да Порто. Героев звали уже Ромео и Джульетта, и действие происходило в Вероне. Произведение прочитал Бальдери, вдохновился и создал новеллу «Несчастливая любовь».

Сюжет эксплуатировали и другие писатели — Банделло, Луиджи Грото. Джироламо дела Корта в своей «Истории Вероны» описал встречу Ромео и Джульетты как реально произошедшую.

Лопе де Вега использовал сюжет в драме «Кастельвины и Монтесы». Пьер Буато рассказал историю веронских подростков на французском. Британец Пейнтер перевел Буато на английский, чем вдохновил Артура Брука на поэму «Ромео и Джульетта».

Произведение Брука, собственно, и использовал Шекспир. Без малого десятков литераторов описали любовь Ромео и Джульетты, а только Шекспир остался в веках.

Монтекки и Капулетти — элита Италии, конфликт между ними описывал в своей «Божественной комедии» еще Данте. Верона — город вечной борьбы за власть. И благородные синьоры резали друг друга и в изящных галереях площади Данте, и в укромных уголках Кастельвеккио. Настоящие Монтекки, кстати, эту войну проиграли и бежали в Удину. Реального примирения не случилось.

Для литераторов до Шекспира любовь двух подростков была лишь нестандартным, выходящим за рамки обычного случая. Приобщение несчастных к знатным родам лишь усиливало эффект: вот ведь и в благородных семействах случаются скандалы.

Шекспиру в лондонском театре «Глобус» было все равно, как развивается политическая ситуация в Венецианской республике. Внося в уста Герцога слова: «*Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте*», всем своим текстом он доказал, что нет повести светлее.

Шекспир вывел на первый план и балкон, и забор, а главное — на их фоне показал, как развивалось чувство юных героев. Ромео и Джульетта обрели кровь и плоть, и мы поверили в их любовь настолько, что готовы признать в юных веронцах реальных действующих лиц, к тому же живущих почти по соседству.

Живи Ромео и Джульетта в реальной жизни, их судьба, отпрысков знатных родов, должна быть беззаботной, чуть-чуть скучной, но вполне предсказуемой. Джульетту ждал успешный брак. Ромео — беззаботная молодость и необязательные интрижки с барышнями вроде черноглазой Розалинды. Но случается любовь. И все перечеркивается, забывается, сосредотачивается на одном человеке. И уже нет места компромиссам — либо вместе жить, либо умереть, но тоже вместе.

В Вероне я вспомнил, как в школе нас повели в театр. В нашем городке мало кто дружил с Мельпоменой. Нам, подросткам, куда интересней было пойти в кино на фильм про войну, чем на пьесу о любви, тем более с очевидным финалом. Джульетту играла прима, которая с успехом могла бы выступить и в роли Гертруды из «Гамлета», да и Ромео был не первой свежести. Мы притаились, ожидая удобного момента, чтобы сбежать. Но зазвучал Шекспир. И, в общем-то, стало все равно, кто изображает героев:

*Прекраснее ее под солнцем нет
И не было с тех пор, как создан свет.*

Наверное, оттого и живет пять веков история Ромео и Джульетты, что при всем трагизме чувства юных сердец хотел бы испытать каждый. Согласитесь, бывают ситуации, когда важнее финала — прелюдия, а буйства ярких красок — полутона...

Толпа что угодно может опошлить. Но хочется верить, что миллионы людей идут к дому на улице Мазини не только для того, чтобы отметить у очередной достопримечательности. Подворотня, ведущая во двор, наполнена каким-то удивительным, не свойственным средневековым домам светом. Что это? Почему? Все очень просто — это отсвечивают бумажные записки, которые туристы крепят к стене. И в них слова любви. Нет, конечно, не к Джульетте, которая, оказывается, то ли была, то ли нет, — а к конкретным живущим где-то рядом с нами людям. Которых любят.

PATR

LIVE

LIVE

TOWN

Ben

Mi

Haus

Paris

COCA COLA

PARIS

PARIS

PARIS

PARIS

PARIS

PARIS

PARIS

PARIS

PARIS

CHIC

CHIC

MATEO

MATEO

MATEO

MATEO

VTP

200

200

200

200

200

200

200

200

200

200

200

200

200

200

200

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

CHIC

Однажды меня подвозил молодой парень. Исповедовался: попал, мол, в классический треугольник.

Дело вот в чем. Парень женат, но полюбил другую. Она уехала учиться в Париж. Он тоже к ней должен был подъехать. Но, пока суд да дело, пришла новая любовь. Та, третья, на него внимания не обращает. «Парижанка» ждет, ночей не спит. Жена из квартиры выгнала со словами «на брюхе приползешь». А он страдает. К одной привязан, вторую жалко, а третью любит — хоть топись!

Вот такая жизнь. В этом круговороте все, что происходит дома, парня совершенно не интересует — ни в политике, ни в экономике, ни в другом. Работа не клеится, того гляди, из фирмы выгонят.

«И знаешь что, — легко перешел парень на ты, — запутался я. Тут еще одна вещь приключилась. Был я в Париже у своей, ну, второй. И опять влюбился. В Париж! Что ж, может, сама судьба подсказывает выбор: с кем мне в конце концов остаться? В Париже даже дышится легче, чем здесь. Там и дворником, и посуду мыть в ресторане не стыдно.

Чувствуется воздух свободы».

Хорошо, где нас нет... Тема отъезда всегда звучала в разговорах наших соотечественников. И при царе, и при Советах, и при новом демократическом строе. У многих как бы в шутку. Но звучала. Непонятые: кто в любви, а кто в творчестве, политике или бизнесе — всех манит воздух европейской свободы. Париж, фигурально выражаясь.

Один известный журналист-международник высказал интересную мысль: россияне практически всегда очень легко вписываются в любую заграничную действительность. На родине мы можем жить кое-как, чуть ли не в грязи, всем недовольные. А на Западе моментально адаптируемся и принимаем все тамошние законы и традиции.

Получается, достаточно нашего человека вырвать из привычной российской среды, и в нем что-то щелкает, он будто перерождается, превращается в интеллигентного, воспитанного, в общем, почти не пьющего, высококвалифицированного работающего специалиста, готового за малые деньги свернуть большие горы.

Отчего же нет такой мотивации трудиться, сворачивать горы, добиваться лучшей жизни здесь у нас, на Родине? Отчего у нас не Париж? Неужели вся беда России — в самих россиянах, в том, что они одновременно собрались в одном месте? Кстати, и пример Брайтон-Бич, возможно, еще одно подтверждение тому, что бытие определяет сознание.

Париж стал своеобразной нашей национальной мечтой о лучшей земной жизни. «Праздник, который всегда с тобой», «Увидеть Париж и умереть»... И чуть на Родине становилось свободнее, те, кто пошустрее, покупали билет в один конец. И уезжали самореализоваться.

Но вот ведь фокус. Многие из тех, кто в свое время оказался там без шанса вернуться, дико, до боли в сердце тосковали по России. Так, может, использовать шанс и пытаться исправить что-то в нашей здешней жизни?

Австрия

Под сенью золотой крыши

Пятьсот лет назад странствующий художник остановился на несколько дней в Инсбруке. Он был молод и амбициозен. Только что закончив обучение у лучших мастеров Нюрнберга, художник теперь направлялся в Венецию и Милан познакомиться с мэтрами итальянской школы.

В те годы большой спрос был на портреты. Знатные и просто богатые особы готовы были часами позировать, дабы увековечить свое изображение для потомков. Молодой человек преуспел в рисовании и планировал запечатлеть знатных горожан Инсбрука. Но заказчиков не нашел. Тогда художник решил написать «портреты» самого города.

Устроившись с мольбертом, он подолгу срисовывал с натуры отражающиеся в реке панорамы и просто улочки, дворики, площади. Его легкие и почти прозрачные акварели с документальной точностью отображали не только город, но и его характер, настроение, дух.

Художник, скорее всего, и не думал, что сделал прорыв в искусстве. До него писать такие виды считалось занятием низменным, поэтому серьезные мастера за такую работу не брались.

Сейчас в любой сувенирной лавке Инсбрука можно найти копии этих старых акварелей. Еще бы! Теперь имя художника знает каждый — Альбрехт Дюрер. «Смотрите, как точно изображена панорама Инсбрука, — водит пальцем по десятиевровому листу продавец сувенирного магазина на Ратушной площади. — Узнаете: крепость Оттобург, собор Святого Якоба, Гербовая башня? Видите,

ратуша только возводилась, поэтому Дюрер изобразил ее в строительных лесах...»

Действительно, все точно. Конечно, за пять веков появились новые здания. А некоторые из тех, что написал Дюрер, изменили свой облик. В замке Оттобург теперь ресторан старинной кухни, повара готовят блюда по средневековым рецептам, картошку не подают — пять веков назад Колумб еще не привез ее из Америки. Собор перестроили после землетрясения. А на башне ратуши готические шпили заменили на более замысловатые «маковки», которые вошли в моду лет через двести.

Но в целом старый Инсбрук изменился мало. Если подняться на смотровую площадку ратуши, хорошо видны контуры улиц вдоль крепостного рва, по которому проходила граница города.

Узкие средневековые улочки начинаются прямо с набережной реки Инн и спиралью закручиваются к главной площади. По булыжным мостовым Инсбрука ходили немало знаменитостей. Под старинной вывеской гостиницы «Золотой орел» мраморная доска с именами постояльцев. В разные годы тут останавливался весь цвет Европы. Короли, принцы, герцоги... Читаешь перечисление титулованных особ и по поводу большинства невольно задаешься вопросом: кто такие, чем знамениты? Но есть и фамилии людей, перед которыми хочется снять шляпу: Моцарт, Паганини, Штраус, Лист.

Главная достопримечательность притаилась на Ратушной площади. Именно «притаилась». Если входить на площадь со стороны моста, который и дал имя городу (Инсбрук — означает «Мост через реку Инн»), не сразу и заметишь то, чем гордится вся Австрия. Увиденное поистине ошарашивает. На выхолощенном фасаде средневекового королевского дворца почерневший от времени эркер. А над ним буквально сияет «золотая крыша».

Конечно, крыша не из чистого золота. Она состоит из более чем двух с половиной тысяч медных пластин, но все они покрыты благородным металлом.

«Золотую крышу» австрийцы считают чудом света. С этим раритетом, созданным пятьсот лет назад на рубеже Средневековья и Ренессанса, связана трогательная история.

«Золотую крышу» приказал возвести молодой король Германии и эрцгерцог Австрии Максимилиан Габсбург. Как только он вступил на трон, решил обосноваться в Инсбруке. Тогда у Австрии столицы не было, и маленький городок в Альпах в долине реки Инн имел все шансы получить этот высокий статус.

Всю свою молодость Максимилиан со свитой кочевал из замка в замок. Войны с соседями и восстания городов, боровшихся за привилегии, не давали монархам в средние века возможности беззаботно сидеть на месте. Максимилиан хорошо запомнил, как в детстве вся его семья оказалась в плену у взбунтовавшихся жителей Вены. Несколько недель приходилось питаться собаками, кошками и даже крысами, пока не подросла подмога. Да и сам Максимилиан не раз попадал в ситуации, когда приходилось не по-королевски уносить ноги.

Инсбрук был городом благополучным, а потому спокойным. Максимилиану это в нем нравилось.

Поводом обосноваться в Инсбруке стало приятное событие. Максимилиан собирался повторно жениться. Король уже десять лет был вдовцом. Войны и реформы, которые он проводил, истощили его дух и казну. Исправить ситуацию могла скорая и выгодная женитьба.

Тут Максимилиан следовал заповедям отца — императора Священной Римской империи. Фридрих III, по свидетельству современников, слыл человеком слабовольным и трусоватым. В силу своего характера старался решать дела полюбовно, с помощью компромиссов. Как ни парадоксально, но именно нерешительного Фридриха считают собирателем австрийских земель и основателем огромной империи, объединившей в конце концов пол-Европы. Он выдвинул два принципа, которые стали впоследствии девизами рода Габсбургов. Первый определил цель: «Австрия должна

править миром». Второй подсказывал, как цели добиться: «Пусть другие воюют, а ты, счастливая Австрия, женись!».

Первую жену Максимилиану сосватал отец. Мария Бургундская считалась богатейшей невестой Европы. Впрочем, брак по расчету оказался счастливым. Максимилиан обожал жену. «Это самая прекрасная женщина, какую я когда-либо видел», — восторженно писал принц своим друзьям. Молодые прожили пять счастливых лет. Но однажды на охоте Мария, носившая четвертого ребенка, упала с лошади, попала под копыта и через три недели от полученных увечий умерла.

Став королем, Максимилиан снова выбрал себе самую богатую невесту Европы — дочь миланского герцога Бьянку Сфорца.

В свою резиденцию в Инсбрук король пригласил на переговоры представителей Миланского двора. Требовалось создать впечатление. И Максимилиан приказал пристроить к своему дворцу балкон с золотой крышей. Когда послы из Милана прибыли на Радушную площадь, а король вышел поприветствовать их на балкон, сияние над его головой произвело нужное впечатление, договор о свадьбе был подписан.

В Инсбрук из Милана прибыла целая процессия рыцарей, пажей, фрейлин. Вместе с ними прикатили повозки с сундуками, набитыми дорогими одеждами, коврами, гобеленами, посудой, украшениями и полотнами самого Леонардо да Винчи. За Бьянкой в приданое Максимилиан получил денег больше, чем его казна собирала за несколько лет.

Вскоре во дворце состоялась сама свадьба. И вновь молодые приветствовали гостей и своих подданных с балкона, озаренного золотым сиянием. Все было как в сказке. Очарованная Бьянка писала восторженные письма в Милан.

В Инсбруке очень любят рассказывать романтическую завязку истории отношений Максимилиана и Бьянки. С удовольствием показывают гостям города «золотую крышу». В бывшем дворце теперь музей, посвященный свадьбе. В зале, где когда-то проходила

королевская церемония, сейчас брачуются счастливые пары не только из Инсбрука и Тироля, но и всей Австрии. Потом выходят на балкон под «золотой крышей» фотографироваться...

А принесла ли счастье «золотая крыша» участникам события, состоявшегося пять веков назад? Увы, реальная сказка скоро кончилась. Максимилиан так и не смог полюбить Бьянку. Брак их оказался бездетным.

Недолго прожив в Инсбруке, король уехал вершить свои дела. А Бьянка фактически осталась в заточении в королевском дворце.

Максимилиан прославился военными победами, государственными преобразованиями, покровительством искусству. Кстати, среди художников, которым он постоянно делал заказы, был и Дюрер, написавший самый известный портрет Максимилиана, ставшего к тому времени императором.

Многочисленные любовницы рожали императору наследников. Только официально историки насчитали 13 детей Максимилиана.

Еще Максимилиан прославился своими долгами. Фантастические богатства жены быстро потратились, драгоценности были распроданы. Бьянка умерла в тоске и одиночестве через пятнадцать лет после свадьбы в ночь перед Рождеством. На похороны Максимилиан не приехал. Построенная для императора роскошная гробница в инсбрукском соборе так и осталась пустой.

Свое сердце после смерти Максимилиан завещал похоронить в Брюгге, где покоился прах его первой жены Марии.

В некоторые австрийские города, как ни странно, легче добраться из Германии. Например, в Зальцбург, который расположен вплотную к границе с Баварией. Из Мюнхена поезда в этом направлении ходят каждый час. Время в пути от часа 45 минут до двух часов.

Если вы отправляетесь в Зальцбург на один день просто посмотреть, подышать альпийским воздухом, зайти в гости к Моцарту

и съесть знаменитый шоколадный торт «Захер», не спешите покупать прямой билет.

В Баварии существует так называемый баварский билет, придуманный властями этой немецкой земли специально, чтобы население активнее ездило и изучало родной край. Такой единый билет стоит менее 30 евро. Благодаря ему можно передвигаться на всех видах муниципального транспорта — метро,

трамваях, троллейбусах, автобусах и региональных поездах в течение суток.

При этом билет оплачивает проезд от 1 до 5 человек.

Таким образом, имея баварский билет, можно из гостиницы доехать до вокзала или железнодорожной станции на любом городском транспорте, на поезде доехать до интересующего вас города в Баварии, там опять же воспользоваться местными

☛ Зальцбург — город Моцарта. Не случайно многое здесь — от названий отелей и ресторанов до конфет — носит его имя.

автобусами, трамваями или метро и вернуться обратно. И все это меньше чем за 30 евро.

Кстати, студенты и всякого рода люмпены вроде приехавших на заработка уличных музыкантов из Восточной Европы умеют очень быстро вычислять тех, кто едет по баварскому билету «не полным комплектом» и может их взять в компанию. Услуга эта вам ничего не будет стоить, просто

подтвердите, что человек едет с вами. Сделаете доброе дело.

Зальцбург расположен у границы, железнодорожное сообщение обслуживает германская компания, и немцы закрывают глаза на то, что по баварскому билету туристы едут в другое государство.

Правда, в самом Зальцбурге муниципальный транспорт придется оплачивать дополнительно.

А в Инсбрук, к сожалению, придется ехать за полную стоимость. Время в пути такое же, но билет в один конец — 66 евро на человека. Почувствуйте разницу!

Латвия

В Кулдиге-где-где...

На месте грозного замка Ливонского ордена сейчас невысокий холм, парк со скульптурами и памятный камень с надписью: «Здесь стояла крепость, разрушенная во время Северной войны 1700–1721 годов».

Все, что осталось от замка, — малюсенький фрагмент башни со старинной дверью. На двери — ржавый амбарный замок. Что там скрывается? Этот вопрос всегда страшно волновал Юриса. Может, обычный погреб? А может, подземный ход или даже тайный лаз к сокровищам герцога?

Сколько тайн скрывает Кулдига, средневековая столица Курляндии!

— Столица не Курляндии, а Курземе, — мягко поправляет меня Юрис. Он — латыш, немецкое название этих мест не приемлет. — Тебе же не приходит на ум называть Петербург Ниеншанцем. Так и не стоит называть Курземе — Курляндией, а Кулдигу — Голдингеном. Старые названия сменили в 1918-м, когда Латвия обрела независимость. Даже Советская власть их не вернула. Все! Это кануло в Лету.

Но, к счастью, не кануло в Лету все вокруг. У замкового холма шуршит водопад Вента Румба. Это, конечно, не Ниагара, но, по европейским меркам, природный раритет. Водопад считается самым широким на континенте! Чуть поодаль — старинный мост, построенный еще в XVII веке. У моста старое здание под покрывшейся мхом черепицей. Дом как дом. Табличка на нем сообщает, что это пристанище начальника караула замковой стражи.

— На самом деле это жилище палача, — комментирует Юрис. — Но все остальное правда — дому без малого пятьсот лет.

Что ж, в любом приличном городе должен быть палач, куда ж деваться...

Кулдига стала городом в 1242 году. Сейчас жителей в нем чуть больше десяти тысяч. Но за свои семь веков главный город Курляндии — Курземе никогда не терял своего столичного достоинства.

А история буквально на каждом шагу. На центральной улице старая аптека. Ей почти 400 лет. Первый аптекарь, старичок-фармацевт, явно промышлял колдовством и пытался добыть золото путем алхимических опытов.

На противоположной стороне улицы деревянный дом, в котором в 1702 году целую декаду января жил Карл XII. Под лестницей после отъезда короля остался пустой сундук. Говорят, в нем привезли зарплату солдатам и офицерам шведской армии. Сундук стоит и по сей день. Тяжелый больно, вот его и не трогают.

Метрах в десяти от дома с сундуком — господи, городок-то маленький, до всего рукой подать! — кабачок «У реки». Его открыли еще при герцоге Якобе. При Латвийской ССР это была общепитовская столовка, но, по сути, заведение профиль не поменяло. Пройти еще немного — стоит шикарный «Метрополь», по здешним меркам, гостиница не такая уж и старая, но и ей больше века.

Современность и древность легко уживаются. На стенах сотен средневековых домов можно увидеть спутниковые антенны, а над черепичными крышами поднимается дым из труб: в городе по-прежнему топят дровами, а дровяные сараи занимают чуть ли не половину площади дворов.

Чтобы узнать настоящую Латвию, увидеть одну Ригу недостаточно. Этот многоголосый и многоязычный мегаполис Балтии слишком космополитичен. Страну нужно изучать в глубинке. Лучше места, чем Курземе, не найти. Юрис из этих мест. Вот и вылезался показать настоящую Латвию.

Курземе — это весь юго-запад республики. Тут берега окатывают волны подлинной Балтики — холодные и злые, не то что рябь мелкого Рижского залива. Тут леса — настоящие чащи. А холмы — господи, великану по колено, — но ощущение такое, что попал в уголок Швейцарии... Едешь на машине по краю такого холма, с одной стороны — густой лес, а с другой — обрыв и великолепная живописная панорама долины реки Абавы. Что означает название, неизвестно, но звучит красиво!

В местечке Сабиле еще один природный уникам. Тут стоит так называемая Винная гора. Она расположена так, что солнце освещает ее склоны с утра до вечера. А соседние холмы надежно оберегают ее от ветров. И хоть солнце в этих местах такой же нечастый гость, как и у нас, но его тепла вполне достаточно, чтобы в Сабиле выращивали виноград. Здешние виноградники — самые северные на планете — официально зарегистрированы в «Книге рекордов Гиннеса». А вино из этих мест поставляли еще ко двору великого магистра Ливонского ордена.

Самый знаменитый исторический персонаж этих мест — герцог Курляндский Якоб. Жил он в XVII веке. Пока учился в Ростоке и Лейпциге, его неуравновешенный дядя поссорился со своими вассалами и во время заседания ландтага приказал вырезать полпарламента. Но желанной абсолютной власти дядя не получил, его сместили, а Якобу пришлось прервать учебу.

Печальный пример родственника заставил молодого герцога добиваться своих целей не силой и жестокостью, а путем реформ. Он решил превратить Курляндию в процветающее государство. Все свои средства он, говоря современным языком, инвестировал в промышленность. Его мануфактуры производили сукно не хуже английского, а платья шили даже лучше французских. На сталелитейных заводах изготавливали инструменты и оружие. Земли давали хороший урожай, а море и реки — неплохой улов.

Якоб искал новые рынки сбыта отличных товаров. И решил махнуть через... океан. Как пишут исследователи, он был одним

Каменному мосту через реку Венту в Кулдиге без малого 400 лет.

«из коронованных мечтателей с великими замыслами, всю жизнь свою носящихся с планами, размеры которых находились в обратной пропорции с имеющимися средствами». Его флот завоевал сначала колонии в Африке, а затем курляндский флаг — черный рак на красном фоне — взвился на острове Тобаго в Карибском море. Сегодня это кажется небылицами, но это исторические факты.

Петр I в свое первое путешествие за границу отправлялся через курляндский порт Виндаву (нынешний Вентспилс), судя по всему, пример Якоба вдохновил его и укрепил в необходимости осуществления задуманных реформ. Говорят, русский царь даже планировал поход своего флота к берегам Африки...

Этим смелым фантазиям Петра не суждено было сбыться. Но они вполне были осуществимы, у России появились мощный

флот, опыт грандиозных побед и сумасшедшая харизма расправившей крылья страны. А откуда добыл столько средств на свои свершения властелин крошечного балтийского герцогства?

Возможно, разгадка проста: дедом Якоба и основателем Курляндского герцогства был Готхард Кетлер, последний магистр Ливонского ордена. Свой титул он получил за год до краха рыцарского братства. Предшественник Кетлера попал в плен к Ивану Грозному. Кстати, лет через пятнадцать он писал из ссылки из-под Ярославля, что «грех жаловаться на свою судьбу», русские одарили его поместьями и почестями.

А энергичный Кетлер поначалу решил бороться с русским войском. Он собрал немалую армию и даже после длительной осады отбил один из замков. Но положил у его стен больше половины своих воинов. Тут Готхард понял, что дни ордена сочтены, метнулся к польскому королю Сигизмунду II Августу и принес ему присягу. Ливонию благополучно «распилили» сильные державы — в первую очередь Польша, Литва и Швеция. Но и Кетлер приобрел свой «маленький свечной заводик». В 1561 году он стал герцогом и, судя по всему, привез с собой в Курляндию значительную часть орденовой казны. Этого своеобразного «золота партии» хватило не только самому Готхарду, его внуку Якобу, но и последующим потомкам. Дворцы курляндских герцогов в Елгаве, куда они позже перенесли свою столицу, и Рундале, где находилась их загородная резиденция, ни в чем не уступают Версалию и Потсдаму. С этих шедевров барокко начал свое восхождение к славе великий Растрелли.

Кстати, сегодня некоторые ученые утверждают, что Ливонский орден в свое время приютил спасавшихся от гонений в Европе рыцарей ордена храма. Тамплиеры, возможно, передали рижским единоверцам не только свои несметные богатства, но и знаменитые реликвии, в том числе чашу святого Грааля. Прямых доказательств этой версии нет. Но хроники свидетельствуют: после разгрома тамплиеров заштатный и бедный Ливонский

орден неожиданно разбогател, начал строить великолепные замки, храмы, хорошие дороги...

Кладоискатели верят в эти легенды и с особым азартом посматривают на руины замков и малоизученные курганы.

Погляди, как красиво скачет по долине рыцарь! — сказал Юрис, когда мы возвращались из Кулдиги. От всего услышанного и увиденного могло померещиться что угодно. Заходящее солнце искрилось в водах Абавы, слепя и играя с возбужденным воображением. Юрис засмеялся и, продолжая шутку, напел:

— Где ты, моя ненаглядная, где? В Вологде-где-где-где, в Кулдиге-где....

Юрис родился в Кулдиге, учился в Ленинграде, работал в разных уголках Союза. Малоизвестная нам Курземе, оказывается, связана с нами многими нитями. Рыцари храма и масонские идеи Павла I... Реформы Петра Великого и опыт герцога Якоба. Походы русских мореплавателей, выходцев из Балтии, и странное пристрастие латышей произносить названия экзотических мест — «Тобаго», «Гамбия» — как свои. Творческая юность Растрелли, Бирон и царица Анна Иоанновна...

К слову, Петр I выдал свою племянницу замуж за одного из последних представителей рода Кетлеров. Согласно известной легенде, царь заставил юного жениха выпить на одном из пиров свой знаменитый штоф водки. Отчего герцог и помер. Анна Иоанновна отправилась в свои новые владения одна, скучала больше двадцати лет, пока не стала российской императрицей.

У нас общая история и общие культурологические корни.

бывают чудеса на свете. И хотя из семи легендарных античных чудес света остались только египетские пирамиды, нам есть еще чему удивляться.

В малонаселенной Видземе, области на севере Латвии, я неожиданно наткнулся... на египетский обелиск. Представьте: поле, поросшее камышом озеро, типичный хутор с покрытыми дранкой крышами и распряженной телегой. И вдруг — четырехметровое изваяние с иероглифами имен фараонов династии Птолемеев. Откуда оно тут?

Местные только плечами пожимают: «Так всегда было!». Крестьяне рождались, ходили за несколько километров в поселковую школу, играли свадьбы, старели... А торчащий, как кол, каменный монумент стоял себе и стоял. Он даже глаза никому не мозолил, поскольку к нему настолько привыкли, что уже и не замечали!

Но несколько лет назад местный обелиск произвели в ранг национальной достопримечательности. Приезжала специальная комиссия из Риги и на его каменном боку черной краской нанесли инвентарный номер. Теперь он числится в каких-то книгах,

охраняется государством. А местным коровам все едино: что телеграфный столб, что египетский монумент.

Пытливые люди — городские, из районного центра Лимбажи — решились все-таки докопаться до истины, благо местные архивы аккуратно ведутся аж со времен Тевтонского ордена. И выяснили! Конечно же, никаких чудес: ни Клеопатра, ни ее предки — сатрапы рода Птолемея на Балтике не бывали.

Обелиск приказал изваять местный помещик по фамилии Зоммер. Большой поклонник Египта решил так украсить свою усадьбу. Видземскому обелиску нет двух тысяч лет. Но почти двести есть наверняка. Тоже, надо сказать, историческая ценность.

А главное, чудак Зоммер, сам того не ведая, создал идеальный политкорректный памятник.

Кто он был — немец, латыш? Гордился ли российским подданством? Был ли служивым человеком или жироваля за счет оброка и барщины?... Местные жители даже имени его не знают — только фамилию, от его усадьбы и судьбы камня на камне не осталось.

По этим местам прокатились две мировые войны, несколько революций. Кинули в Лету времена крепостного права, одинок-кулаков, колхозов. Теперь фермеры стараются держаться под натиском квот ЕС.

А обелиск стоит! Может, оттого, что никому нет до него дела? Вот он и существует вне времени и политики.

Австралия

На другом конце планеты

Каким бы путем вы ни добирались до Австралии, поездка с пересадками и ожиданиями займет не меньше суток. При этом непосредственно в кресле самолета вы проведете по меньшей мере часов 18–20. Но и это еще не все...

Первое испытание для путешественников, прибывших в Австралию, — преодолеть местную таможню. Мы у себя в Европах привыкли: идешь по «зеленому коридору» и никому дела до тебя нет. А тут все подвергаются тотальной проверке: потрошат и большие чемоданы, и дамские сумочки, и борсетки. На таможне после долгого перелета приходится выстаивать в очереди часа полтора-два. По строгим правилам, в Австралию нельзя провозить наличность более чем на 10 000 местных долларов, а также ценности и вещи на сумму более чем 900. По идее, если у вас ноутбук, цифровой фотоаппарат, дорогие часы или украшения, все это нужно декларировать. Но охота идет не за такой «мелочью».

Австралийцы панически боятся продуктов, растений и всякой живности. Вот это уж контрабанда так контрабанда! Ее, если найдут, изымут, а вас оштрафуют. Австралия — замкнутая экосистема, любое ее нарушение может привести к катастрофе. Всем известна история: какой-то доброхот завез сюда кроликов. Милые и, на первый взгляд, безобидные ушастые чуть было не съели Зеленый континент.

Австралия хоть и самый маленький, но континент. Вполне себе самодостаточный. Здесь есть все, что есть у других, — золото, нефть, газ. Но много и такого, чего ни у кого нет.

Сорок лет назад Даниил Гранин написал хорошую книгу «Месяц вверх ногами». Начал он ее с того, что после поездки в Австралию все его друзья только и спрашивали: «Ну как там кенгуру?». Сегодня ничего не изменилось. Первое, что спросили меня дома... Докладываю: видел и даже кормил с рук. Правда, не на воле, где всюду понаставили дорожные знаки «Осторожно: кенгуру», а самих кенгуру не видно. Историческая встреча случилась в «Коала-парке» — зоосаде под открытым небом. Кенгуру тут скачут группами — одних выпускают для общения с туристами, других держат в загоне. Посетителям продают специальный корм. Впрочем, те кенгуру, что общаются с туристами, объевшись, лежат на траве, ни на кого уже не реагируя. Их детеныши дрыхнут в сумках, только когтистые лапы торчат. Умиляют те, что за забором. Они жалостливо тянут свои ручонки. Не подать им лакомство — грех. Они берут корм нежно, словно целуют ваши руки. Вот такой негордый зверь.

Кенгуру украшает герб Австралии — слева. А справа другой геральдический символ страны — страус эму. Этого держат за прочной сеткой. К нему лучше близко не подходить. Одна дама из Голландии встала на скамеечку, свесилась и сказала что-то типа «у-тю-тю». Страус сначала оттянул голову назад, не понимая, что происходит, а потом сделал хук клювом. Хорошо не в глаз.

Главное шоу парка — обед коал. Расписание вывешено у входа, именно к этому действию съезжаются посетители. В обычное время коалы спят на деревьях, выставив туристам свои мягкие попы. Во время обеда их снимают с ветвей, ленивцы заметно оживают и лихорадочно поедают принесенную зрителями еду. В этот момент коал можно погладить и сфотографироваться с ними в обнимку. Но не ждите взаимности — листья эвкалипта для них дороже.

Вообще то, что Австралия — страна вверх тормашками, — очень метко подмечено. Зима там не столько суровая, сколько коварная. Днем в Сиднее светит солнце, температура достигает плюс

20, а ночью холодает до нуля. Перепады очень заметны. Днем вы можете прогуливаться в футболке, купаться в океане, который не остывает, держа стабильные плюс 22–24, но вечером вы рискуете подхватить насморк. Темнеет тут быстро. В 17.00 словно разом выключают свет. Солнце стремительно ныряет за горы, и в черном небе вас приветствует Южный Крест.

Некоторая «вверхтормашковость», кажется, проявляется и в местных жителях. Они спокойны и неспешны. Одна знакомая, вышедшая замуж за австралийца, так отозвалась о характере своей новой родины: «Они все апофигисты. Живут по принципу: пусть будет, как будет». На материке преступность не в пример ниже, чем у нас. Ночью можно достаточно беззаботно гулять по самым темным закоулкам. Как известно, первыми жителями Австралии были каторжники. К счастью, их потомки не переняли бедовость своих предков.

Австралийский доллар нынче догнал своего заокеанского собрата и порой стоит даже дороже американского. Это, кстати, плохо для страны, живущей экспортом. Впрочем, уровень жизни у работающего населения достаточно высокий. Зарплату считают по неделям. Минимальная — около 500 долларов, на такую соглашаются только эмигранты из Азии. Зато и цены не низкие. На что-то примерно сопоставимые с нашими: сходить в кино — 5–12 долларов, килограмм мяса — 10. А вот снять квартиру — не меньше 350–400 долларов в неделю. Проезд в городском транспорте — 3,60. Чашка кофе или чая — 3,50, обед — не меньше 30. Дорогие одежда и обувь. Пачка сигарет — 10 долларов. В Австралии борются с пороками — на пачке будет крупно изображена раковая опухоль в цвете.

Большинство австралийцев никогда в жизни не имели паспорта. За пределы страны не выезжали, вот он и не нужен. Многие даже права на машину с собой не носят. «А если задержит полиция?» — спрашиваю. «Если нарушил правила, заплачу штраф», — они не понимают суть вопроса. «А личность

как определить?» — не унимаюсь. «А чего ее определять — вот он я. Не немой же, фамилию и адрес могу и сам назвать», — и весь сказ. Доверять людям больше надо. Тем более на всей материке всего 20 миллионов жителей.

Есть еще аборигены. Их численность приблизительна. О них говорят все время и всюду. Проблема аборигенов — крест австралийцев, некогда нещадно истреблявших коренных жителей континента. В музеях им посвящено не меньше половины экспозиций. В любой лавке вы найдете поделки «Искусство аборигенов». Но самих их не видно. Это люди-фантомы, обитающие в резервациях, куда никого не пускают. Порой на набережных можно увидеть разрисованных людей, танцующих диковинные танцы. Правда, веры в то, что это настоящие дети пустынь, почему-то нет.

Характер австралийцев сказался и на всем, что они делают. Знаменитая Сиднейская опера строилась так долго, что архитектор Йорн Уотсон переругался со всеми, плюнул и уехал в свою Данию.

Гордость Сиднея — Гарбор-бридж. На сегодня это самый широкий мост в мире. По нему проходит железная дорога, восьмиполосная автострада, велосипедная и пешеходные дорожки. Австралийцы так гордятся этим своим сооружением, что подчас не знают чувства меры. Даниил Гранин с обидой вспоминал, как его после 30-часового перелета, вместо того чтобы отвезти в гостиницу умыться-побриться, потащили любоваться Гарбор-бриджем.

Чем же так хорош этот мост? Строили его неспешно. Проект появился в 1815 году. За работу взялись в... 1924-м, а там еще немного и в 1934-м мост сдали в строй. Гарбор-бридж тянули сразу с двух берегов. На старых фотографиях видно, как пролеты, словно две руки, сближались, пока не сомкнулись друг с другом. На открытие моста собрались тысячи людей. Наконец-то, чтобы попасть из дома на работу и обратно, им не нужно было штурмовать паромы и катерки.

Для торжественной церемонии приготовили золотые ножницы, украшенные шестью великолепными голубыми опалами. Но отцы города замешкались. Напряжение накалялось, и какой-то офицер выхватил саблю и разрубил красную ленточку. Пришлось натягивать новую, чтобы разрезать ножницами.

Не сразу строилась и столица Канберра, что в переводе с языка аборигенов значит «Место встречи». Два крупнейших города — Сидней и Мельбурн — долго спорили за право приютить у себя власть. В начале прошлого века нашли компромисс — создать новый город посередине пути между мегаполисами-соперниками. Через четверть века построили парламент. Еще через полвека подумали, что «маловато будет», и рядом взгромодили еще один, побольше. Злые языки утверждают, что Канберра настолько оказалась на отшибе реальности, что премьер страны предпочитает жить и делать политику в Сиднее.

В Канберру я хотел отправиться поездом или рейсовым автобусом. Памятуя о европейских стандартах, думал, поброжу по улицам, загляну в музеи, посижу в кафе. Хорошо, друзья отговорили и почти силой посадили в экскурсионный автобус. Какие кафе! Расстояние между домами тут исчисляется километрами. Все остальное пространство занимают парки с галдящими и метящими тебе на голову стаями... нет, не голубей, а какаду — Австралия ведь. Любопытно, что на автомобильных номерах континента внизу пишут название штата, где зарегистрирована машина. На канберрских же — длинная витиеватая фраза: «Канберра — истинная столица Австралии». Что ж, без нее не всякий и догадается. Сами австралийцы называют Канберру «федеральной деревней».

Не в пример ей Сидней — большой и современный мегаполис. Небоскребы, здания викторианской эпохи, парки с экзотическими растениями. А вокруг на островах выстроено множество фортов. Понятно, что большой город требует защиты. Но любопытно было узнать, что строились форты в середине XVIII века исключительно для защиты от... русских.

Великобритания, под чьей короной и сегодня формально находится Австралия, в тот период была с Россией «на ножах». А у нас был период великих географических открытий. Наши корабли осваивали океаны, наши мореплаватели открывали новые земли. Миклухо-Маклай располагал к себе сердца папуасов. Беллинсгаузен и Лазарев штурмовали льды Антарктиды. А несчастные англичане очень боялись потерять свою колонию на Зеленом континенте. По этой причине долгое время Австралия была закрытой для россиян территорией — терра инкогнита.

Одной из первых прорыв совершила наша блистательная балерина Анна Павлова. Память о ее визите жива до сих пор. Она имела такой оглушительный успех, что в ее честь назвали... пирожное. Многие австралийцы до сих пор убеждены, что именно балерина привезла рецепт восхитительного десерта: бeze, взбитые сливки и клубника. И поедают его в огромных количествах, считая, что «Павлова» (с ударением на втором слоге) не скажется на их бедрах. Открытыми и наивными австралийцы и запоминаются путешественникам, хоть раз побывавшим на далеком, но весьма уютном континенте.

В 2007 году в Австралии проходил саммит лидеров стран — членов организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

По традиции, по окончании саммита все главы делегаций должны были сфотографироваться в национальном костюме страны — хозяйки встречи. Когда лидеры государств АТЭС приезжали в Перу,

вопросов не возникло — понятно, что им предложили покрасоваться в пончо. А что есть национальный костюм Австралии? «Костюм» аборигенов? Насколько уютно будут чувствовать себя влиятельные господа в платье «голого короля»?..

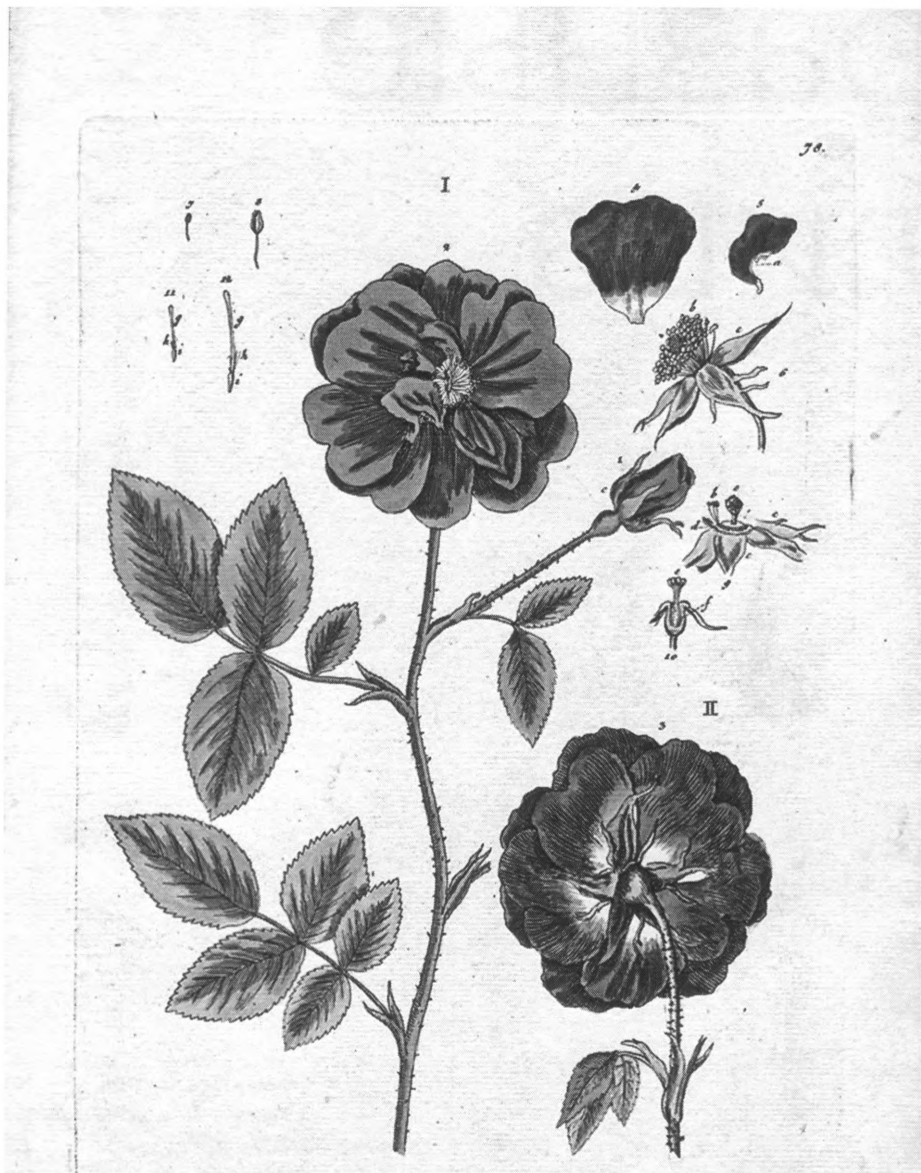
Из пикантной ситуации выход все же нашли. Национальной одеждой Австралии объявили «дризабон» и широкополую шляпу фирмы «Акубра». Для непосвященных объясню: «дризабон» — плащ до пят, выполненный целиком из высококачественной кожи. Из кожи шьют и шляпу. Такой костюм надежно защищает австралийских фермеров от солнца и дождя. Загвоздка в том, что стоит он баснословных денег. Пошив плащей и шляп для всех руководителей стран — участниц встречи обошелся налогоплательщикам Австралии в 100 тысяч долларов. Местные СМИ назвали фотографию на память самым дорогим снимком за всю историю человечества. Но фото сделали. Лидеры государств улыбаются на фоне знаменитой Сиднейской оперы, которую весьма кстати накануне саммита включили в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

2

разные лица

Финляндия · Голубая роза	101
Латвия · Полцарства	107
Китай · Sundy Day с утра до вечера	115
Италия · Легкий в общении	125
Турция · Пароль счастья	133
Австралия · Миррабука	151
Греция · Ихтиандр здесь больше не живет	159
Германия · Любовница герцога, узница короля	171
Франция · Устрицы из Аркашона	179
Россия · Улица Тундра	191

Финляндия

Голубая роза

Как алхимики грезилы получить золото из грошового вещества, любой цветовод мечтает вывести розу своей мечты. У алхимиков не получилось, а селекционеры добиваются своего.

Сапфо присвоила розе титул «царица цветов». Не будем уточнять, кто вдохновил поэтессу, но именно она впервые заявила, что роза создана для воспевания любви. Все эти «чувства, раскрытые, как бутон», «шипы и лепестки» и прочая словесная белиберда, затертая в миллионах произведений от Данте и Шекспира до графоманов с соседней улицы, придуманы любвеобильной гречанкой за 600 лет до рождения Христа.

А вот когда Арво Суутари решил выращивать розы, его приняли за сумасшедшего. Только что закончилась война. Пол-Финляндии числилось в беженцах. Кто-то выехал с территорий, отошедших к СССР. Кто-то чудом спасся от гитлеровцев, оккупировавших Лапландию после объявления правительством Суоми нейтралитета. Нищета, отсутствие жилья, безработица. Продуктов и товаров не хватало — практически все продавалось по карточкам.

Беженцам стали выдавать небольшие участки под огороды. Семья Арво получила землю на юго-востоке у города Коуволы. Тут бы заняться выращиванием картофеля и овощей для пропитания. А Арво решил разводить розы.

Финляндия, как известно, страна далеко не южная. И к розам тут отношение особое. Без них не проходит ни одно значительное семейное торжество. Женщины, например, хранят свой

свадебный букет — обязательно из роз — до конца жизни. Но розы всегда были в северной стране цветком редким и очень дорогим.

«Первые мои цветы, конечно, погибли, — признается Арво. — Потом еще несколько раз случались настоящие трагедии из-за холодов и дождей. Я понял, что ничего не добьюсь, пока не узнаю о розах все».

Те, кто выращивал картофель, уже обзавелись своими домами. А главным достоянием Арво были теплицы. Он проводил с цветами и дни, и ночи. Разгадать тайну очарования невозможно. Розы люди выращивают пять тысяч лет. Эти цветы вызывают одинаковое восхищение у самых разных культур: в Европе, Китае, Индии, Египте. Но людская страсть улучшить совершенство, добиться, чтобы уникам превратился в массовое явление, вечно все портит. В стремлении вырастить идеальную розу одни боролись за роскошный бутон, другие старались защитить цветы от болезней, третьи — продлить жизнь кустов. А роза, как и положено королеве, оказалась весьма капризной. За тысячелетия селекции удалось добиться многого. Но в одном проиграли. Многие современные розы практически не пахнут...

«Читаешь поэтов Средневековья, Востока, эпохи классицизма, аромат всюду — одна из главных черт», — говорит Арво. Для него как северянина роза — отголосок лета, тепла, солнца. Но цветок выглядит искусственным и замороженным, если не источает тепло. А тепла нет, если нет аромата.

Финны очень трепетно относятся к солнцу. Это заметно, как только пересекаешь границу. Остаются где-то позади и очень быстро забываются буреломы по обе стороны дороги, убогие деревеньки и ужас эпохи победившего капитализма — замки «новых русских». Сразу за шлагбаумом — хорошее шоссе, чистый лес и дома без заборов. Вот эти дома поражают больше всего. Вокруг почти тайга, на многие километры ни души, а окна — как витрины: от земли до крыши. И ни ставень, ни штор. Тут не боятся грабителей и сквозняков. Финны ловят каждый луч света.

Тема солнца весьма актуальна в работе Арво. Сейчас в его теплицах ежегодно выращивают около 10 миллионов роз. Это самое большое хозяйство в Финляндии, одно из крупнейших в Европе. Когда Арво начинал после войны, электроэнергии не хватало, вся надежда была на переменчивую погоду. Сегодня под стеклянными крышами установлены тысячи люстр. «Искусственное солнце» обеспечивает свет цветам даже в длинные зимние ночи. А чтобы каждый бутон получил свою порцию счастья, устроены специальные механизмы наподобие колеса обозрения, которыми управляют компьютеры и передвигают грядки. И капризные розы откликаются на заботу. В Северной Европе, Финляндии, оказывается, можно снимать с одного куста ежегодно 5–6 урожаев!

«А люди продолжают поиск идеала, — говорит Арво. — Мало кто знает, что, например, желтый не естественный цвет розы. Он выведен в результате селекций. А сейчас селекционеры всего мира сходят с ума — хотят вырастить голубую розу».

У роз нет гена синего пигмента. То, что иногда продается в магазинах, это профанация, обычный крашенный белый цветок. А в природе голубые розы не встречаются.

Согласно легенде, в позапрошлом веке на Востоке кто-то из путешественников видел голубые розы, которые, как утверждают, выращивали арабы. Может, правда, это были крашенные цветы, но уже полтора века ученые бьются над созданием розы мечты. Пока успехов мало — известны только гибриды, цветы, всего лишь похожие на розы, к тому же, как правило, мелкие.

«Даже я в какой-то момент включился в эту гонку, — признается Арво. — Но потом махнул рукой. По сути, ведь это чистой воды тщеславие. В погоне за славой нет любви. А без любви мне заниматься своим делом неинтересно. Тем более я уже опоздал».

Двадцать лет назад в Мельбурне появилась компания, которая провозгласила своей целью вырастить голубые розы. Австралийцы настолько серьезно взялись за дело, что в конце концов разорились. Компанию приобрели японцы. Корпорация Suntory

выпускает алкогольные напитки. Им попали в руки американские исследования печени человека. Оказывается, мы способны вырабатывать синий пигмент, так недостающий розам. Теперь за работу принялись генные инженеры. Утверждают, что благодаря биотехнологиям уже получены первые розы с настоящими голубыми лепестками. Цветы пока очень дороги. Но через несколько лет их пустят «на поток».

Арво убежден, что голубые розы, даже если когда-нибудь и появятся, привлекут к себе внимание лишь на время. Мода пройдет. Классическая красная роза — вот лучшее украшение любого праздника, цветов на все времена.

«Мужчины часто думают, что, купив однажды одну розу, они навсегда завоевали сердце женщины, — говорит Арво. — На самом деле сердце женщины нужно завоевывать постоянно. Так что не жалейте цветов!»

Выбирая розы, не стоит покупаться на то, что они привезены из южных стран. Колумбийские, эквадорские плохо выдерживают наш климат, быстро вянут. К тому же они уже пережили стресс. Поэтому, выбирая перед праздником или каким-то торжеством букет любимой, старайтесь найти цветы местные: тут уж невооруженным глазом можно определить — свежи они или нет?

А успех, который пришел к Арво, не только позволяет ему заниматься любимым делом, но и принес немалое богатство.

«Цветы и женщины — вот идеал жизни», — провозгласил Арво. У него прекрасная семья. Сейчас он не ведет хозяйство, работает консультантом. Дело продолжают дочери и сын. Но Арво, по традиции, каждое утро идет в теплицу и нарезает свежие цветы для своей жены. Кстати, редко какой мужчина может подарить своей жене цветы, выращенные и «придуманные» им самим. Один из самых красивых сортов роз, которые вывел Арво, называется «Мисс Тина». Первый букет этих розовых с бархатистыми лепестками и немного пахнущих земляникой цветов Арво принес своей супруге в день рождения их первенца — девочки Тины.

В Финляндии за 90 с лишним лет независимости сменились двенадцать президентов. Самый известный — Кекконен — управлял страной четверть века. Все эти годы он жил в доме на тихой окраине Хельсинки. Сейчас там музей. И однажды в этом музее открылась выставка, посвященная всем президентам Суоми.

Выставка симпатична тем, что она лаконична. Каждый из лидеров представлен каким-то одним предметом, характеризующим именно его. Первый президент Финляндии Столберг приехал из эмиграции, поэтому за него на выставке «отвечает» массивный кожаный чемодан. Реландер каждый вечер самолично печатал свои дневники. Тут, понятно, пишущая машинка. А вот Паасикиви, напротив, терпеть не мог бумагу. Все распоряжения старался

отдавать устно и желательно из своего кабинета по телефону. Массивный аппарат без диска набора номера солидно выделяется в экспозиции на фоне личных вещей других президентов.

Финны подошли к формированию выставки с юмором. Они как бы намекают: мы раскусили наших исторических деятелей. Правда, охарактеризовать одной вещью не только человека, но и эпоху, стиль правления — смелый поступок.

Тут же подумалось: а как бы выглядели наши лидеры? На одной из инсталляций в Петербурге, помнится, Хрущева представлял ботинок, которым он якобы стучал по столу в ООН, угрожая раздавить империалистов. Между прочим, когда Хрущева снимали с поста, припомнили, что именно в гостях у Кекконена он парился в сауне. Кто-то из бывших соратников укорил Никиту Сергеевича: «Голым стоял перед капиталистами!».

Любопытно, что самого Кекконена на выставке просто и зримо характеризует фильм об одном дне его жизни. Вот он утром совершает традиционную пробежку, вот встречается в гостиной с премьером,

вот сидит в бане... После отставки Кекконена критиковали за диктаторские замашки, а тут он при всем честном народе — без прикрас.

По поводу наших лидеров мы высказываем много оценок и суждений. Но можем ли, как финны, взять на себя смелость заявить, что «раскусили» наших президентов?

Латвия

Полцарства

Старший брат отказался сразу. А младший сказал: «Может, судьба нарочно испытывает нас. Давай, Гита, попробуем». И она согласилась.

В Латвии хутора не строят рядом. Они стоят на «расстоянии взгляда»: виден дом, можно даже различить ходящих по двору хозяев, увидеть скот. Но кричи — не докричишься. Однажды от удара молнии загорелся соседний хутор. Пока бежали на помощь — через неровное поле, заросшие кустами дренажные каналы — дом под деревянной дранкой сторел дотла.

Так что у Гиты с детства подружки были только в школе. А летом дома весь круг общения — мама, бабушка, братья. И, конечно, отец. Он, председатель большого колхоза — одного из крупнейших в районе, дома появлялся лишь к ночи. Он любил эти просторы. Но больше всего он все-таки, похоже, обожал дочь.

«Ну что делала моя хозяйюшка? Как управлялась со своим полцарством?»

Летом Гита страшно завидовала братьям. Парни пасли коров и там вдоволь валяли дурака — куда скотина денется, а они могли и в лес пойти, и на велосипедах погонять.

Гита с утра до вечера помогала матери — в коровнике, саду, огороде. Семья просыпалась рано — перед рассветом первая дойка, и до обеда спины не разогнуть. Днем в самую жару спали часа полтора. И снова работа. Вечером последняя дойка, скромный ужин — молоко, крестьянский хлеб с маслом, овощи с огорода и чисто латышский специалитет — молодой картофель с вареньем

из крыжовника. Уже во время вечерних новостей, в восемь, бабушка начинала похрапывать. «Пора спать», — говорила мать. И день заканчивался.

Так латыши жили веками. Стоит ли удивляться, что молодежь старалась перебраться в города. У юношей шансов было больше. После армии многие уезжали на комсомольские стройки в глубь СССР. Это была общая страна, большая и интересная.

Старший брат Гиты поступил в институт и обосновался в Риге. Младший — в районном центре. Когда Гита после школы собралась в медучилище, чтобы смягчить пилюлю, пообещала, что будет работать в местной больнице. «Ты не вернешься», — сказала мама.

В Риге Гите дали квартиру в старом фонде. В городе жизнь была ничуть не комфортнее, чем на хуторе: печное отопление, горячей воды нет. Не проще и не чище, чем в деревне, была работа санитаркой в больнице. Но в столице ощущались другие ритмы, рождались надежды и ожидания.

Гита познакомилась с хорошим и веселым парнем Гунаром. У них появились двое малышей — старший Айвар, младший Вестурс. За домашними хлопотами пролетели годы. Гита и Гунар не очень обращали внимание на сменившиеся политические настроения и почти не заметили, как однажды проснулись в другой стране.

Завод Гунара закрыли, и он тщетно пытался найти работу. Муж и раньше-то был слаб на спиртное. А тут однажды на родительском хуторе выпил лишнего, полез на сеновал и свалился...

В советские годы на зарплату медсестры как-то прожить было можно, а теперь платили чуть больше 50 лат, средняя пенсия — 60 лат — и то была больше. Гита работала в полторы-две смены, но легче не становилось. Медсестры увольнялись одна за другой, обязанностей прибавлялось, на дополнительные смены едва хватало сил. В прежние годы родственники больных то конфеты принесут в подарок, то сунут рубль или трешку в благодарность.

Сейчас на такие дополнительные заработки рассчитывать не приходилось — все считали каждый сантиметр. Завотделением однажды сказал: «Если, Гита, и ты уйдешь, больницу можно закрывать». А на следующий день Гиту до глубины души потрясло сообщение: депутаты сейма в канун Рождества запросили у правительства себе премию — по две тысячи на каждого...

Отец, ушедший на пенсию, на чем свет ругал новую власть: «Они, идиоты, собираются в ЕС! Кому мы там нужны. Нам с Россией надо дружбу водить, ведь именно там наши масло и свинина хоть кому-то нужны». На нечастые деревенские торжества — дни рождения соседей, крайне редкие свадьбы — он нарочно надевал все свои советские ордена с одиозными надписями: «Ленин», «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!».

Однажды он сказал Гите: «Возвращайся на хутор, тут твое место». Гита задумалась, но мысль отогнала. В городе хоть трудная, но жизнь была налажена. Мальчишки учились. В больнице ее уважали. Да и в доме она чувствовала себя почти хозяйкой. Соседям, в основном пожилым людям, требовался постоянный присмотр: кому с дровами помочь, кому из магазина что-то принести...

Отец умер весной. В тот год Айвар уже закончил институт и устроился в банке в Норвегии. Вестурс учился сразу на двух факультетах — инженерном и театральном. Неплохо зарабатывал, снимаясь в рекламных клипах. Им помощь уже не нужна. Гита в свои сорок пять чувствовала себя почти старухой.

Неожиданно позвонил нотариус: надо вскрывать завещание.

Странно, но у миллионов советских семей не было принято рассказывать о предках, кто кем был, как сложилась судьба близких. Гита никогда не расспрашивала бабушку, куда делся дед. Известно было только, что его забрали за неделю до начала войны, в июне 1941 года, и сгинул он где-то в далекой Сибири.

Именно об этом подумала Гита, когда нотариус говорил: «Вся принадлежащая вашему отцу земля с находящейся на ней

недвижимостью, угожьями, лесными массивами и прочим делится между его детьми — одна половина между сыновьями, а вторая отходит Гертруде...».

Господи, думала Гита, какие там угожья! Нотариус назвал площадь — 150 кв. км. Это примерно пол-Мальты. Оказалось, перед смертью по реституции отец успел оформить документы на собственность репрессированного деда. Колхоз, председателем которого он был, создали на землях их семьи. Лес, куда в детстве ходили за малиной; озеро, в котором купались; луга, где косили траву, — это все когда-то принадлежало им. «Вот оно — полцарства», — подумала с горечью Гита.

Куда с ними? Старший брат сразу сказал, что заниматься ничем не будет. И с младшим стали думать, что делать с территорией своей маленькой европейской страны. Можно, конечно, все продать и поделить деньги. Но они решили возродить семейный хутор.

По законам ЕС, можно получить субсидии. Правда, их платят только за выращивание тех культур, которые назначают брюссельские комиссары. В один год это может быть овес, в другой — рапс. Следят зорко, даже при помощи спутников, не очень доверяя местным чиновникам, а тем более самим фермерам.

Но прежде нужно было восстановить все территориальные межи. Гита с братом, вооружившись лопатами и картой, за день прокопали метров сто. На следующее утро подняться не могли. Младший брат заявил: «Лучше продать все за бесценок, чем сдохнуть на этой каторге». Получалось, и он ее бросил.

Гита взяла кредит. Под зарплату медсестры много не дали, едва хватило нанять рабочих прокопать межу. Она понимала, что может все потерять, превратиться в бомжа. Но как бы ни был велик риск, Гита категорически не хотела продавать землю.

Прошло всего два года. Гита, для которой и сто евро были немалыми деньгами, сейчас пустила в оборот несколько сотен тысяч. Банки охотно дают кредиты крупнейшей землевладелице. У нее

трудятся не только местные, но и приезжающие на заработки белорусы. Сгоревший много лет назад хутор восстановили, сдают горожанам для пикников. Она уже не чувствует себя старухой, хотя, конечно, света белого не видит.

«Надо считать каждый сантиметр, — говорит Гита. — Даже еще жестче, чем когда я одна растила своих мальчиков... Тут меня юристы спросили, а чего я потакаю соседям? Они в лес ходят, рыбу удят. Нужно, чтобы купили лицензии. А как я могу — ведь с некоторыми из них я в одном классе училась. Надо оставаться людьми».

Что будет дальше? Этого пока не знает никто. Миллионы людей на постсоветском пространстве оказались в 1990-х предоставлены сами себе. Найти свой путь смогли только те, кто взял судьбу в свои руки.

Полцарства — это только половина жизни. Вторую половину человек строит сам. Исходя из своего характера и приобретенного опыта.

С лучшим другом моего детства Славой мы учились в одном классе и жили в соседних домах на улице Карла Маркса в Риге. Шли 1970-е. И вдруг пронесся слух: к нам едет «Машина времени». Конечно, никаких афиш. Но фанаты уже точно знали, в каком из ДК пройдет концерт. Честно говоря, мне от приезда группы было ни жарко ни холодно. Но лучший друг Слава был настойчив: «событие века» мы не имеем права пропустить. Мы куда-то долго ехали на трамвае. Потом пробивались в зал. Я старался изображать безразличие. Но после первых аккордов стало ясно: невозможно не попасть в плен этой ревушей музыки, ритма и, как бы сейчас сказали, драйва. «Вот новый поворот, и мотор ревет, что он нам несет?..»

Для Славы тот концерт стал поворотным. Уже на следующий день он купил гитару за 7 руб. 20 коп., а через полгода создал группу, которая играла на всех школьных вечеринках.

В советские годы длинные волосы, джинсы и рок были признаком непатриотичности. Но это оказалось не про Славу. Он-то как раз оказался самым большим патриотом

в нашем классе. Мечтал стать летчиком-истребителем. Но по здоровью его не взяли в летное училище. Он пошел в инженерно-механики и добился своего — начал летать. К моменту, когда Слава принял присягу, начался Афганистан. А потом Чечня. Интересно, когда он выкручивал штурвал, уходя от обстрелов, напевал ли, стиснув зубы: «Вот новый поворот...»?

А потом самолеты не летали, потому что не было горючего. Чтобы добыть денег, он «бомбил» на своем стареньком «Москвиче». Знающие люди предлагали заняться «коммерцией». Но Слава был тверд: «Как я могу, я же офицер!». Правда, страна его патриотизм не оценила — ему сорока не было, когда его выперли на пенсию.

Потом он долго доказывал латвийским властям, что имеет право жить в родном городе на улице Карла Маркса, ставшей Гертрудинской... Если продолжать мысль Хемингуэя и Ремарка о «потерянном поколении», мне кажется, что именно такие люди, как Слава, приняли на себя всю силу удара переходного периода — от одной жизни к другой. На них прокатили и все реформы, и все новации. Но Слава

в отличие от многих выдюжил, не сдался, не спился. Нашел работу и устроил жизнь и свою, и своей семье.

Однажды я встретился с Андреем Макаревичем. Нужно было подготовить интервью. А я даже думать не мог, о чем его спрашивать. Мне страстно захотелось взять у него автограф. Не для себя — для Славы. Услышав историю моего одноклассника, Макаревич достал из сумки диск со своими песнями и расписался... Слава был рад, как мальчишка, посвящению от своего кумира. «У этой гитары есть свой почерк», — сказал он.

Китай

Sandy Day с утра до вечера

На самом деле ее зовут Дай И, но на ее визитной карточке написано другое имя — Sandy Day. Так удобнее общаться. Ведь Сэнди (давайте и мы ее будем так величать) работает креативным директором в одной из ведущих PR-компаний Шанхая. Ее задача — продвигать западные фирмы на китайский рынок. Разрабатывать имидж европейцам и американцам, желающим обосноваться на Востоке. Помогать в один прыжок преодолевать пропасть между менталитетами людей разных народов, разделенных тысячелетиями истории, культуры, религии. О, чтобы разбираться в этом, нужно быть если уж не академиком, то по меньшей мере профессором. Я ожидал увидеть солидную, умудренную опытом даму.

...В офисе успешной, но небольшой фирмы оказалось достаточно тесно. Пластиковые перегородки оставляют узкое пространство для прохода. Сотрудники сидят за компьютерными столами плечом к плечу. При появлении новых людей все невольно оборачиваются. Совсем молодые ребята, наверное, только-только закончили учебу в вузе. Для того чтобы беседа была более задушевной, нас провожают в помещение, где обычно принимают пищу. Стол, покрытый клеенкой, кухонный шкаф с мойкой, холодильник, микроволновка. Подают два бумажных стаканчика с теплой водой. Я сижу, жду — наверное, сейчас принесут пакетика чая или баночку растворимого кофе.

Переводчица Маша (которую на самом деле зовут Сю Ман) шепчет мне на ухо: «Пейте, так принято...».

«Пустую воду?» — удивляюсь я.

«Да, это знак, что вам рады. Дают напиток, чтобы вы согрелись с дороги».

Поразмышлять над тонкостями восточных традиций, впрочем, я не успел. В комнату ворвалась Сэнди. Она совершенно не собиралась строить из себя «профессора». В джинсах, пестреньком пиджаке поверх футболки она выглядела скорее студенткой, чем креативным директором. Ведь на самом деле ей оказалось всего 27 лет.

Есть такой тип людей. Они ведут себя мягко, обходительно. Умеют слушать и, слегка наклонив голову вперед, внимают вам, не перебивая. Но, когда начинают говорить сами, вы, даже не понимая их языка, ощущаете, какую огромную энергию они источают.

Сэнди лишь четыре года назад окончила Шанхайский институт иностранных языков, один из самых престижных вузов страны. В который, впрочем, она, отличница, поступила достаточно легко. После окончания могла, наверное, найти престижную работу, например, в госструктуре или крупной компании, но поступила в только что открывшуюся фирму. Дело было новое. И этим ее заинтересовало.

В те годы Китай, хотя уже и поражал весь мир объемами привлеченных инвестиций и потрясающим ростом производства, отнюдь не мог похвастать платежеспособностью своих жителей. Казалось немыслимым, что в городе, где из каждой подворотни выскакивают зазывалы с предложением купить часы Rolex, модные сумки и очки по цене 100 юаней — около 15 долларов, найдутся когда-нибудь толпы людей, готовых в дни скидок выстаивать очереди в магазины с подлинными товарами в сто, тысячу раз дороже.

«Сегодня китайцы — одна из самых брендозависимых наций в мире, — с уверенностью знатока говорит Сэнди. — А поскольку нас больше миллиарда, продавать у нас выгодно. Вот что гарантирует интерес к нашей стране Европы и Америки на многие годы».

Этот интерес к Китаю зародила в том числе и компания Сэнди. Невольно бросаю фразу: «Значит, ты бизнесвумен?».

«Да какая я бизнесвумен, — отвечает девушка. — Сплю по четыре часа в сутки».

Похоже, что в понимании китайцев бизнесмены — это буржуи, паразитирующие на труде таких, как Сэнди, и других простых граждан. Сказывается, похоже, пионерское прошлое Дай И.

Так каков же распорядок обычного дня обычной молодой шанхайской работницы?

Сэнди живет с родителями. Несмотря на высокую плотность населения — в Шанхае живут 18 миллионов человек, и это самый большой город не только Китая, но и всей Азии, — китайцы в большинстве своем не ютятся по клетушкам. Обычная семья состоит из трех-четырех человек. Родители плюс ребенок. Сказывается политика партии: «Одна семья — один ребенок». Кто же тогда четвертый, если он есть? А это либо няня, либо служанка, которых нанимают из приехавших в город женщин из деревни и, соответственно, селят в семье.

Квартира среднестатистической шанхайской семьи занимает 100–120 квадратных метров. Как правило, главное помещение — гостиная, которая может занимать половину всей площади. Кухня обычно маленькая, там только готовят — едят в гостиной. Спальни тоже невелики. Бывает, отдельно выделена гардеробная.

Особое восхищение вызывает пространство вокруг дома. В каком бы квартале вы ни побывали — богатом, где живут предприниматели или чиновники, или бедном, где обосновались рабочие, здания будут окружены небольшим парком или садом. Иной раз видишь облезлый-преоблзлый дом вроде наших с рождения не ремонтировавшихся «хрущевок»: фасад облупился, балконы завалены всяким хламом. Даже кажется, что от дома исходит запах гнили и разложения. Но вокруг садик, аккуратненький заборчик, более того — стоит будочка, а в ней бабушка-консьерж

или бравый пенсионер с редкой седой бородкой. В подъездах чисто и светло, в квартирах уютно. И что невольно сразу бросается в глаза — огромные плазменные панели, они имеются в каждой семье. Правительство их выдает каждому, что ли?

«Вообще-то я «сова», — рассказывает о себе Сэнди. — Люблю посидеть допоздна, тем более что купила себе недавно компьютер — теперь у нас дома их четыре. Утром, напротив, спала бы до обеда. Но работа заводит!»

Итак, вскочив в семь с минутами, Сэнди отправляется завтракать. Ей повезло. Мама-бухгалтер вышла на пенсию несколько лет назад, и теперь ее главная забота следить за тем, чтобы работающая часть семьи — муж-рекламщик и дочь были полностью «упакованы».

На завтрак в обычной китайской семье подают пельмени (их называют «цзяо цзи», готовят на пару в плетеной коробке, чем-то напоминающей шляпную), блины, кашу. В семье Сэнди утром пьют кофе и молоко, что большая редкость для «чайной» страны, которая к тому же не очень любит молоко, а слов «кефир» и «сметана» при всем богатстве иероглифов даже не знает.

Около восьми утра Сэнди выскакивает из дома и бежит на автобус. Шанхайцы в часы пик штурмуют общественный транспорт так же, как мы. Правда, никто не кричит: «Ну-ка, подними еще чуток! А пройдите-ка, товарищи, в середину!». Свои локти китайцы пускают в ход молча, ввинчиваясь методом буравчика в перегруженные машины.

На дорогу Сэнди тратит час. Было бы расстояние поменьше, она влилась бы в поток бесконечных велосипедистов, которые миллионами пересекают мегаполис каждый день из конца в конец.

«Но ничего, скоро в нашем направлении, согласно пятилетнему плану, пустят метро, и на дорогу я буду тратить полчаса», — серьезным тоном докладывает Сэнди.

А нельзя ли купить машину, интересуюсь я. Сэнди охотно объясняет свою позицию и по этому вопросу. Во-первых,

машина — это дорого. Во-вторых, требует массу времени. И даже не на техобслуживание или прохождение техосмотров. Самое сложное — найти парковку возле работы. Машина не экономит времени на поездку.

День в офисе Сэнди начинается с совещаний в своем отделе. В штате у нее работают четыре девушки и два парня. Но, когда появляется крупный заказ, ее команда разрастается иногда в несколько раз.

«Это совещание, наверное, самое спокойное, что происходит за день, — говорит наша героиня. — Потом все начинает раскручиваться с небывалой быстротой — встречи, переговоры, просмотр проектов... Иногда даже обедать не успеваешь. Вот для этого у нас и существует трапезная, в которой мы сейчас беседуем. Коллеги всегда принесут какой-нибудь пирожок, который можно разогреть в микроволновке».

А из каких стран основные клиенты Сэнди?

В основном это немцы и американцы. С немцами работать достаточно напряженно. Они консервативны, серьезны, делают все по плану. «Это во многом, конечно, облегчает задачу. Но с ними скучно», — признается Сэнди.

Американцы, как правило, необязательны, никакого плана не имеют. Но каким-то внутренним чутьем они очень хорошо понимают китайские требования. И играючи достигают своей цели. «Они reflex people — чуткие люди», — заключает Сэнди.

Рабочий день, по расписанию, должен заканчиваться в 19.30. Наша же героиня покидает офис между 20.00 и 22.00.

Дальше счастье молодой холостой жизни? Увы, не всегда. Обычно приходится брать работу и на дом.

Впрочем, удается и с друзьями вечером в ресторан забуриться, и в кино сходить. А вот на дискотеку Сэнди не ходит. Уже не по возрасту и не по статусу.

Субботу Сэнди посвящает маме и папе. Утренней поездке в магазин, где закупаются продукты на всю неделю. Потом идет

готовка совместного обеда с обязательным набором: овощи, мясо, морепродукты, суп. Кстати, китайцы суп едят в конце трапезы, это ее финальный аккорд, как во Франции сыр. Спиртного жители Поднебесной потребляют мало. Водку 52-градусную, немного отдающую ацетоном, откушивают главным образом на севере. В южном Шанхае чаще пьют слабое светлое пиво, выпуск которого еще в начале прошлого века наладили тут немцы. В Китае есть и свое вино, вполне приличное. Но ни разу не видел, чтобы его кто-то заказывал в ресторанах.

Зато в воскресенье Сэнди, наверное, от души высыпается на всю неделю? Из некоторых фраз я понял, что и в воскресенье не до сна. Обычно в этот день вместе со своим молодым человеком она путешествует по окрестным городам, деревенькам. Там можно погулять, посидеть в недорогом ресторане и т.д. Пытаюсь тонко поинтересоваться: о свадьбе не подумывали? «Нет, — мотает головой девушка, — свободной быть лучше».

Но если Сэнди так много работает, живет практически на полном обеспечении, наверное, накоплена немалая сумма? Может, стоит подумать о покупке квартиры? И снова наша героиня мотает головой: «Нет, у меня другие планы. Я через год поеду в США учиться, чтобы еще больше развить свои профессиональные навыки. Как надолго, не знаю... Один-два года. Компания меня в этом поддерживает и даже будет оплачивать часть затрат».

Вот такой получился разговор. Очень трогательная — с воскресными деревеньками и родительскими субботами — и в то же время весьма прагматичная современная героиня, которая почему-то не хочет, чтобы ее считали бизнесвумен.

И она действительно типичный представитель сегодняшней китайской городской молодежи. Просто она — более рискованная, талантливая и удачливая, чем ее сверстники.

Сложнее встать на ноги выходцам из деревни. Там и стартовые возможности меньше, и начального капитала, как правило, нет. Наиболее перспективный шаг для молодых людей из

глубинки — устроиться на крупное предприятие. Километров за 400 от Шанхая начинаются промышленные районы, в которых на огромных площадях один за другим располагаются заводы-гиганты многих известных транснациональных компаний. Китай — главный участник всемирной глобализации — прочно занял в масштабах планеты свое место на рынке распределения труда. И на сотнях заводов нужны молодые рабочие руки. Конкурс сумасшедший. Берут юношей и девушек 18–20 лет, с тем чтобы когда им исполнится тридцать — выставить за ворота и объявить новый призыв. Таким образом, молодежь заключает контракт на десять лет. Это жесткая жизнь. Работают без выходных и практически без отпусков по 8–10 часов в сутки.

Платят за такой каторжный труд примерно 100 долларов в месяц. Правда, при этом сотрудники всем обеспечены — одеждой, питанием, проживанием в плотнонаселенных общежитиях. Но поскольку свободного времени нет, то и деньги тратить некуда. Через десять лет у молодых людей скапливается очень приличный, по китайским меркам, капитал. На предприятиях молодые люди часто находят свою вторую половинку. По завершении контракта играют свадьбу. А капитал, таким образом, удваивается. По возвращении в деревню уже можно купить лавку или мастерскую.

В любом случае открыть свой маленький бизнес — мечта каждого, кто отправляется в этот нелегкий путь. Такова формула успеха по-китайски.

Что же касается специалиста такого уровня, как Сэнди, тут заработки, естественно, выше. И, что важно, за последние несколько лет они выросли в пять-шесть раз. Уровень жизни растет в Китае повсеместно. Как заметил один западный журналист, население год от года видит: жизнь становится лучше, и это вполне достаточный повод для того, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее.

Группа российских журналистов встречалась с руководителем мощной китайской компании.

Он сразу нам понравился: невысокого роста, энергичный, открытый.

Он коротко, но доступно и точными фразами объяснил философию своего мультимиллиардного бизнеса, сказал о достижениях и задачах. И когда настало время вопросов, кто-то поинтересовался: «Ваша компания, наверное, огромные средства тратит на благотворительность?».

Ответ нас озадачил. «Ничего, — заявил бизнесмен. — Наша цель — зарабатывать как можно больше прибыли». Хозяин офиса сразу перестал выглядеть симпатягой. Ух ты, Крошка Цахес!..

Коротышка же оказался максималистом: «Чем выше прибыль, тем большие налоги мы заплатим. Тем больше у моей страны появится возможностей решить заботы

нуждающихся. А в том, что этим должно заниматься именно государство, я убежден».

Он смело аргументировал дальше. Привел пример: посмотрите на благотворительные фонды. Большинство из них устраивают пышные презентации. Их сотрудники вполне благополучны, работают в хороших офисах и ездят на престижных машинах. Мол, чтобы общаться в высшем свете, они должны соответствовать. Получается, для кого-то благотворительность превратилась в доходный бизнес.

Уважающие себя компании такой бизнес поддерживать не могут. Они либо создают собственные фонды и без помпы (иначе это выглядит как PR) помогают людям, либо делегируют эти функции государству, честно платя налоги.

Надо признать, с логикой бизнесмена трудно не согласиться. Население в его

стране обложено суровыми налогами, но и социальная поддержка на зависть.

Кстати, в конце встречи бизнесмен уточнил: когда к нему обращаются в частном порядке, он никогда не отказывает в помощи. Но это его личное дело, а не стратегия компании.

Ивана не различить в толпе сопровождающих лиц, но он точно в ней — согласно протоколу, строго следует по пятам за своими патронами.

Италия

Легкий в общении

Он мечтал блистать на сцене, а оказался в тени большой политики. И стал лучшим среди профессионалов своего цеха.

Сладкие мечты юности сбываются далеко не всегда. Но это не значит, что жизнь не удалась. Иван не герой, но он и не антигерой. Просто его судьба сложилась очень необычно. Этим и интересна его история.

«Я немного армянин», — шутит Иван, объясняя парадокс своей нерусской фамилии. Согласно семейной легенде, его мама, коренная ленинградка, однажды пошла на Сытный рынок. На следующее утро в дверь коммуналки позвонили. На пороге стоял невысокого роста армянин в кепке-«аэродроме» и просил позвать Люду. За его спиной вся лестничная площадка была уставлена корзинами с фруктами и овощами.

Соседи отношения со «спекулянтom» осуждали, но с удовольствием грызли морковку с рынка. Любина мама смирилась с браком дочери только после появления внука, которого назвали Иваном. «Да что мы — не одной веры, что ли!» — сказала новоиспеченная бабушка. Но внука забрала к себе, чтобы воспитывать в «правильном» (не торгашеском) духе.

В этом смысле Ивану повезло. Родители с младшей сестрой жили в Баку. Иван барствовал в ленинградской коммуналке. Полного чернявого мальчика любили и баловали все. Он был чертовски обаятелен и очень талантлив. Закончил музыкальную школу, Консерваторию и даже успел спеть в Мариинке одну из ведущих партий.

Ему предложили стать кандидатом в члены КПСС, а Иван вовсю крутил роман с молоденькой итальянкой, работавшей в Ленинграде. Когда они подали документы на брак, девушку деликатно выдворили из страны, а Ивану предложили подумать: «Тебя ждет настоящая карьера, а в Италии... где петть будешь — по кабакам?».

И полгода не прошло, как ему разрешили уехать. Великолепная Италия оказалась именно такой, какой он думал, — яркой и солнечной. Но, чтобы радоваться всему этому по-настоящему, лучше все-таки было бы родиться итальянцем. В стране, где все поют, никому и дела нет до чужаков. Даже с любимой женщиной происходили загадочные метаморфозы: постепенно она превратилась в «жену», потом в «супругу». Завершающим этапом стало появление «фурии».

«Мои братья работают, а чем занят ты целыми днями?» — говорила некогда самая прекрасная и лучшая в мире. Однажды она сообщила «хорошую» новость: на фабрике брата для него нашлось место. «Ты сможешь клеить коробки за сто долларов в месяц!» — ликовала супруга. Господи, где же ей, дурочке, было понять, что амбициозный Иван мечтал о «Ла Скала». Он ничего не ответил жене, собрал вещи и уехал в Милан.

Впрочем, в тот момент и сам Иван уже не смог бы ответить на вопрос, что он ищет в Италии. Одно дело — на уроках итальянского в Консерватории учить классические оперные арии и фантазировать о славе. И совсем другое, перебиваясь случайными заработками, искать средства на хлеб и ночлег.

Лучше всего платили за синхронный перевод, где начитанный Иван, обладающий потрясающим голосом и артистичностью, блистал во всей красе.

Он легко находил общий язык с политиками и бизнесменами, для которых переводил переговоры. С их женами и детьми, которых водил по магазинам и музеям. С группами студентов и школьников, до которых доносил суть многочасовых лекций.

Иван заметил: бывшие соотечественники сначала к нему относились настороженно — эмигрант все-таки. Но природное обаяние очень скоро располагало к нему самых разных людей. Так же, как его любила питерская коммуналка, так в него влюблялись русские, приехавшие в Италию. Он был своим в отличие от хитроватых и вороватых аборигенов. В конце концов это заметили и сами итальянцы. Ивана пригласили в Рим вести русскую программу на международном радиоканале RAI.

Родина напомнила о себе неожиданно и жестоко. Бакинские события. Его веселая, жизнерадостная сестра, когда азербайджанские националисты стали выступать против армян, пошла прямо в толпу молодчиков разбираться по-своему, по-соседски. Чего ей было бояться: она родилась и выросла в этом городе, она тут каждого знает! Ее забили как бродячую собаку...

В Рим приехала дрожащая от ужаса мама и напуганный маленький племянник. Так к Ивану вернулась семья. Ему снова нужно было о ком-то заботиться. А значит, зарабатывать.

Все-таки он обладает редким даром — все схватывать на лету. Итальянцы десятилетиями подбирают себе жилье, копят на свой угол. Он ухитрился получить муниципальную квартиру в самом центре Рима с символичной коммунальной оплатой. Все итальянцы стонут от огромных налогов, Иван нанял бухгалтера, который объяснил, как списывать расходы за счет налогов.

«Я человек свободной профессии, — со знанием дела объясняет уже сам Иван. — Например, у меня нет офиса, значит, оплату квартиры я могу списать за счет своих отчислений в казну. Костюм — моя спецодежда, и его можно списать с налогов. И так далее...»

А вот к работе он готовится чисто по-русски. Однажды я наблюдал, как Иван объявил, что ему нужно подготовиться к важным переговорам. Было раннее утро, а он уже заперся в кабинете. Помнится, я даже ему позавидовал: вот ведь не в офисе и не у станка, а человек работает. Вот самодисциплина!

Через какое-то время из кабинета донесся звук передвигаемой мебели. Через час появился и сам Иван, вспотевший, но довольный: «Посмотрите, я стол переставил! Правда, красивее стало?». Внешне комната не изменилась — все осталось на своих местах, разве хаоса прибавилось. Потом еще полдня Иван улучшал свои дизайнерские идеи, по сути, вернув все на свои места. Только к вечеру, когда домочадцы разошлись по комнатам, он наконец погрузился на всю ночь в тексты и словари.

Что такое быть переводчиком? Кажется, просто. Правда, сегодня Иван переводит не совсем обычных людей. Он работает в итальянском МИД, его клиенты (если можно так выразиться) — первые лица государств и крупнейших компаний.

По законам профессиональной этики, он даже домашним не говорит, на встречу с кем отправляется. Только в официальной хронике по телевидению то и дело мелькнет знакомый армянский профиль.

Хлеб официального переводчика непрост. «Ты что-нибудь ел сегодня?» — спрашивает мать, когда поздно ночью он возвращается домой с переговоров.

«Да, конечно, был обед... и кофе-брейк еще», — уверенно отвечает Иван. Хотя переводчику некогда даже глоток воды сделать. В отличие от высоких собеседников он говорит все время: то переводя «своего», то пересказывая, что сказали в ответ. Не будет же президент или премьер ждать, пока переводчик промочит горло.

Иногда, правда, во время переговоров кто-то из первых лиц говорит: «Надо, однако, помыть руки...». Это деликатный намек. У Ивана тоже появляется шанс отлучиться на минуту. «Ниже этажом, под лестницей», — шепчет охранник. И надо вернуться раньше других, чтобы они увидели — вот смиренной тенью сидит тот, кто поможет им найти общий язык.

Тут человек не просто ретранслятор. Его задача — интонацией и точными словами передать и факт, и шутку, и витиеватый намек, и эпатажную провокацию. Переводчик — человек

вне политики, но от его профессионализма во многом зависит, как развивается этот «политический процесс».

Впрочем, все это вещи из разряда «без комментариев».

Я познакомился с Иваном 15 лет назад. Конечно, он пижон и актер актерыч. Но для меня многое объяснил такой факт. Как только появилась возможность и его больше не считали «перебежчиком», Иван пошел в наше посольство в Риме и оформил российское гражданство. В Италии теперь у него все хорошо, он не нуждается ни в средствах, ни в признании, но вдруг он почувствовал себя частью страны, из которой уехал много лет назад.

Чего уезжал? То ли и вправду за большой любовью, то ли в погоне за призрачной мечтой, то ли по мальчишеской глупости...

В начале 1990-х собственным корреспондентом итальянского телевидения в Москве работал Лучио Гамбакорта, с которым я дружил. Он приехал в Россию сразу после путча 1991 года, когда интерес к нашей стране во всем мире был огромен. Его репортажи шли «на ура». Но постепенно, как только жизнь начала налаживаться и входить в нормальное русло, внимание начало спадать. Римские начальники требовали от Лучио чего-нибудь жареного. Из штаб-квартиры телекомпании приходили рекомендации: снимать очереди в магазинах. Лучио объяснял: нет уже больше очередей, магазины в больших городах подчас предлагают больше товаров, чем итальянские. «Тогда снимай криминальные разборки! Пусть жители в кадр говорят, как они боятся выходить на улицы», — поступал приказ. И опять Лучио приходилось спорить: нет никакого страха, в России не опаснее, чем в Неаполе у центрального рынка. Сам уроженец юга Италии, он прекрасно знал, о чем говорит. «Тогда расскажи о Горбачеве, как его воспринимали в России», — заказывали репортаж римские начальники. Гамбакорта ломал голову, как ловчее объяснить,

что в современной России любимый на Западе «Горби» не очень-то и популярен... В ответ на каждое возражение своим патронам Лучио слышал выволочки: «Ты ленивый и тупой. Людям нужно во что-то верить». Сам Гамбакорта, который не спал и не ел, мотаясь по России в поисках новых тем и событий, снова парировал: «Верить нужно не в небылицы и устоявшиеся стереотипы, а в будущее новой России, ее людей».

Все же его репортажи о жизни российской глубинки, талантливых художниках и мастерах, ярких новых лидерах доходили до эфира. Пускай через раз, пускай в урезанном виде, но ему удавалось рассказать о нашей стране правду.

Неожиданная болезнь довольно рано забрала жизнь Лучио, но благодаря именно ему о России в Италии узнали не как о стране, где властвует мафия, идет война и царит голод, а как о великой державе с огромными возможностями, богатой культурой и большим будущим.

На Западе действительно не очень охотно интересуются тем, что происходит за пределами их улицы

и города. За границей больше склонны доверять конкретным людям, чем странам в целом. Познакомьтесь вы где-нибудь с иностранцем, и он наверняка выкажет вам большее расположение, чем к вашей родине. Такой уж у них менталитет, доверять тому, кого видишь, с кем общаешься. И тут мы в корне отличаемся от них. Мы скорее склонны больше полагаться на систему, государственную машину, чем на незнакомых людей.

Но и жизнь в других странах мы интересуемся гораздо больше, чем они. Чаше знаем, что творится где-нибудь в Америке или Германии, чем в Челябинске или Биробиджане. Но в этом тоже есть определенный наш плюс.

Турция

Пароль счастья

«А у тебя сколько детей?» — спросил меня Семих.

Вот так вопрос! Я только что вошел в его дом. Мы расселись в гостиной на низких диванах. Девочки принесли нам чай — в маленьких стеклянных стаканчиках в форме тюльпана на пестрых с золотой каемочкой блюдцах. И сразу же исчезли где-то в коридоре. А пятилетний Семих залез с ногами на диван, нырнул под мышку отца и замер. Ему можно оставаться со взрослыми — мужчина.

Получалось, что первый вопрос задал хозяин. Может, так полагается? Я ответил: «Один».

«У меня шестеро, — кивнул Семих. — Ты с женой не думаешь завести еще?»

Я протянул что-то вроде: «Э-э». Семих посмотрел мне в глаза и продолжил вместо меня: «А я бы еще хотел».

Вот и познакомились. Потом мне объяснили, что у турков принято начинать разговор с расспросов незнакомца. Например, нормально было бы поинтересоваться, откуда он приехал? Но Семих знал, что я из России, из Санкт-Петербурга.

Еще вариант для зачина — расспросить о семье. Тут Семих с восточной виртуозностью несколькими короткими вопросами и проявил уважение к гостю, и получил нужную информацию.

А турецкая модель начинать знакомство оказалась не так уж и плоха. И я, и Семих почувствовали себя свободнее. Наш разговор стал живее. Я уже вскоре знал, что старший сын, двадцатилетний Бахадыр, учится на экономическом факультете в университете Анкары. Ему удалось — и это особая гордость отца — выдержать

сумасшедший конкурс и поступить на одно из немногих бюджетных, бесплатных, мест. Теперь к поступлению усиленно готовится и старшая дочь — 18-летняя Бюшра. Она хочет стать юристом. Младший, годовалый Салим, мирно «пасется» где-то в родительской спальне в «манеже» под присмотром младшей 11-летней дочери Лейлы. Жена Семиха — Ясемин вместе с Бюшрой и еще одной 15-летней дочерью Софией готовит ужин для гостя.

«Мы уже года два по выходным не ужинали дома — обычно уезжаем в центр, гуляем, угощаемся жареной прямо на набережной свежесвыловленной рыбой. Но сегодня все в честь тебя», — улыбнулся Семих и скосил взгляд на Сениха. Пятилетний наследник, пустив соплю из носа, тихо похрапывал, сохраняя серьезное выражение на лице. «Вот и познакомились», — подумал я.

В Турции я бывал много раз. В пресс-турах и на курортах по туристическим путевкам, на конференциях и в составе делегаций. Много общался с турками. Однако, приветливые и учтивые, готовые весь день возиться с чужим человеком — переводить, показывать город, вместе обедать и ужинать, — они редко говорят о своей семье. И ни разу за много лет общения не пригласили к себе в гости. Позже я выяснил, что таков этикет делового общения в Турции. Домой не зовут не потому, что не хотят или живут по принципу «Мой дом — моя крепость». Напротив, турки гостеприимны и приветливы. Просто считают, что не стоит обременять иностранцев подробностями быта и частной жизни. По их мнению, в стране нужно показывать лучшее. А лучшее в Турции — это сама Турция с ее памятниками истории и культуры, пестрыми базарами и полными яств ресторанами.

А рядом течет обычная жизнь. Вот утром хозяйки поливают дорожки, ожидая насыщенного дневного солнца. А вот под покровом вечера, когда уже спал зной, большое семейство степенно ужинает на веранде. Или вот за окнами мерцает телевизор, а из открытого окна несется шум трансляции с футбольного стадиона или мяукающие звуки мыльной оперы... В общем, все, как у нас

или почти как у нас. Но это чужая жизнь, никак не связанная с твоим миром — командировочного или курортника.

С Турцией я знаком с детства. По учебникам истории, которую обожал в школе. Я вместе с Константином строил Второй Рим. Возмущался подлостью и жестокостью крестоносцев, обескровивших и разграбивших Византию. Вместе с суворовскими солдатами лез на стены Измаила и мечтал дойти до стен столицы Османской империи. Благодаря великому Айвазовскому я увидел заснеженный Стамбул. А Ульянов, Баталов и Дворжецкий в фильме «Бег» провели меня по узким улочкам, заполоненным нашими эмигрантами... Как-то совсем мало солнца было в моем представлении об этом мегаполисе. Стамбул — город контрастов. Бедности, граничащей с нищетой. Задыхающийся в смоге каменный мешок... Таким он представлялся. Такой ли он на самом деле?

В первое утро в Стамбуле я увидел фейерверк красок. Откуда лился этот свет? Потому что юг? Но весна в Стамбуле была не намного теплее, чем накануне в Петербурге. От солнца? Да, безусловно, оно тут южное, насыщенное, жаркое. Но весна и на Босфоре — девушка капризная и переменчивая: то светит солнце, то вдруг начинается дождь, и небо становится таким же хмурым, как на нашем Севере. Добавляли, конечно, красок зелень и тюльпаны. Но и не в них дело.

Город поражает обилием открытых, светлых лиц. Турки одеваются неброско, женщины вообще часто встречаются в длинных до пят платьях и плащах, а их головы покрывают плотные платки. Но взгляд современной Турции — страны мусульманской, серьезной, вдумчивой, редко разменивающейся на дешевые китчевые штучки вроде тату и серьги в ноздре, — этот взгляд светел. На улицах Стамбула не чувствуешь себя неуютно и некомфортно. Люди вокруг не вызывают чувства опасности. Ты понимаешь, что с ними можно общаться — перебраться несколькими фразами с незнакомцами или долго дружить с тем, с кем познакомился и нашел общий язык.

Когда я отправлялся в ту поездку, понял, что хочу познакомиться с какой-нибудь обычной семьей. И попросил устроить такую встречу. «Нас ждут. Мы едем в типичную турецкую семью», — сказали мне.

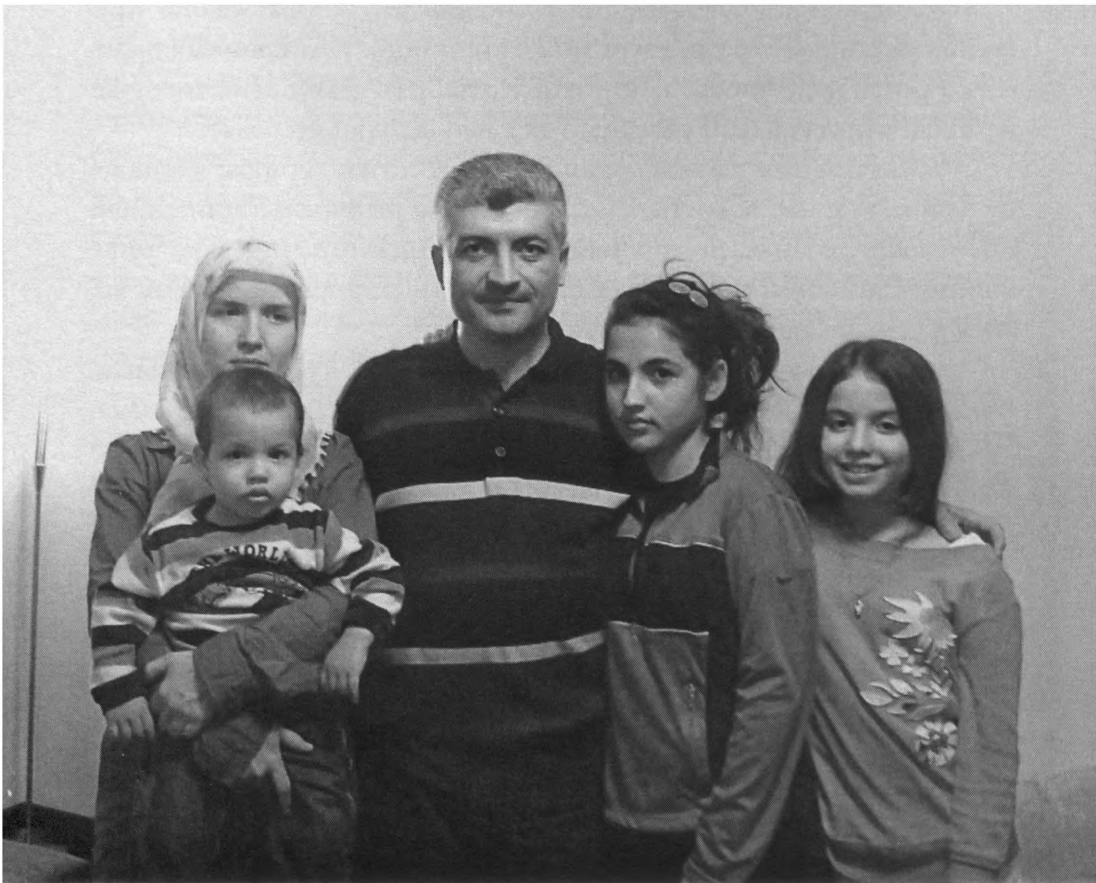
Это так просто — общаться с людьми. Но, когда мы отправились в гости к Семиху, я вдруг понял, в какой непростой переплет попал.

Представьте, вы идете в гости. Сборы проще простого: покупаете бутылку шампанского, торт, цветы. Так поступили бы 90 процентов приглашенных и незваных, но жаждущих общения людей в России, Европе, Америке.

Но Турция — это на 90 процентов своей территории Азия. И даже Стамбул, хоть большей своей частью расположен в Европе, все же Восток. В современной республике религия отделена от государства. Но практически все ходят в мечеть. Правoverные турки не потребляют спиртное. Так что шампанское в качестве презента отпадает однозначно.

Сладости и сласти тоже вряд ли подойдут. В нашей нотной азбуке — семь нот. А в турецкой музыкальной культуре только между «до» и «ре» их поместилось еще девять. Мы их, может, и не уловим, но натренированное ухо их явственно различает. Так и в мире восточных сладостей для нас все «халва». Но достаточно зайти в какую-нибудь местную «Лакомку», чтобы взгляд растаял от томной неги. Все невозможно попробовать, но даже только вид этих плывущих медом, сиропом, вареньем яств вызывает чувство пресыщения. И хочется выпить несладкого чая, чтобы избежать сахарного шока. Тут только местные могут выступать экспертами. Нести им к столу свой скудный выбор — значит опозориться навсегда. Это как в Тулу со своим самоваром. С тем же успехом можно выступать писклявым фальцетом перед трио великих теноров.

Даже цветы неизвестно как воспримет правoverная мать мусульманского семейства, тем более ее благоверный восточный муж.

Семья Доганов: Ясемин держит на руках годовалого Салима, в центре – Семих, справа от него – дочери София и Лейла. Бюшра в этот момент возится на кухне, а Бахадыр – в Анкаре учится на экономическом факультете университета.

В одной из рекомендаций прочел, что детям можно преподнести в качестве презента монетки. Видно, у каждого малыша есть тайная коробочка с копилкой. Но дарить детям деньги — уже не наша культура. Получается, тоже неподходящий совет.

Мы, в общем, не знаем, как ходить в гости в Турции. Мы даже не знаем, как нас встретят. Хлебосольно, с размахом? Или скромно — кофе-печенье, по-европейски? Организаторы поездки успокоили — ни о чем не стоит беспокоиться. Даже ужин на день визита в семью Семиха не назначили.

Мне объяснили, что можно прийти с пустыми руками. На Востоке гость священен. Пока он в доме — для него все самое лучшее. Хозяин должен не просто всячески выражать ему свое уважение, блюсти его интересы, но и в случае необходимости защитить его от врагов даже ценой собственной жизни.

Если хотят порадовать хозяев, приносят цветы. Турки особенно любят тюльпаны. Можно порадовать корзиной свежих фруктов. Импортные товары в Турции гораздо дороже национальных, и купленная в универсаме коробка иностранных конфет будет оценена по достоинству.

Я же решил идти проверенным путем. В свой подарочный пакет я положил альбом о Санкт-Петербурге и изящную чашку Ломоносовского фарфорового завода. Семих с интересом пролистал книгу. В Петербурге, да и в России вообще никогда не был. Но как человек просвещенный много слышал, и этот подарок его порадовал. Но больше всего ему понравилась чашка с кобальтовой сеткой. Это он оценил в полной мере. «Чай буду из нее пить», — режумировал он.

Итак, кто же такой Мехмет Семих Доган?

Ему за сорок. Родился в Стамбуле в семье предпринимателя средней руки. Его дед был компаньоном еврея-фабриканта, выпускал лампочки. В центре Стамбула они на паях владели небольшим магазином. В 1944 году партнер решил уйти на покой и продал свою долю. С этого момента и начинается семейный бизнес.

Семих получил хорошее образование. Закончил университет и уехал учиться в Англию. Вообще он младший в своем поколении. По восточным канонам, завод и магазины, которых к тому моменту стало уже несколько, должны были отойти старшему брату. Сам Семих обязан был заботиться о родителях и быть на подхвате, во всем помогать семейному бизнесу, но не играть в нем «первую скрипку». Но случился какой-то конфликт. Старший брат заявил, что лампочки его не интересуют, его больше увлекла индустрия моды. Он открыл свое дело и даже добился успеха. А отец передал фирму в управление Семиху.

Спокойный и уравновешенный младший сын быстро вошел в курс, не только не разочаровал отца, но и расширил производство. Основал филиалы в других городах и даже за границей. После развала СССР предприятия Доганов появились еще в Азербайджане.

Семих рассказывает о своем бизнесе как об обыденном, рутинном деле. Успешный бизнесмен? Да, собственно, удачу куют люди, команда. Кризисы, неизбежные в экономике, конечно, лишорадят время от времени производство. Но за все годы, что он «у руля», не уволил по сокращению ни одного рабочего, ни одного менеджера. Сейчас в фирме 90 человек. И тревоги за будущее Семих не ощущает. Лампочки нужны всем. Тем более хозяин фирмы уловил новые тенденции.

Строительный бум явственно обозначил интерес рынка к энергосберегающим осветительным приборам. В каждом подъезде, у каждой парадной, на каждой улице нужны простые и экономичные лампочки, которые зажигаются, реагируя на движение, и сами выключаются, когда вокруг нет ни одной живой души. Эти приборы и стали коньком фирмы Догана.

Впрочем, как ни увлекательно в мужской компании говорить о работе, бизнесе, деньгах, я заметил, что Семих, вежливо отвечая на мои вопросы, подавая остроумные реплики, все же заскучал. Похоже, бизнес не главное в его жизни.

«Да, ты прав, я совершенно не рвусь в Рокфеллеры и не собираюсь быть самым богатым на кладбище. Для меня главное — семья. Работа важна, но ровно настолько, чтобы обеспечить мой дом, моих детей, мою любимую супругу», — признался Семих.

В Стамбуле престижнее всего иметь квартиру на последнем этаже. Квартира Семиха как раз на последнем, шестом. Новый жилой комплекс построен недавно. Он огорожен забором с камерами наблюдения. Чтобы попасть внутрь, нужно пройти через пост охраны, расположившийся в солидном кирпичном здании. Два подтянутых молодца справились, к кому направляемся. Связались с квартирой. «Да, вас ждут», — подтвердили нам, но шлагбаум не подняли. «Машину поставьте на стоянке у ворот», — предложили охранники.

Комплекс, возвышающийся на вершине живописного холма с великолепным видом на близлежащие районы, чем-то неуловимо напоминает пансионат. Ухоженные газоны, кованые фонарные столбы, скамейки, уложенные тротуарной плиткой дорожки. И, конечно же, воздух не такой, как в загазованном центре.

Шестиэтажные добротные дома совершенно не выглядят большими. Чувствуется, архитектор четко рассчитал расстояние между зданиями, дизайн озеленения, чтобы каждый вошедший понимал: он попал в зону частной жизни, отдохновения и отрешенности от мирской суеты. Право, в таком месте хочется жить.

Семья встречала на пороге. Меня уже предупредили, что в Турции принято снимать обувь на пороге. Я стянул с себя ботинки, и, пока озираясь, куда их лучше поставить, чьи-то руки ловко их подхватили и унесли куда-то в шкаф.

Конечно, в каждой турецкой семье главный человек — мужчина, муж и отец. Но, разговаривая с Семихом и наблюдая за спящим Сенихом, я все же думал: хорошо бы познакомиться и с остальным семейством. Да и квартиру посмотреть не мешало бы. Будто услышав мои мысли, мой новый знакомый предложил: «Давай, я тебе дом покажу».

Гостиная оформлена в традиционном для Турции стиле. Она разделена на две зоны. Первая часть — просторный зал с расставленными по стенам мягкими глубокими диванами. За широкой аркой — вторая часть комнаты, чуть поменьше. Здесь в центре большой овальный стол, покрытый скатертью, удобные мягкие стулья, классическая стеклянная горка с посудой и прилавок темного дерева с фотографиями членов семьи. В этой зоне семья обедает по торжественным случаям и принимает гостей.

«Мебель итальянская?» — поинтересовался я.

«Нет, все турецкое», — ответил Семих.

Любопытно, что между обеденной комнатой и большим коридором, ведущим в другие помещения квартиры, расположился небольшой тамбур. «Здесь умывальник и туалет для гостей», — открыл дверь Семих. Тоже турецкая традиция — гость не должен думать, что стесняет хозяев.

Семих показал спальню, комнату среднего сына Сениха рядом. Сюда со временем, когда подрастет, переедет и Салим.

Дальше мы пошли на 2-й уровень квартиры. Лестницу перегородивал невысокий заборчик с калиткой. Это чтобы сдержать любопытство Салима, который уже чуть не свалился однажды, устремившись за сестрами. На втором этаже — комнаты девочек. Почти кельи, выдержанные в строгом стиле. Для младших — две кровати, два двухстворчатых шкафа, два стола с полками для книг и учебников.

У Бюшры отдельная комната. Но тоже без изысков — узкая кровать, стол, книжный стеллаж и шкаф. Еще на втором уровне оказалась каморка для приезжающего на каникулы из университета Бахадыра. Тут и вовсе спартанское жилье — тахта, как в поезде, и тумбочка. Сама комната — чуть больше купе спального вагона. В общем, все достаточно скромно.

Сразу заметно, что семья — новосел. Мебель расставлена, занавески повешены. Но на стенах еще мало картин и фотографий. И я ощущал, что в доме чего-то не хватает. Чего-то знакомого и...

обязательного. И тут до меня дошло. В квартире нет ни одного телевизора. Задал вопрос Семиху.

«А его и нет. И не было никогда, — ответил он. — Я вообще считаю, что телевидение крадет наше время и счастье общения друг с другом».

Тут, похоже, и начинается самое интересное, подумал я. С этого места, пожалуйста, поподробнее.

«Я тебе больше скажу, — продолжил Семих. — У нас в доме только один компьютер — ноутбук. Пароль от него знаю только я».

Конечно, когда нужен, например, Интернет для учебы, Семих открывает свой компьютер для детей. Но строго под контролем. Объясняет: у детей очень насыщенный день — учеба, занятия спортом. Софья занимается волейболом, Лейла — баскетболом, встречается с репетиторами. Время на общение друг с другом — только вечером. И тут выбор прост: либо быть семьей, либо смотреть телевизор и играть в компьютерные игры. Семих считает, что лучше общаться. И не скажешь, что он не прав.

В семье много читают. Часто вслух, собравшись кружком на диванах в гостиной. Действительно, на полках много книг. По переплетам видно, что все они открывались не один раз.

В детских на полках я обнаружил и «Приключения Гулливера», и «Тома Сойера», и «Робинзона Крузо», и «Трех мушкетеров». Турецкое правительство выпустило серию из ста произведений мировой классики для детей. В семье Доганов есть все книги этой серии. В нее, кстати, входят и русские авторы — Достоевский, Чехов, Толстой. Семих заметил, что «Хаджи Мурат» — одна из любимых его книг. Есть и дань современной литературной моде. «Гарри Поттер», Коэльо — и они не обошли Турцию стороной.

«Вообще я читаю каждый день, — признался Семих. — И это очень важно. Когда в семье дети видят, что родители читают, они сами начинают читать».

Особое место в семейной библиотеке занимает религиозная литература. Кроме Корана есть жизнеописания пророка и

правоверных мусульман. Религиозное воспитание — важная составляющая семьи. Сам Семих строго блюдет все обряды. В пятницу ходит в мечеть, пять раз в день уединяется на молитву.

Я заметил, что в последние годы в Турции возрос интерес к религии. Несколько десятилетий местные политики провозглашали светский принцип существования общества. Турция была единственной страной в исламском мире, где церковь полностью отделена от государства. Такой курс взял во время революции ее лидер Кемаль Ататюрк.

Создатель современного турецкого государства не случайно главный удар нанес именно по религии. Иначе было не преодолеть почти пятивековое наследие Османской империи. Кемаль не просто отделил ислам от государства, были закрыты многие мечети, женщина Востока была освобождена и сбросила паранджу, мужчины, которые носили фески, воспринимались чуть ли не как контрреволюционеры, враги нации.

Невольно напрашивается сравнение с Советским Союзом. Но оно не так далеко от истины. Реформы Кемалья у нас тогда восприняли как продолжение линии Октября. Классик отечественного кино Сергей Юткевич, собиравшийся в 1930-е годы снимать фильм о переменах в Малой Азии, писал: «Кемалистская Турция, правильно разглядев врага, покончила внутри самой страны с контрреволюционной силой реакционного духовенства, султанского двора и компрадорской буржуазией».

И по сей день Ататюрк — отец турок — самый почитаемый исторический деятель страны. Его мавзолей в Анкаре в разы превосходит некогда находившийся на полуострове мавзолей царя Мавсола, считавшийся одним из античных чудес света. Памятники Ататюрку стоят в каждом городе и поселке, его портреты можно увидеть не только в государственном учреждении. В любой посудной лавке он мудро и строго смотрит на потомков.

Но в душах людей началось и переосмысление некоторых постулатов.

Сам Семих вспоминает, что, когда он учился в школе, его мама пришла на родительское собрание в платке. «Мне было так стыдно, я даже потом сказал, чтобы она больше не приходила в школу вообще, а то одноклассники будут смеяться. А теперь мне стыдно, что я себя так вел», — признался Семих.

Он считает, что возрождение не столько ислама, сколько принципов, основанных на общечеловеческих ценностях и провозглашенных в Коране, сегодня может стать национальной идеей страны. Идеологию Османской империи Ататюрку сломать удалось, а ее дух не переломили. Остались и коррупция, и взяточничество, и казнокрадство. Страна задыхалась от экономических проблем, гиперинфляции. То и дело ее сотрясали военные перевороты.

«А люди хотят стабильности, хотят работать и с надеждой смотреть в будущее — это так просто. Но нужен стержень. Я свой стержень нашел в семье и в Аллахе», — без всякого пафоса сказал Семих.

Мне понравилось в Семихе, что он не рисуется. Обо всем говорит открыто, не стесняясь, но и не выпячивая какие-то сюжеты своей жизни. Я уже упомянул, что учился он в Англии. Туда уехал в 1984 году, когда в Турции случился очередной переворот. Юноша из состоятельной семьи вел за границей довольно разгульную жизнь. Семих не вдается в подробности, но грустно говорит: «Вел я себя очень плохо».

Что же изменило его?

«Ясемир, — отвечает он. — Не скажу, что, вернувшись из Англии, я испытывал угрызения совести и думал, что буду вести себя как-то иначе. Мне было чуть больше двадцати. Но мой мудрый отец поставил ультиматум: если через полгода я не женюсь, он женит меня сам. Тогда нас и познакомили. Она дочь хороших знакомых нашей семьи. Но раньше я ее никогда не видел. Мы жили в Стамбуле, а она в деревне на черноморском побережье, откуда пошел наш род. Знаешь, я до сих пор помню тот день. Мы сели

друг напротив друга. И просто поговорили. Она сказала, что хочет иметь большую семью, много детей и доброго мужа. Я произнес: «Я буду тебе добрым мужем». Так все и случилось».

Очень многие в Турции женятся, сосватанные родителями. И про старшего своего сына Семих говорит, что если он к 22 годам не найдет себе спутницу, он поступит так же, как и его отец. Как сложится судьба Бахадыра, мы еще не знаем. Но мы знаем, как сложилась судьба Семиха.

Вообще в Турции в семьях всегда много детей. Трое — норма. У брата Семиха — трое. У сестры — трое. Но шестеро — это все же не совсем обычный случай. Как строится день семьи?

Встают рано. В 7.15 детям уже нужно уходить в школу. Ясемир готовит завтрак. В утреннем рационе простые продукты: брынза, сыр, зелень, оливки. Йогурт в Турции заменяет традиционное утреннее национальное блюдо сладкие сливки — что-то вроде крема с медом. Иногда готовят яичницу, тосты. Все это сопровождается чаем. Утренний завтрак турки называют «кахвалты», что дословно можно перевести — «до кофе». Кофе пьют через несколько часов после завтрака, отдельно.

Отправив детей в школу, на работу идет и сам Семих. Его фабрика в четырех километрах от дома. Обычно он ходит пешком. Это возможность размяться и подумать по дороге. К счастью, в Стамбуле в основном стоит хорошая погода. Когда же погода не балует, или нужно спешить, или здоровье неважное, Семих садится в рейсовый автобус или берет такси. Поездка от дома до работы обходится в 8 лир — примерно 5 долларов. Но таксисты берут пассажиров на такое расстояние неохотно — слишком короткий путь.

Пока дети в школе, а муж на работе, по дому хозяйничает Ясемир. Ей в помощь — приходящая девушка Гуль. Вместе готовят еду, убирают дом, ездят в магазин, покупают овощи на рынке возле дома. Ясемир распоряжается семейным «Мерседесом».

После школы у детей начинаются занятия с репетиторами и в спортивных секциях. Ясемир имеет возможность сходить

на фитнес или в бассейн. Спортивный комплекс расположен в их жилом квартале, окна квартиры Доганов выходят прямо на него.

Выходные семья всегда проводит вместе. Как уже говорил Семих, никакая сила не заставит его оставить семью в субботу и воскресенье.

Отпуск проводят в своем загородном домике на Черном море. Рядом — дом родителей Семиха. Несколько раз Семих и Ясе-мин ездили в Европу. Но когда у тебя шестеро детей, их надолго не оставишь, поэтому домик на море летом никогда не пустует.

На что тратит деньги турецкая семья? Что обходится дороже всего? Питание?

«В общем, нет, — говорит Семих. — Мы консервативны и просты в своих потребностях. В нашем районе все есть. Турки, надо сказать, очень постоянны в своих привязанностях. Например, в этом районе мы живем все годы, как познакомились с Ясе-мин. Вот только квартиру недавно сменили».

А как сменили?

Понравился новый строящийся комплекс. Семих посмотрел жилье, пошел и купил, выложив сразу 550 тысяч долларов.

«Без кредита?» — уточняю.

«Если бы оформили кредит, квартира обошлась бы почти вдвое дороже, поэтому, если есть деньги, лучше не попадать на проценты банка», — подчеркнул Семих.

Может быть, много средств съедает оплата жилья?

Семих задумался: «Коммуналка» в Турции дорогая. Меньше 300 долларов в месяц ни у кого не получается. Давай подсчитаем. Зимой 200 долларов в месяц уходит на отопление, летом столько же на охлаждение квартиры. Все идет через кондиционер, легко прикинуть траты. 200 долларов — газ. Еще 100 — вода и электроэнергия. Примерно 50 — телефон. Итого — 550. Если бы мы арендовали такую же квартиру размером 120 квадратных метров, платили бы 1700 долларов. Свое жилье иметь выгоднее».

Кстати, в Турции в каждом доме есть человек, который следит за порядком. Его называют «капыджи», если дословно перевести — «дверник, человек, следящий за дверями». Он и консьерж, и дворник, и садовник, и охранник. Он же по утрам приносит хлеб, молоко и газеты. Каждая семья платит ему по 20–30 долларов в месяц. Капыджи живет на первом, самом дешевом, этаже и, как правило, за свою квартиру не платит.

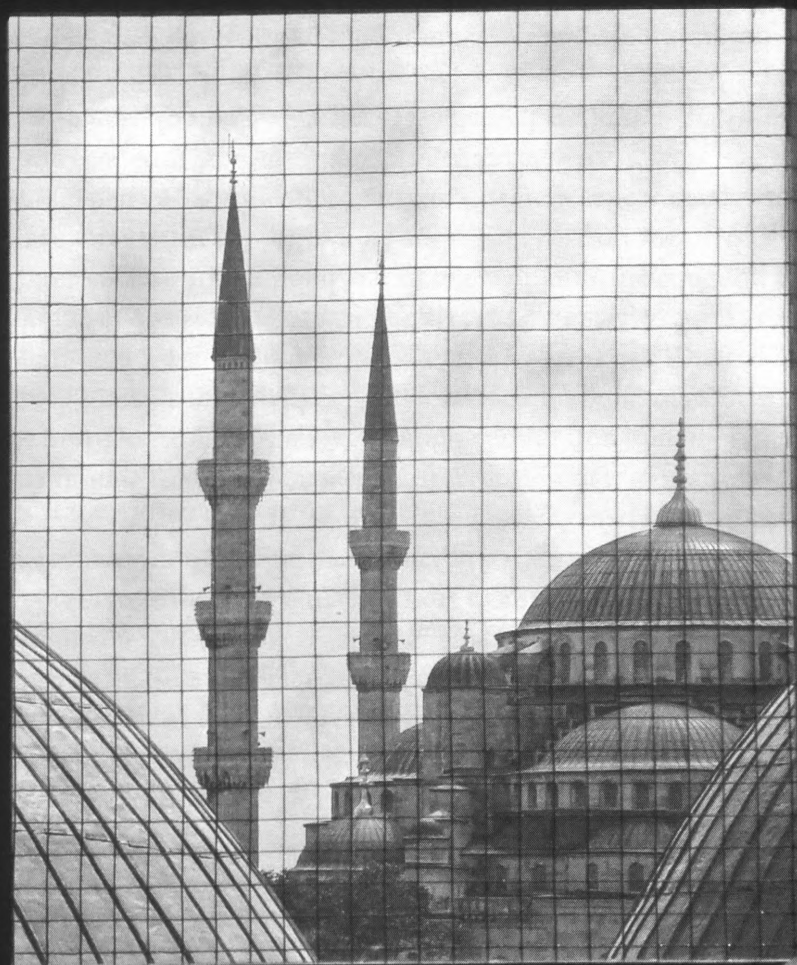
Выходит, жилье тоже не главные затраты. Что самое дорогое для семьи?

«Я скажу, — наконец решился Семих. — Это образование! Притом что все мои дети учатся в государственной школе. Репетиторы, подготовка к экзаменам обходятся в огромные суммы. Математика и турецкий по 100 долларов за 2 часа. Но иначе нельзя! Каждый год полтора миллиона молодых турков заканчивают школу, а в вузах всего сто тысяч мест. Надо выдержать жесточайшую конкуренцию. Если бы дети учились в частной школе, я еще платил бы по 10 000 долларов в год на каждого ребенка. У меня есть такие деньги, но в частной школе одна среда, в государственной — другая, более широкая и демократичная. И я хочу, чтобы мои дети росли в нормальной среде».

Выходит, снова главным аргументом для Семиха является его семья. Вот такой выбор сделал мой новый турецкий друг.

Девочки завершили накрывать стол. И наконец в комнату вошла Ясемин и пригласила к ужину. В тот вечер семья принимала гостя из России. Стол был богат дарами национальной кухни. Турки показывают гостям все лучшее. Мы еще долго говорили. И я подумал, что даже для Турции шесть детей не совсем обычное дело. Но нет ничего типичнее для человека, чем любить свой дом, свою семью. Из этого складывается понятие Родины.

А любить Родину — что может быть типичнее для семьи.

У турок, как и у других народов мира, свои нравы и обычаи, богатый фольклор — сказки, легенды, анекдоты, пословицы и поговорки. Бытуют суеверия и вера в приметы. Какие-то из них понятны и нам, какие-то могут показаться странными...

— Если человек разбил зеркало — это не к добру: несчастья будут преследовать его в течение семи лет или кто-то из его семьи умрет. Чтобы предотвратить подобные несчастья, кусочки разбитого зеркала следует тщательно собрать и немедленно закопать.

— Если дорогу перебежала черная кошка — жди беды.
— Нельзя передавать колющие и режущие инструменты другому человеку из рук в руки — это к ссоре или даже к драке. Чтобы передать острый предмет и не поссориться, следует положить его на стол, стул или на землю, тогда его можно будет просто подобрать.

— Утром следует вставать с правой стороны постели, чтобы день начался хорошо.

— Чтобы в доме и семье всегда были счастье и благополучие, порог следует переступать с правой ноги.

— Нельзя стричь ногти вечером или ночью. Этим вы укорачиваете свою жизнь.

— Нельзя свистеть ночью — навлечете зло.

— Нельзя подметать дом поздно вечером или ночью — это к бедности.
— Стирать одежду в субботу — к несчастью.

— Если собака залает во время призыва к молитве, то по соседству кто-нибудь умрет.

— Если прикурить сигарету от пламени свечи, то где-нибудь в море погибнет моряк.

— Увидеть змею по пути куда-либо — к удаче.

— Если измерить рост новорожденного ребенка, он, когда повзрослеет, будет маленького роста.

— Перешагнуть через маленького ребенка — к несчастью, так как младенцы считаются ангелами.

— Если молодая девушка носит или просто примеряет кольцо женатого мужчины — она будет несчастлива в браке.

— Если женщина во время беременности ест яйца, то родившийся у нее ребенок будет очень капризным.

Во время путешествия по Турции вы обязательно обратите внимание на то, что у турок очень популярен особый талисман: синий диск с белым и черным пятнышками, чем-то напоминающий глаз. Турки называют его «назар» — буквально «взгляд, взор».

Считается, что он защищает от порчи и сглаза.

Такие талисманы известны с глубокой древности. Изображения, напоминающие человеческий глаз и предохраняющие от порчи, распространены и у арабов, и у греков, и в Индии, и в Иране, и в Египте.

В Турции бусинку или подвеску в виде глаза вешают на шею детям, домашним животным, ее можно встретить в домах, лавках, автомобилях и во всех других местах, где люди живут и работают. Влюбленные тоже часто обмениваются такими талисманами в надежде на то, что они помогут им сохранить любовь и уберечь от неприятностей.

В Турции иногда встречаются и другие талисманы-обереги, например, в домах, автобусах и грузовиках можно увидеть некие надписи, сделанные на специальной бумаге и оправленные в рамку. Они, по всеобщему поверью, не только предохраняют от сглаза, но и обеспечивают их владельца полную защиту Аллаха. Текст надписи на таких оберегах обычно бывает нехитрый: чаще всего это Massallah, что значит «на все воля Аллаха».

Австралия

Миррабука

«Ми-и-ррра-бу-у-ка, — протяжно прочитала название улицы трехлетняя Настя Максимова. И тут же задала вопрос: — Мама, а почему буквы такие странные?» На табличке действительно значилось не по-русски: Mirrabooka.

Вообще-то Настя и не ждала ответа от мамы. Шоу предназначалось для меня. Настя прекрасно знает, почему в ее книжках буквы русские, а вокруг сплошная латиница. Просто девочка родилась и живет в Австралии.

Что же такое «Миррабука»? Диковинный зверь? Или экзотический цветок? А может, какая-нибудь местная знаменитость? Назвали же крупнейший город континента именем лорда Сидни. Весьма остроумно. Кого, как не английского министра внутренних дел, начавшего заселение Австралии каторжниками, считать отцом нации?

Пока мы ехали из аэропорта, автомобиль взбирался на холмы и мчался вниз, крутил по узким улочкам и вырывался на магистраль. А я все ждал: когда же из-за поворота появится океан или панорама небоскребов, знаменитая опера, наконец. Но город встречал низенькими домиками, окруженными аккуратными садиками. С этой стороны Сидней больше походил на наши дачные поселки. И, как оказалось, он на 90% именно такой — одноэтажный.

Наши отношения с Австралией начались именно с Сиднея. В 2007 году исполнилось ровно 200 лет с того момента, как первый русский корабль вошел в этот порт. Символично — назывался он

«Нева». В начале XIX века Леонтий Гагемейстер разработал план, согласно которому благодаря попутным ветрам суда, следующие в русскую Америку, доберутся до нее гораздо быстрее, обходя Австралию не с севера, а с юга. Так оно и получилось. После успешного плавания «Невы» новый маршрут получил название «путь Гагемейстера».

Однако разразившаяся Крымская война надолго рассорила Россию с Англией, вход в австралийские порты для нас закрыли. Как известно, Аляску продали именно потому, что не смогли наладить транспортные пути...

Дом Максимовых расположился на улице Миррабука в сиднейском районе Стратфилд. В округе живут много русских. Эмигранты всегда старались селиться рядом друг с другом.

Волн эмиграции в Австралию из России было несколько: до-революционная, «белая», «еврейская» 1970-х годов. Но самая мощная пришла из Китая, когда тамошние власти громили русские колонии, сначала в 1949-м в Шанхае, потом в 1957-м в Харбине.

Бабушка Насти — Вера и ее сестра Татьяна, урожденные Буровниковы, приехали из Харбина. Их семья с начала XX века строила в Китае знаменитую КВЖД.

Эта железная дорога должна была по прямой соединить Большую землю с Владивостоком. Для ее строительства и обслуживания Россия арендовала часть территории Маньчжурии. В пустыне и на заболоченных берегах реки Сунгари вырос современный город с хорошо налаженной инфраструктурой, великолепными зданиями и храмами. Эта часть нашей истории у нас малоизвестна. К сожалению, сегодня немного сохранилось от русского Харбина. Начавшие было осуществляться планы освоения Дальнего Востока прервали сначала революция, потом японская оккупация. А в довершение ко всему закончился и срок аренды КВЖД. Китайцы без сантиментов предложили очистить территорию. Тысячи русских подались кто куда. Большинство с одним наскоро собранным чемоданчиком.

Судьба большинства осевших на Филиппинах и в Латинской Америке неизвестна. Многие вернувшиеся в СССР в конце концов устроили свою жизнь, пройдя через освоение целины или Крайнего Севера.

Те, кто попал в Австралию, считают, что им повезло. Впрочем, тут их приняли не с распростертыми объятиями. Они выполняли самую тяжелую и неквалифицированную работу — удел всех эмигрантов. Местные же на русских смотрели с пренебрежением. «Бывало, возвращаемся в автобусе с работы, — вспоминает Игорь Гартунг, — говорим о чем-то своем, а австралийцы шипят: «Приехали в нашу страну, изъяснитесь по-английски!». Нас эти слова только веселили: «Ваши предки приехали сюда не по своей воле, а мы свободные люди и прибыли в свободную страну». Австралийцы злились, но умолкали.

Русские освоились на Зеленом континенте лишь к середине 1960-х. Получили гражданские права, образование, устроились на нормальную работу. Вера стала бухгалтером, ее муж Олег создал свой бизнес. Татьяна сделала хорошую госкарьеру, занимала высокий пост в департаменте здравоохранения. Ее муж Игорь Гартунг, выходец из старинного скандинавского рода, испокон веков служившего России, до выхода на пенсию считался одним из лучших специалистов по промышленным алмазам...

В общем, они смогли реализовать себя. Но, став австралийцами, они не перестали быть русскими. В 15 минутах езды от Миррабука находилось то, что я высматривал по пути из аэропорта. Где-то светились огни небоскребов, в залах Сиднейской оперы выступали звезды мировой сцены, в вытекающую из океана соленую реку Парраматта вплывали акулы... Но мне не очень-то хотелось покидать дом Максимовых.

Я видел много эмигрантских домов. Например, на Брайтонбич, в Европе. В них всегда «очень много России», но убранство как-то больше похоже на кич. Про дом Максимовых можно сказать лишь одно: ощущение такое, что ты не на другом краю земли,

а всего лишь перешел дорогу и заглянул по-соседски к старым знакомым. И дело даже не в интерьере, хотя, конечно, когда в чужой стране видишь вокруг привычные вещи — картины с русской природой, сувениры, книги, тысячу бытовых мелочей, — чувствуешь себя уютнее. Дело в самой атмосфере.

Вот приходят гости. Вера печет пироги. Устраиваемся за столом. Говорим о работе, о каких-то житейских проблемах. Все так похоже на наши домашние посиделки. И даже не сразу понимаешь, что большинство тех людей, с кем ты общаешься, ни разу не были в России!

Сын Веры и Олега Николай, родившийся в Австралии, великолепно говорит по-русски. Но, как признался сам, думает уже по-английски. Вот почему его жена Юля, с которой Николай познакомился в Канберре, где студентка с Сахалина проходила практику, так усиленно занимается русским и с уже знакомой нам Настей, и с сыном Алексеем.

Язык, бесспорно, объединяет людей. Но не только он составляет атмосферу «русского духа» в эмигрантской среде.

Как только началась перестройка и стало возможно общаться с Родиной, Максимовы, Гартунги и другие семьи из Русского клуба стали собирать посылки в детские дома России. Из Австралии шли целые контейнеры. Татьяна, пользуясь своим авторитетом в госструктурах, включилась в программу по обмену школьниками между Россией и Австралией, осволенную по инициативе выдающегося общественного деятеля русского австралийца Вадима Сергеевича Егорова. А поскольку, по законам Австралии, нельзя принимать несовершеннолетних без опекунов, приемной матерью этим ребятам стала Вера. Восемь человек уже прошли эту программу бесплатного обучения в самых престижных колледжах Сиднея.

Не меньшая гордость русских в Австралии — кинофестиваль «Российское возрождение». Его уже много лет подряд организует Николай Максимов. Необычность кинофорума в том, что он

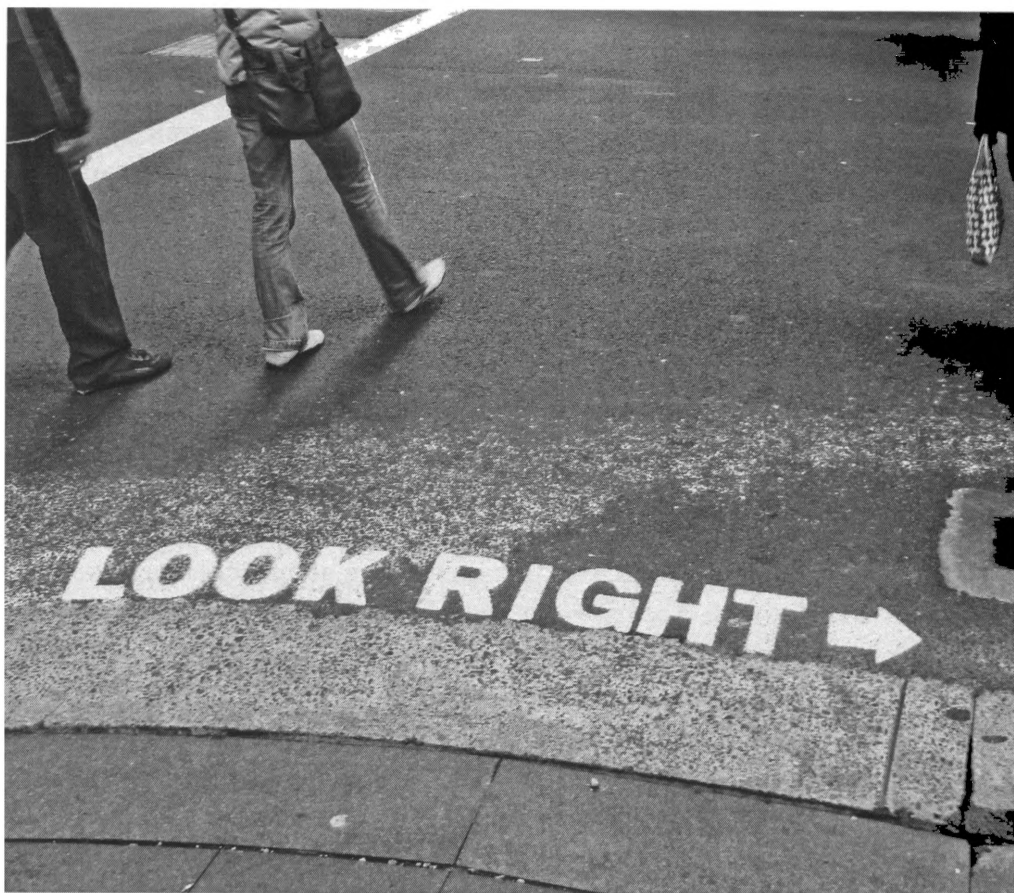
рассчитан не на эмигрантскую ностальгию. Его цель — ознакомить австралийцев, весьма разбалованных зрелищами, с современным искусством нашей страны.

«Я понял, что фестиваль пойдет, после того как мы в первый же год показали «Летят журавли», — говорит Николай. — Люди уходили под глубоким впечатлением, а один человек подошел ко мне и сказал: «Я слышал про этот фильм давным-давно, наконец я его увидел, и он стоит того, чтобы ждать встречи с ним 40 лет!».

Частые гости в доме Максимовых россияне, приезжающие в Австралию. Когда в Сиднее проходила Олимпиада, на улице Миррабука перебивала практически вся наша команда. Особенно впечатлили девушки-баскетболистки, которые стучались о дверные косяки и хвалили Верины пироги.

Что же все-таки это означает? «Так аборигены называли созвездие Южный Крест, — говорит Вера. И добавляет: — В России это созвездие, к сожалению, не видно»...

Сегодня, похоже, настало время вновь связать многие порванные нити. По сути, мы возвращаемся к делам, начатым и 200, и 100 лет назад нашими соотечественниками. Многие из сделанного ими не видно, как созвездие Южный Крест. Судьба не ко всем из них оказалась неблагосклонной. Но прерванное — не значит забытое. И идеи тех лет сегодня для России еще более важны и актуальны, чем прежде.

Русских в Австралии проживают около 200 тысяч человек — это 1 процент населения государства-континента. И хотя не каждый из причисляющих себя к Большой России имеет русские корни, да и по-русски говорит и понимает, все они держатся вместе, собираются в клубах, устраивают вечера, чтят русские традиции и праздники, приглашают гостей из России и нашего посольства. Большую роль в объединении русских австралийцев играет газета, которая так и называется — «Единение». Выходит она еженедельно с 1950 года.

В 1990-е газету купил эмигрант из России Владимир Кузьмин. Они с женой с небольшой командой помощников все делают своими силами: собирают материал, пишут статьи, верстают номер, отвозят в типографию, забирают и распространяют тираж. Огромный труд, адский труд! Достаточно сказать, что Кузьмины позволяют себе передышку лишь раз в году — от католического до православного Рождества они берут отпуск и уезжают куда-нибудь из Сиднея.

Для Кузьминых газета не бизнес. На ней они ничего не зарабатывают. Понятно, семья выполняет

благородную общественную миссию. Но зачем это им? Владимир — финансовый служащий, имеет солидную должность в коммерческом банке, получает весьма приличную зарплату.

Оказалось, и тут есть ответ. В Австралии высокие налоги. Выпуская газету, востребованную в среде национального меньшинства, Кузьмин имеет льготы от правительства по налогообложению. За год набегает очень большая сумма.

«Ну а если бы не было преференций?» — задаю провокационный вопрос.

«Все равно выпускал бы газету, — уверенно говорит Владимир. — Конечно, не привлекал бы столько помощников, не делал бы ее такой толстой, и, может, пореже номера выходили. Но без газеты нам никак нельзя. Очень уж она важна для нашей общины».

В кругу друзей и банкир может стать журналистом.

О социальной активности наших соотечественников говорит еще один пример. В «спальных» районах Сиднея, чтобы не устанавливать дорогостоящие светофоры, на наиболее оживленных перекрестках

разбивают клумбы. Мчащиеся автомобили волей-неволей вынуждены притормаживать и огибать рукотворное препятствие. Вера Максимова, мать уже знакомых нам Веры и Татьяны, когда ее внуки пошли в школу, обратилась в местные власти с просьбой разбить такую клумбу на перекрестке возле своего дома. Власти разрешение дали, но с работами не спешили. Тогда, чтобы дело пошло быстрее, Вера вместе с соседями сама эту клумбу и высадила. Прошло много лет. Веры уже нет. В школу пошли ее правнуки. А в этом районе Сиднея безымянный перекресток жители между собой так и называют — Площадь Веры.

SYMIV

OM

Греция

Ихтиандр здесь больше

не живет

«Сифуд, фреш фиш, каламари, краунс...» — Димитрос шагнул к группе туристов, остановившихся на набережной. Но они не обратили на него внимания. Сфотографировались, потоптались на месте, двинулись дальше.

Димитрос бросил меню на ближайший столик, скрестил руки на груди и снова стал ждать. Ничего, сейчас пойдет поток.

Несколько минут назад на остров Сими причалил паром с Родоса. Первыми на берег сошли местные жители. Их легко узнать по пакетам из магазинов. Родос по сравнению с Сими — огромный остров, почти материк. Выезжая по делам или к родственникам, местные не упускают случая заняться шопингом.

Ресторан Димитроса расположен на противоположной стороне небольшой бухты. Пристань как на ладони. Димитрос от нечего делать любит наблюдать, как разгружается паром. Он иногда пытается угадать, кто зайдет в его ресторан. Местные, конечно, не зайдут. Они, не мешкая, садятся на свои припаркованные на пристани мотороллеры и спешат домой.

Вся жизнь столицы острова, состоящей из двух слившихся поселков Ялос и Хорио, по сути, происходит тут, на набережной, подковой огибающей бухту. Дальше дома построены хаотично. Со стороны кажется, что вышестоящие налезают на крыши тех, что пониже. Большинство улиц — это лестницы или выложенные булыжником тропы, круто ведущие в горы. Тут машина практически бесполезна. Да и на велосипеде много педалями

не накрутишь. Хорошо, что человечество придумало мотороллеры. А то до сих пор пользовались бы осликами, как в старину.

Димитрос хорошо помнит время, когда отец отправлял его в горы к крестьянам за оливками и фетой. Ослик обреченно карабкался по булыжникам. Димитрос болтался в седле, пытаясь сохранять равновесие, иногда замирая от ужаса, когда его четвероногий спутник выходил на край какого-нибудь обрыва.

Но как завораживала красота открывающегося вида! Слово на ладони лазурная бухта с неостанавливающимся движением рыбацких лодок и яхт, аккуратные цветные домики прибрежного Ялоса, церкви и монастыри облепившего склон горы Хорио.

Собственно, ничего за эти годы не изменилось. Только к старомодным лодкам прибавились шикарные яхты, да паромы с Родоса. Когда же иногда подходят большие круизные суда, невольно начинаешь ломать голову: кто к кому причалил — корабль к острову или остров к кораблю?

Сими, словно капля олова, упавшая в воду. Остров с севера на юг имеет всего десять километров, с запада на восток — восемь. Но причудливая форма с множеством бухт, заливов, выступающих в море мысов растянули береговую линию почти на сто километров. «Капля» Сими застыла в Эгейском море у самых берегов Малой Азии. До материка 20 минут на катере. Но там — Турция. До Родоса — два часа, и это ближайший из греческих островов.

Греческий архипелаг Додеканес разбросан по всему Эгейскому морю. Сими по своей территории — самый маленький из населенных людьми островов. Он находится на самом краю, поэтому его часто называют «стражем греческой земли». И хотя сам остров вошел в состав Греции только после Второй мировой войны, гордый статус «стража» он носит исстари.

Додеканес — православный архипелаг. На одном только Сими около 30 церквей и монастырей. Никакие силы не смогли изменить преданность местных жителей своей вере — ни четырехвековое исламское владычество Османской империи, ни четыре

десятилетия итальянской оккупации, когда усиленно насаждался католицизм.

По законам природы на Сими практически нельзя жить. Тут нет источников пресной воды, очень мало зелени и деревьев. Скалы, камни, песок, галька. Сейчас воду танкерами возят с Родоса. А в старину берегли каждую каплю, ожидая дождя, чтобы его потоками пополнить запасы многочисленных резервуаров.

Сими — уникам. Этот адрес в Эгейском море известен с античных времен. По легенде, один из богов похитил дочь местного царя и спрятал на необитаемом острове. Принцессу звали Сими, и ее имя дало название острову.

Ресторан Димитроса называется «Нирей». Сими впервые упоминается в истории благодаря имени молодого киддского царя. Нирей участвовал в Троянской войне, встав на сторону данайцев. Он привел с собой на трех кораблях небольшой отряд. Гомер свидетельствует в «Илиаде», что Нирей не был опытным воином и вскоре погиб. Но Гомер и Еврипид породили миф о сказочной красоте юноши с острова Сими. «Земля, прими самого красивого среди людей» — якобы было написано на его могиле.

Предания утверждают, что именно на Сими построили знаменитый «Арго», который Ясон выбрал для долгого и опасного плавания в Колхиду за золотым руном. Похоже, так оно и было на самом деле. Во всяком случае Димитрос в это свято верит. Ведь корабельные острова славились своими быстроходными судами и у древних греков, и у византийцев, и у финикийских пиратов, и у гонявшихся за ними по всем южным морям венецианцев, и у рыцарей-крестоносцев. Захватившие остров турки строили на Сими скоростные суда для почтовой службы Османской империи. Островитяне даже имели благодаря этому налоговые льготы. Правда, до тех пор пока Сими вместе с другими греческими землями не встал на борьбу за независимость. Афины вырвались из-под власти турков, а Додеканес остался под властью османов еще почти на сто лет.

Туристы, завершив экскурсию, разошлись по городу. Ожили улочки и набережная, возникли очереди в сувенирных лавочках. Начали заполняться столики в кафе и ресторанчиках. Теперь Димитросу уже нельзя зевать.

«Сифуд! Фреш фиш! Каламари! Краунс! Лобстер!» — Димитрос больше не стоит, скрестив руки на груди. У него под мышкой несколько меню на трех языках, и он пытается всучить их прохожим, неустанно тарабанив: «Морепродукты, свежая рыба, кальмары, креветки, лобстер...». Когда туристы останавливаются, Димитрос использует все приемы: «Хэлло! Гутен таг! Привет!». Спрашивает: откуда гости? Не хотят ли поесть? А может, выпить чего-нибудь? Просто так посидеть в тени — день-то какой жаркий!..

Сегодня хорошая рыба. Димитрос каждое утро с рассветом выходит на набережную. Ялос и бухта развернулись к востоку. Рыбачьи лодки и катерки черными точками рассыпались по поверхности моря. Как только начинает всходить солнце, рыбаки срывают свои суденышки и мчатся в порт. Кто первый причалит, у того больше шансов сбыть весь улов сразу и по хорошей цене.

Димитрос всегда выбирает рыбу сам. В огромных корзинах он несет ее в свой ресторан. Потом сыновья спустят ее в погреб на настилы со льдом. А Димитрос сможет еще поспать несколько часов до прихода первого парама.

Вообще-то на первый паром надежды немного. Он причаливает рано. Туристы осматривают город, заходят в монастыри и церкви, потом уплывают в Панормитис — поселок на другой стороне острова, где расположен знаменитый монастырь с чудотворной иконой архангела Михаила. Страж рая считается покровителем Сими, моряков и рыбаков. Облаченный в серебряный с позолотой оклад, он с лукавой улыбкой смотрит на прихожан, паломников и зевак-туристов. Сколько лет иконе — никто не знает. А в золото-серебро крылатого воина облачили в конце XVIII века. По преданию, икону нашла крестьянка в ветвях фисташкового дерева. Отнесла домой. А наутро архангел исчез из дома и снова

улыбался ей сквозь ветви. Так повторялось несколько раз, пока женщина не отнесла образ в монастырь.

Через два часа после парома в Ялос прибывает скоростной катамаран с Родоса. Он сначала останавливается в Панормитисе. Туристы более часа гуляют по монастырю. Но там у причала только один ресторан. И первым делом в Ялосе гости острова спешат усесться обедать. Выигрывает, как в гонке рыбацких суденышек, тот, кто половчей.

«Сифуд! Каламари! Фреш фиш!»

Да, сегодня действительно хорошая рыба! Набор меню у всех рестораторов примерно один и тот же. И цены, в общем, те же. Туристы чаще всего заказывают домашнее вино, свежеспеченный хлеб, садзики, салат. И рыбу. Среди специалитетов вяленая скумбрия — латиста. Но это на любителя. Блюдо каждого дня: приготовленные на решетке лавраки — он же сибас, морской лещ... И это, если честно, правильно. Свежих кальмаров никто не предлагает, рестораторы покупают замороженные полуфабрикаты. В аквариумах томно шевелят усами огромные серые раки. Лобстеры вообще не местные — привозные. Они дорогие, и их заказывают чаще всего туристы с яхт. Толстосумы!

Море дало жизнь острову, определив не только его место на земле, но и профессии его жителей. Настоящую славу Сими принесли не Нирей и не «Арго». Не даже быстроходные суда и рестораны с рыбной кухней.

В комнате Димитроса рамки со старыми фотографиями. На них люди в хороших костюмах. Усатые мужчины в пижонских шляпах, а женщины — словно только что приехали из столицы. Вот открывается первый синематограф. Вот городской праздник. Вот крестный ход. Сими всегда жил богато. Не случайно его поселки застроены не обветшалыми хижинами, а каменными нарядными домами в стиле неоклассицизма. Дороги и улочки замощены. А вечерами вспыхивают гирлянды фонарей. Такое ощущение, что гуляешь по большому городу. Крошечный остров населяли более 25

тысяч человек. Люди много работали, но и вправе были красиво отдыхать. На Сими был свой театр, появилась первая на островах Додеканеса библиотека. Еще в XIX веке начали издавать журнал.

Сими разбогател торговлей губками. Этих чудных морских обитателей описал еще Аристотель. И большинство мужчин острова занимались их добычей. Дед, и отец, и дяди Димитроса были ловцами губок. Все мальчишки острова готовились в будущем продолжить семейное дело. С раннего детства росли Ихтиандрами, приучались быть с морем на ты, а чтобы поддерживать хорошую форму, придерживались специальной диеты. Не отсюда ли ставшая притчей во языцех красота мужчин с острова Сими?

Лодки с ныряльщиками бороздили просторы Эгейского и Средиземного морей в поисках трофеев. Иногда мужчин не было дома по полгода. Как только удавалось найти заросли губок, ныряльщики прыгали за борт. Димитросу несколько раз удалось наблюдать, как это все происходит. В лодку садились десять — двенадцать человек. Ныряльщики из них — только трое-четверо. Они перевязывали пояс канатами, брали в одну руку камень, чтобы быстрее опуститься на дно, в зубы — мешок для сбора. Иногда охотников приходилось ждать бесконечно долго. Но старшие на лодке не беспокоились — только попыхивали своими самодельными трубками. И только когда начинал дергаться перекинутый через борт канат, они вскакивали и в четыре, а то и в шесть рук споро вытягивали товарищей в лодку. В этот момент зевать нельзя. Ныряльщики держались под водой до последнего, чтобы набрать побольше трофеев. Хороший ныряльщик мог находиться на дне от трех до пяти минут.

Это у торговцев губки золотистого цвета, чистые, свежие, приятные на ощупь. А на морском дне они покрыты черным колючим налетом.

Добыть губку полдела. Уже в лодке ее начинали мять ногами. Нужно было побыстрее, пока губка не сдохла и не превратилась в смердящую гущу, выдавить из ее пор воду. Проходило

еще немало часов, прежде чем трофеей несли перекупщикам. Губку долго прессовали, скребли и промывали, чтобы избавиться от клейкой молочной жидкости. Их развешивали на мачтах, чтобы просушить. Потом опять полоскали в соленой морской воде. И, прибыв на берег, мыли, сушили и снова мыли. Погружали в кислоты, иногда даже подкрашивали. В конце концов добыча ныряльщиков приобретала товарный вид.

Димитрос слушал рассказы бывалых ныряльщиков. Жуткие истории об ожогах, которые наносят морские твари и кораллы. О прожорливых чудовищах, обитающих в морских глубинах. О гибели охотников, которые застряли в подводных гротах и расщелинах. Он видел, как работа на износ, частые и долгие погружения деформировали тело ныряльщиков. Они быстро старели, время от времени команда кого-то недосчитывалась — говорили, разбил паралич. Красавцы-юноши к сорока годам становились стариками... Но каждый думал, что с ним этого не случится. Все верили в ласкающие слух истории о кладах затонувших кораблей. Богатство может принести не только честный труд, но и спрятавшаяся на дне моря удача.

Большие деньги, оказывается, приносят не только набитые золотом сундуки, но и бронзовые античные статуи или расписанные амфоры. А накопив денег, можно стать кем угодно: хочешь — торговцем губок, а хочешь — владельцем магазина или ресторана.

Когда на Сими изобрели первые скафандры, казалось, что наконец тяжелый труд удастся облегчить. Ныряльщики теперь смогли погружаться на большую глубину и подолгу ходить среди подводных зарослей. Кто знал тогда о декомпрессионной болезни? Водолазы умирали тысячами. Новая техника начала наводить ужас на простых людей. И ныряльщики предпочитали прыгать за борт по-старинке, нагишом, чем облачаться в каучуковый костюм.

И вдруг все закончилось практически в одночасье. Колонии губок иссякли.

Было это каких-то 30 лет назад. Димитрос помнит, как шептались отец с матерью. В поселке вдруг поселилась грусть. Соседи начали уезжать. Сначала ныряльщики поехали в поисках работы на другие острова, потом в другие страны, а еще позже — на другие континенты. Они ничего не умели, только нырять, и отправлялись туда, где могли пригодиться их навыки и опыт. За ними потянулись их семьи. С каждым днем, неделей, месяцем пустели дома. Сегодня выходцы с греческого архипелага обосновались в Австралии и Америке.

Население острова очень быстро сократилось до двух тысяч. Нет работы — нет жизни.

Семья Димитроса открыла ресторанчик. Сам Димитрос так и не стал ни ныряльщиком, ни водолазом. А чистенький и ухоженный Сими населили отдыхающие, ищущие на уединенном острове тишины и покоя. Днем его тишину нарушают туристы с паромов, катеров и яхт. Но, если присмотреться, глянцево-открыточный вид Ялоса и Хорио то тут то там портят заброшенные дома с надписями «Продается». В морском климате здания ветшают быстро.

«Сифуд, фреш фиш, каламари, краунс...» — Димитрос выкрикивал эти слова уже по инерции. Катамаран ушел. Снарядились в море яхты и катера. Туристы уехали. Когда стемнеет, на стакан вина в ресторан «Нирей» придут скучающие отдыхающие. Но их немного. Сими — затерявшийся в Эгейском море слишком маленький клочок земли. Конечно, с ним связано немало легенд и мифов, многие еще помнят захватывающие дух рассказы про тяжкий труд ныряльщиков. Но нет у этих историй хеппи-энда, а есть такой неожиданно трагический финал.

Тысячелетия растаяли словно дымка над водой, не оставив практически никаких вещественных доказательств и следов. Только воспоминания о несбывшихся мечтах, только легкий флер необъяснимой тоски от утери чего-то важного... Ну и красивые морские пейзажи, конечно.

Ихтиандр на Сими больше не живет.

Еще один остров Додеканеса — Нисирос тоже малонаселен и оживает только с появлением прогулочных судов, привозящих туристов посмотреть на знаменитый вулкан, разместившийся в центре острова.

После осмотра природного гиганта, спустившись в кратер, туристы возвращаются в поселок у пристани, чтобы пообедать и приобрести сувениры. У входа

в город их встречает гранитная плита с портретом молодого улыбающегося человека. Его имя Антонио Катемадинис. На Нисиро-се работы мало, и он уехал на заработки в Америку. Устроился в компанию, гордился, что его офис в престижном небоскребе — одной из башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Антонио погиб с тысячами других людей во время терактов 11 сентября

2001 года. Его тело так и не нашли. А его сограждане-островитяне создали уголок памяти на его родине. Сегодня тысячи людей из разных стран мира, посещая Нисирос, узнают о печальной судьбе грека с маленького острова, погибшего в огромном Нью-Йорке.

Как все-таки на нашей планете все взаимосвязано. Далекое и близкое, трагическое и радостное.

Германия

Любовница герцога, узница короля

Анна прислала электронное письмо: «Мы расстались с Дитером, прошу впредь не связывать его имя с моим». В этом было что-то от кричащего: «Не хочу иметь ничего общего с этим негодяем!». Господи, как похожи женщины всего мира!

Анна — немецкая подруга моей жены. Умница, блестящий юрист, ведущая дела нескольких крупных фирм, она всегда отличалась хладнокровием. И вдруг такой пассаж! Признаюсь, ее письмо меня очень удивило.

Удивило еще и потому, что за месяц до получения электронки мы гостили у нее в Дрездене. В ее большой квартире нам выделили комнату дочери, уехавшей путешествовать по Южной Америке. Рядом обитал сын Анны, 19-летний парень. Он чуть свет уходил в институт, а возвращался глубоко за полночь. Он не издавал ни шороха — даже свой рок слушал в наушниках.

Анна рано потеряла мужа, долго одна воспитывала детей и делала карьеру. И вот года два назад встретила Дитера.

Утром за завтраком они обнимались, как подростки. Мы с женой даже подчас чувствовали себя неловко. Глаза невольно осматривали убранство кухни.

Это была очень немецкая кухня. Уставленная кастрюлями, сковородами, пивными кружками, вышитыми салфетками в рамках. Кухня была создана, чтобы впитывать копоть, жир и пыль. Но при этом была стерильной чистоты. Даже пожелтевший от времени со стершимися надписями старый миксер, когда

к нему прикасались, казалось, скрипел от своей идеальной отмытости!..

Мы старались улизнуть от сорокалетних Ромео и Джульетты. В рабочие дни это было нетрудно. Но в выходные наши немецкие хозяева запротестовали: «Мы хотим провести время с вами. Хотите, пойдём в Цвингер? Или прогуляемся по магазинам?».

Остановились на поездке в Саксонскую Швейцарию.

Вдоль дороги текла Эльба. Спокойная и узкая, она удивляла интенсивностью движения. Достаточно большие суда курсировали в обе стороны, словно это была какая-нибудь Волга или Миссисипи. Дитер, выросший в деревеньке на берегу Эльбы, а перебравшись в Дрезден, ставший топ-менеджером одной из фирм, взалхлеб рассказывал о коварстве великой немецкой реки. «Она только кажется смиренной, — говорил он. — А нынешним летом из-за дождей залила пол-Дрездена. В Цвингере пришлось вытаскивать экспонаты из запасников — подвалы затопило». Особое место в его болтовне занимал забавный рассказ о том, как он спасал сейфы и компьютеры из собственного офиса, в котором вода стояла по колено.

Анна слушала его в пол-уха. Она только что выиграла большой процесс, и чувствовалось, что отдыхала душой рядом с разговорчивым любимым.

Желтеющая листва, стальная лента реки, отвесные скалы Саксонских гор — все располагало к приятному субботнему релаксу. А на фоне природы особенно чутко воспринимаешь старые легенды.

Возвращаясь в Дрезден, мы свернули к замку Штольпен. Когда-то здесь обитали славянские племена. Название замка происходит от слова «столбы». Средневековая цитадель построена на вершине базальтовой горы. И ее склоны, словно связка черных карандашей, подпирают старые стены и башни, которым без малого тысяча лет. Замок успешно оборонял рубежи Саксонии. В мирное время местные герцоги использовали его как тюрьму,

в которой, если верить экспозиции музея, с фантазией и до самозабвения пытали крестьян и ремесленников за разные провинности, не всегда такие уж и страшные.

Кто-то попадал в подвалы мрачной тюрьмы, а кому-то судьба начертала сидеть в башне.

Замок прославился не только своей неприступностью, Штольпен известен всей Германии как место заточения Анны Козель — первой красавицы Европы, фаворитки саксонского герцога Августа Сильного.

Август — самый известный из местных правителей. Рассказывают, он действительно обладал недюжинной силой — с легкостью подковы гнул!

Восхищенные потомки увековечили его в величественном памятнике, прозванном «Золотой всадник» — саксонцы не пожалели позолоты на его украшение. Монумент несомненно видел Фальконе: вздымающий коня герцог чем-то неуловимо напоминает «Медного всадника», установленного через полвека в Петербурге.

Впрочем, Август как стратег никуда не годился. Он много воевал, но не выиграл ни одной войны. Он водил дружбу с великими державами, в том числе и с Россией, но легко сдавал союзников, когда противники оказывались у границ его владений.

Судя по всему, Август был труслив. По совместительству саксонский герцог стал королем Польши. Но, чтобы получить корону, ему пришлось принять католичество. Дабы лишней раз не раздражать своих подданных-протестантов, католический собор в Дрездене Август построил так, что пробираться к нему из дворца приходилось через специальную галерею, а крестный ход водили по антресолям внутри храма.

Как и все правители того времени, Август был любвеобилен. Но известен в его жизни период, когда он почти восемь лет оставался верен одной женщине. Это-то и была Анна Козель. Говорят, они идеально подходили друг другу. Умная и энергичная

красавица весьма неплохо вела хозяйство герцогства и, наверное, видела себя герцогиней и королевой.

Любопытно, все, чем прославился Август, — а именно ему Дрезден обязан своей знаменитой коллекцией произведений искусства, зарождением мейсенского фарфора, возведением Цвингера, Оперы, великолепной набережной, прозванной «балконом Европы», — создано во времена его романа с Анной.

Об их отношениях ходили легенды. Представьте, галантный век, короли и властители поменьше заводили интрижки, все это считалось в порядке вещей. А об Августе шептались: «Представляете, он каждую ночь мчится в ее спальню!».

Анна вызывала не только восхищение, но и зависть, и откровенную ненависть.

Однажды Август отлучился в Варшаву. И польские подданные недвусмысленно намекнули: нехорошо, мол, игнорировать панночек. Королю представили некую даму... Анна, узнав, возмутилась. Она демонстративно выехала из дворца. Без малого два года длилось противостояние ревнивой любовницы и ветреного герцога-короля. В конце концов, Августу все это надоело и он просто сослал ее в Штольпен.

...В узкой башне что ни этаж, то комната. Крошечная трапезная со столом, одиноким стулом и буфетом. Кабинет с бюро и книжным стеллажом. Спальня с огромной кроватью и сковородками, покрытыми дырявыми крышками, — в них засыпали угли и ставили под кровать, чтобы немного согреть помещение...

Анна, привыкшая к дворцовой неге, роскошным туалетам и украшениям, оказалась в холодной башне почти в полном одиночестве. Лишь однажды узница увидела из своего заточения Августа, приехавшего поохотится в парке. Она окликнула его, но он не обернулся.

Анна пережила Августа. После смерти короля ей предложили вернуться в общество, но она отказалась. В итоге безвыездно она провела в замке целых 49 лет!

В памяти потомков Август остался тучным и неопрятным самодержцем. А Анна — тонкой красавицей с живыми искрящимися глазами. Просто после ареста ее мало кто видел, и запомнили ее в фаворе. По сути, своим заточением женщина отомстила изменчивому монарху.

А что же наша Анна? Спустя полгода пришло известие, что она переехала в Лейпциг. Вспомнив ее кухню, в голову пришла глупая мысль: как она собирала все эти кастрюли и миксеры? Но, как бы то ни было, она удачно устроилась. Работа и домашние заботы постепенно все наладили. Сейчас в ее жизни появился некий Томас...

Про Дитера общие знакомые рассказали другое. Нашей Анне он предпочел свою новую секретаршу, но та очень скоро его самого променяла на начальника покрупнее. Тот, чтобы не смущать воспоминаниями свою новую пассию, попросту разорвал контракт с Дитером. С работой в Дрездене не очень хорошо — это один из самых депрессивных районов современной Германии. Так и сидит Дитер вечерами в полном одиночестве перед телевизором. Пьет пиво и дуется на весь белый свет.

Собственно, обычная история. Могла бы произойти где угодно. Про далеких знакомых писать проще — меньше вероятности, что кто-то узнает в этом случае себя. Просто невольно подумалось, что королям, топ-менеджерам, да и простым смертным не всегда суждено вовремя распознать истинное счастье.

У каждого города есть свой символ. Это не герб с изображением рыцаря или креста. Символ отождествляется с тем, что дорого его жителям. В Петербурге это кораблик Адмиралтейства, в Париже — Эйфелева башня, в Лондоне — Биг Бен. А в немецком Веймаре — листик *Ginkgo biloba* — японского растения, достаточно редкого в Европе.

Когда гуляешь по старому Веймару с булыжными мостовыми, острокрышими, украшенными флюгерами башенками на зданиях и редкими прохожими, изображение *Ginkgo* встречается повсеместно: на зданиях, вывесках, сувенирах.

Поначалу даже не очень понимаешь, что это? Листочек *Ginkgo biloba* похож на бабочку, сложившую

крылышки. Или вырванный ветром из рук девушки и летящий по воздуху шелковый платок... Каким же ветром надуло японское растение в немецкую провинцию?

*Этот листик
был с Востока
В сад мой скрамный
занесен...*

Веймар — город Гете. И как только сопоставляешь имя поэта и его строки, понимаешь, почему местные жители поклоняются этому растению. Только вот отчего из тысяч строк Гете выбрали именно эти?

Как известно, поэт прожил в Веймаре почти полвека. Родился он во Франкфурте-на-Майне, учился в Лейпциге, Страсбурге, хотел осесть в Веймаре осел основательно. Тоже, между прочим, загадка — почему?

Биографы Гете утверждают, что в юности каждый переезд поэта с места на место был связан с романтическим увлечением. Однако в отличие от героя своего знаменитого романа «Страдания юного Вертера» молодой Гете страдал не от несчастной, а, напротив, любви... взаимной. И создается впечатление, что от нее-то он и бежал

всякий раз. Исчезал бесследно, срываясь неожиданно для своих друзей, возлюбленных и невест.

Последнее его бегство из Вецлара, где он уже поступил на службу, предполагают, было связано с тем, что он влюбился в невесту своего друга. И, чтобы не мешать их счастью, тайне уехал в Веймар.

А в Веймаре уже на склоне лет в 1815 году поэт снова влюбился. Но его юную Марианну родители увезли в другой город. Гете послал ей стихи и листок японского растения:

*Существо ли здесь живое
Разделилось пополам?
Иль, напротив,
сразу двое
Предстают в единстве
нам?*

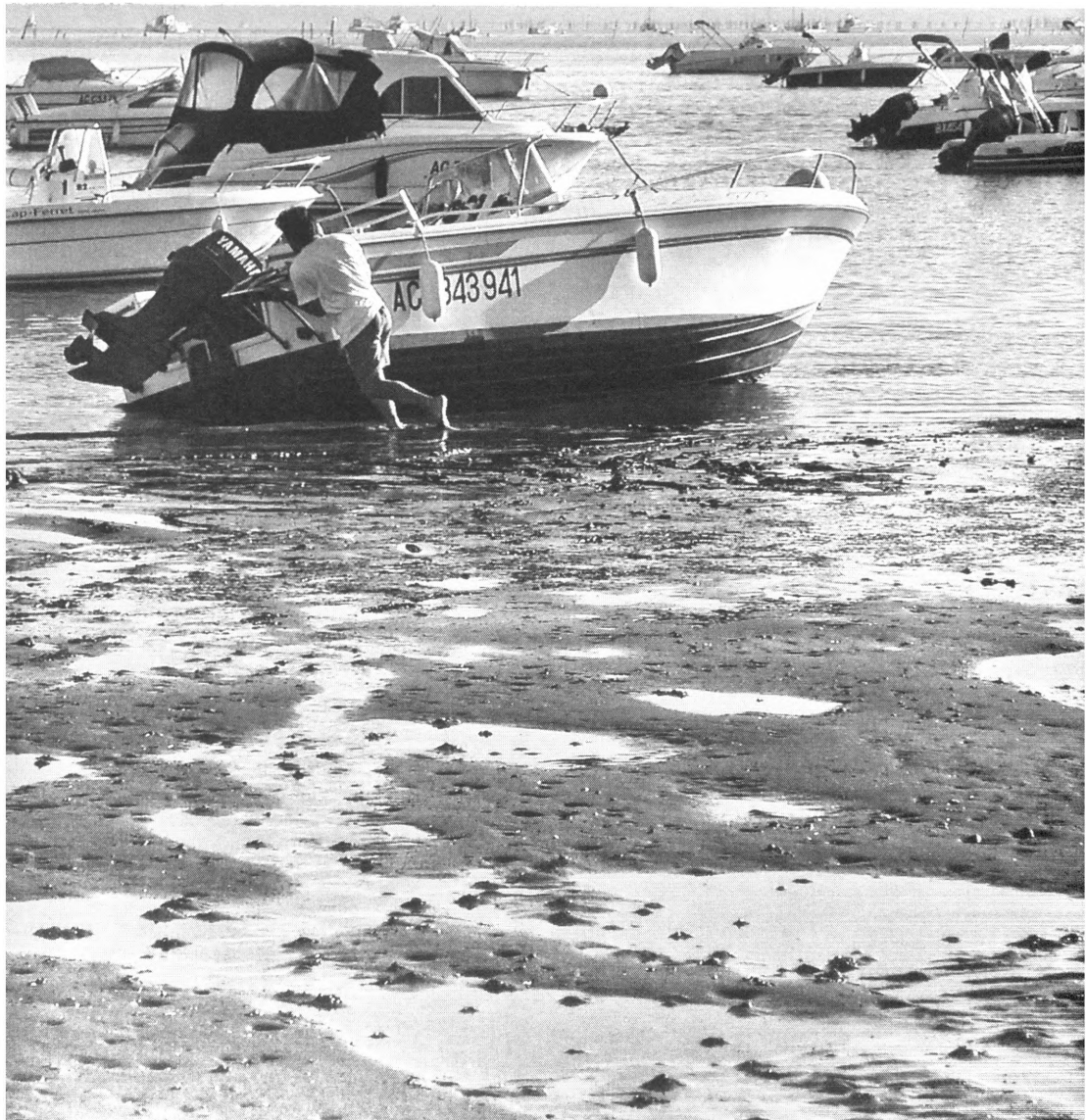
Как нас учили на лекциях диалектического материализма — единство и борьба противоположностей. Человек сгорает от любви, но какие-то комплексы мешают ему открыться, и он сдается, отступает, теряет любовь.

*Перечти мои творенья,
Сам я — двойственно
един.*

Гете больше не виделся с Марианной. Не бегите от своей любви!

Любовница герцога, узница короля

Франция

Устрицы из Аркашона

В Бордо проходили Дни российского кино. Небольшой фестиваль, организуемый мэрией французского города, различными фондами при поддержке Санкт-Петербурга, стал традиционным. Бордо и Санкт-Петербург уже больше двадцати лет являются городами-побратимами. Сеансы собирают немало любителей наших фильмов. После просмотров зрители охотно участвуют в дискуссиях и встречах.

Всю неделю, пока шел фестиваль, нам помогали волонтеры. Это и коренные жители Бордо, и наши соотечественники, волею судеб оказавшиеся во Франции, и студенты из России, обучающиеся в вузах Франции. Волонтеры занимались переводами, возили нас из кинотеатра в кинотеатр, организовывали показы и встречи. В завершение фестиваля, в воскресенье, для участников устроили выходной. Волонтеры взяли нас в Аркашон — знаменитый курорт возле Бордо.

Петербуржцев на фестивале курировали наша бывшая соотечественница Ирина и ее муж Жан-Кристоф.

Москвичей — режиссера Александра Прошкина и кинокритика Ирину Павлову — милейшая супружеская пара коренных жителей Бордо.

С нашими патронами мы договорились, что отправимся в Аркашон рано утром. Французские друзья предложили провести воскресенье, как принято в Бордо: покататься на лодке по заливу, съездить в устричное хозяйство, пообедать, сходить на пляж... Павлова категорически отказалась вставать ни свет ни заря.

Прошкин подчинился желанию дамы. Московская группа решила стартовать в полдень.

Я думал, что ранний выезд связан с автомобильными пробками. Был конец сентября, погода здесь стояла еще теплая и солнечная, и понятно, что местные жители не упускали случая провести выходные на побережье.

Трасса, к счастью, оказалась свободной. Из Бордо до Аркашона на стареньком «Рено» мы добрались за час и в начале десятого торжественно въехали в городок с белоснежными виллами, который, судя по пустынным улочкам, еще досматривал воскресные сны.

Впрочем, хозяин зафрахтованной лодки Жан-Филипп встретил нас встревоженным. «Чего вы так долго?» — пробурчал он.

Жан-Филипп был в кроссовках на босу ногу, плавательных шортах и теплой куртке-«кенгуру» с капюшоном. Но, может, так и должен выглядеть хозяин лодки?

Озабоченный вид Жан-Филиппа вскоре стал понятен. На заливе нашим глазам предстала сюрреалистическая картина. Начался отлив, океан отступил на десятки метров, а на берегу, как разбросанные игрушки, лежали на боку лодки и катера.

Для жителей побережья дыхание Атлантики не фигура речи, это реальность, под которую все подстраивают свои планы и ритм жизни. У каждого аркашонца настольная книжка — расписание отливов и приливов. Океан, надо сказать, ведет себя весьма своенравно. В один день отлив может начаться в час ночи, а спустя неделю в час дня. А в «наше» воскресенье Атлантика откатила волны в 6.16 утра.

«Попробуем вытолкать лодку», — сказал Жан-Филипп и сбросил кроссовки. Мы с Жан-Кристофом последовали за хозяином, скинув туфли и засучив брюки. Но только ступили на мокрый после отлива песок, как тут же провалились по колено в коричневую жижу. По инерции выскочили на твердую землю. Но беречься

и чего-то стыдиться уже не было никакого смысла. Мы решительно стянули брюки и поспешили на помощь аркашонцу.

Лодка оказалась катером довольно внушительных размеров. Лишнюю проблему создавало вязкое и скользкое дно залива. Мы и в воду шлепнулись не раз, и в грязи извозились, и соленой воды наглотались. Только сноровка и недюжая сила Жан-Филиппа позволили вывести лодку на чистую воду.

Настроение аркашонца заметно улучшилось, когда он завел двигатель. Он вел свой корабль, улыбаясь бьющему в лицо ветру и летящим навстречу соленым брызгам. Я заметил, что время от времени он косится на своих гостей: видят ли они, какой у них бравый капитан?!

Ирина рассказала о нашем капитане, которого они знают давно и именно с ним обычно выходят в залив. Тридцатипятилетний холостяк капитаном становится только на уик-энд. Вообще-то он — водитель-дальнобойщик. Последние годы усиленно ищет себе невесту. Но пока безрезультатно. Современные девушки, по его словам, распущенны и вульгарны. Много курят, а Жан-Филипп не переносит табачного дыма. Много пьют, а Жан-Филипп в силу своей профессии не позволяет пригубить даже в праздник. Много болтают, а Жан-Филипп прост и молчалив, современную моду не очень понимает, а гламур ему не по карману. К тому же вместо дамского жакетика можно купить мотор для новой лодки.

Все свое свободное время Жан-Филипп тратит на восстановление старых автомобилей и катеров. В Аркашон он приезжает к родителям. Его отец потомственный рыбак.

Рост феноменальной популярности Аркашона начался после строительства в этих местах железной дороги полтора века назад. До этого уникальный, но труднодоступный природный уголок населяли только рыбаки и... мародеры. Течение в океане такое, что именно в залив Аркашона чаще всего выбрасывает обломки после кораблекрушений.

С железной дорогой в Аркашоне возникли курорты, казино, здесь начали скупать земли под виллы разбогатевшие буржуа. «Бедовая» публика постепенно была вытеснена. На престижном побережье остались аристократы, нувориши и простые люди, продолжающие свой вековой промысел.

Как только Жан-Филипп вырулил в центр бухты, стало понятно, почему даже в воскресное утро улицы Аркашона пусты. Залив кишел лодками, катерами, прогулочными ботами и яхтами. Создавалось впечатление, что мы попали на рыночную площадь в базарный день. Кто-то гонял на мотобайках, кто-то рыбачил в одиночку, кто-то дрейфовал и загорал на палубе. Но большая часть корабликов шла — кто медленно-медленно, кто побойчее — к образовавшейся на время отлива отмели.

Это вполне обжитое место. В центре стояли два крепких деревянных дома на сваях. По отмели толпами шнырял народ в сапогах с сачками и ведрами в руках. Собственно, нехитрый инвентарь в этих домах и выдавали. Для чего?

«Горожане крабов ловят, — пояснила Ирина. — За полчаса можно набрать на ужин».

Нам тоже вручили ведро и сачок. И мы тоже отправились по хлюпающему песку в заросли. В ловле крабов нужны опыт и сноровка. Как не всякий грибник заметит боровик, так не всякий охотник возвращается с полным ведром добычи. Крабы, как настоящие партизаны, прячутся в зарослях водорослей. Буро-зеленая окраска, словно камуфляж, скрывает их от двуногих разбойников. У обладателей мощных клешней одна задача — дожить до прилива! Поэтому они ведут себя тише воды и становятся весьма агрессивны, если их кто-то старается подцепить. Наш улов оказался весьма скромен. Зато у Ирины и Жан-Кристофа вполне достаточный для запланированного «типичного» местного обеда.

Впрочем, не крабы и рыба главная ценность аркашонской бухты. Сошедшая вода обнажила плантации устриц. Они, словно грядки в огороде заняли огромные пространства по обе стороны

фарватера залива. Для устриц устраивают садки из проволочной сетки, за которые цепляются моллюски и обживают.

Устрицы растут, перерабатывая для своего питания тонны морской воды. Эти живые существа, словно фильтры, накапливают в себе не только полезное... Полакомишься деликатесами из какого-нибудь нехорошего места и можешь серьезно отравиться. Устрицы из Аркашона вне подозрений. Вода в бухте — кристальной чистоты. Поэтому здешние дары моря славятся как лучшие. Каждая десятая съеденная во Франции устрица — из Аркашона.

Ловцы устриц облюбовали небольшую деревню возле Аркашона. Вдоль обмелевшей на время отлива речушки выстроились деревянные сарайчики владельцев плантаций — кабаны. С одним из них, Филиппом, Ирина и Жан-Кристоф давно дружат.

Филипп тоже уроженец Аркашона и тоже выходец из рыбацкой семьи. Но никто из его братьев и сестер не остался в курортном городе. Только Филипп после трех лет работы подмастерьем у владельца кабаны решил открыть свой бизнес.

Обычно выращиванием устриц занимаются всей семьей — так значительно легче следить за плантациями. А пригляд за моллюсками нужен каждый день. Летом устрицы размножаются. Они выстреливают миллионы икринок. Только малая часть из них выживет, но у нерадивого хозяина все новое поколение может унести в садки соседей. Свои границы устричные короли обозначают вбитыми в дно длинными шестами. Весь залив Аркашона утыкан такими вешками, как иголками.

Устрицы активнее всего растут весной и осенью. В это время нужно ежедневно по пояс в холодной воде сортировать садки. Устрицы набирают «товарный вид» от 8 месяцев до 4 лет. Взрослых моллюсков нужно отбирать, иначе они затормозят рост более мелких сородичей. И зимой в холодной воде найдется работа.

Собранный «урожай» хозяева кабан отвозят на катерках к себе в хижину, где в бассейнах с проточной водой доращивают и промывают.

«Нет страсти, нет устриц», — бросил фразу Филипп.

Выращиванием устриц во Франции может заняться любой. Ежегодно власти выставляют на конкурс участки для аренды размером примерно 10 на 10 метров. Оформляют договор на 35 лет, фактически на всю трудовую жизнь. Стоимость годовой аренды составляет 150–200 евро.

Правда, не все они равноценны. Чтобы получить хороший участок, нужно дружить с чиновниками, добиться «особого к себе расположения». В общем, как везде в мире...

У Филиппа 91 участок, он добывает несколько тонн моллюсков в год. Разбогател ли обитатель шикарного курорта?

Цена полдюжины достигает в ресторане 15–16 евро. Правда, парижские цены и прайсы больших городов очень далеки от тех, что предлагают кабаны. Тут дюжина стоит от 1,5 до 3 евро. Немудрено, что в выходные в кабанах настоящее нашествие. В деревне среди ветхих домиков можно увидеть и «Ролс-ройсы», и поддержанные авто времен, когда наши бабушки ходили в невестах. Владельцы не только продают моллюсков. Тут же под тентами горожане устраиваются на пикники — под винцо на свежем морском воздухе поедаются сотни моллюсков.

Правда, с ростом популярности устриц власти ужесточают контроль за производителями. Деликатес действительно весьма опасен. В пищу можно употреблять только живых моллюсков. Существует правило: если что-то вызывает сомнение, лучше дары моря не есть.

Сейчас, сказал Филипп, на все нужна лицензия. Устраиваешь дегустации — получай разрешение. Торгуешь в кабане — опять собирай бумажки. «Какая-то хитрая чиновничья технология. Справки важнее, чем совесть и доброе имя», — пожаловался Филипп.

У владельца кабаны нет сил и времени бегать за справками. Поэтому Филипп сдался: отказался от импровизированного ресторана, не продает моллюсков в розницу. Весь «урожай» своих

плантаций отдает оптовикам по бросовым ценам. А если уж продает заезжим горожанам — только «своим» и в глубокой тайне. Мы купили у Филиппа за 20 евро штук 40 отборных моллюсков. Гостеприимный хозяин подарил нам две бутылки сухого «Алиготе» и нож для раскрытия раковин — короткий, как ноготь, но чрезвычайно прочный.

Предполагалось, что поедание деликатесов произойдет дома у Ирины и Жан-Кристофа. Дегустация устриц у Филиппа разожгла аппетит. Погода стояла прекрасная, и мы решили отправиться не в ресторан, а куда-нибудь в лес и устроить пикник поближе к еще одной гордости Аркашона — дюне Пила.

Тот, кто бывал на побережье нашей холодной Балтики, представляет себе дюны — песчаные холмики мелкого золотистого песка. Дюна Пила — крупнейшая в Европе. Это песчаная гора высотой 130 метров, шириной полкилометра, а длиной около трех километров. Миллионы лет океан трудился над созданием природного феномена.

Крабы остались шевелить клешнями в багажнике «Рено», а устрицы, не требующие приготовления, в авоськах были доставлены на полянку под сень сосен.

Сколько можно съесть устриц? Они, как семечки, пахнущие морской свежестью, солоноватые и прохладные, идут одна за другой, и невольно сбиваешься со счета. Потом уже, оглядывая гору пустых раковин, я с уважением и некоторым сочувствием посмотрел на Жан-Кристофа. Именно он раскрыл всех этих моллюсков, которые, конечно же, совершенно не планировали быть съеденными в это солнечное воскресенье и отчаянно сопротивлялись, сжимая свои ороговевшие створки.

Как я уже отметил, наши новые знакомые Ирина и Жан-Кристоф волонтеры. Ирина пристрастила Жан-Кристофа к российской культуре, и они охотно участвуют в помощи по организации любых мероприятий, проходящих в регионе под флагом нашей страны.

Ирина и Жан-Кристоф вместе уже несколько лет. Познакомились после развода Ирины с прежним мужем-французом. У обоих уже практически взрослые дети.

Год назад Жан-Кристоф потерял работу. Он был топ-менеджером крупной компании. По сложившимся во многих международных фирмах правилам, через определенный срок происходит ротация менеджеров, их перебрасывают в другие регионы. Жан-Кристоф отказался уезжать из Бордо, чтобы быть ближе к сыну, с которым после развода может видаться только в выходные.

И пока Жан-Кристоф определяется со своим будущим, Ирина пошла на биржу труда искать вакансии.

Конечно, в Бордо, как в любом современном городе, можно встретить представителей разных профессий — продавцов, водителей трамваев, юристов, офис-менеджеров. Но найти хорошую квалифицированную работу непросто, тем более в кризис. Единственное, где всегда требуются руки, — это знаменитые виноградники Бордо. Ирина устроилась разнорабочей в одном из винных шато Медока.

Сначала о своем месте работы Ирина говорить стеснялась, но потом, видимо, преодолев внутренний барьер, все больше и больше начала рассказывать о Медоке, его замках, традициях выращивания винограда. Хорошее образование, богатый интеллектуальный багаж, а главное — неутомимая энергия еще дадут ей немало шансов подняться по социальной лестнице. Сейчас она усиленно посещает курсы сомелье, изучает экономику. Главное, у Ирины и Жан-Кристофа жизненные катаклизмы не вызвали депрессии и они смотрят в будущее с оптимизмом.

Нас с Ириной и Жан-Кристофом познакомило и подружило кино. Вообще язык искусства универсален, он понятен в любой стране. Не имеют национальности и проблемы, волнующие людей, живущих в разных странах. Каждому хочется стабильности, мира и достатка. Экзотикой остаются лишь местные раритеты, такие

как отливы и приливы, устрицы, дюны-гиганты, шато. Но это всего лишь фон. Главными действующими лицами остаются люди.

...С московской группой мы увиделись только вечером. Павлова находилась в прекрасном расположении духа. Прошкин был мрачен. Мы в красках рассказали о наших приключениях. Прошкин, рыбак и охотник, оживился: «Говорите, лодку толкали? С корзинкой за крабами ходили...».

Павлова связвила: «Ну вот, грязь месили! А мы, как белые люди, погуляли по пляжу, поели устриц на набережной...».

Тут Прошкин не выдержал: «Грязь... Месить... Что за глупости! Это же и есть самое то! А мы что? Два часа в пробках простояли, чтобы полчаса посидеть в пафосном ресторане и потом еще два часа в пробках простоять? Будто из Москвы не выезжали».

Павлова осеклась. «Да, умеете вы, питерские, устроиться», — процедила она.

Кстати, об универсальности языков. Интересно, а вы давно использовали в своем письме знак «;»? Создаем ли мы роман, набираем ли SMS, о точке с запятой вспоминаем нечасто. Зато, когда нужно извлекать инструкцию или какой-нибудь официальный документ, она незаменима. Это у нас.

У французов — дело другое; для них точка с запятой почти святыня. Это любимый знак Гюго и Пруста, которые нередко соединяли в одно целое несколько сложноподчиненных предложений. Собственно, для писателей SMS все это объяснить достаточно сложно; а любители литературы ценность скромного знака «;» понимают, чувствуют всеми фибрами своей души.

И вот однажды во Франции разразился скандал. Оказывается, из языка выживают точку с запятой! Может, интеллигенция с этим бы и смирилась — Гюго и Пруст у нее уже есть; филологи же обнаружили, что процесс происходит под влиянием английского языка, основанного на более коротких и хлестких фразах. Тут уж в защиту точки с запятой включились все от мала до велика, от рабочих до тинейджеров.

У французов с англичанами свои счеты.

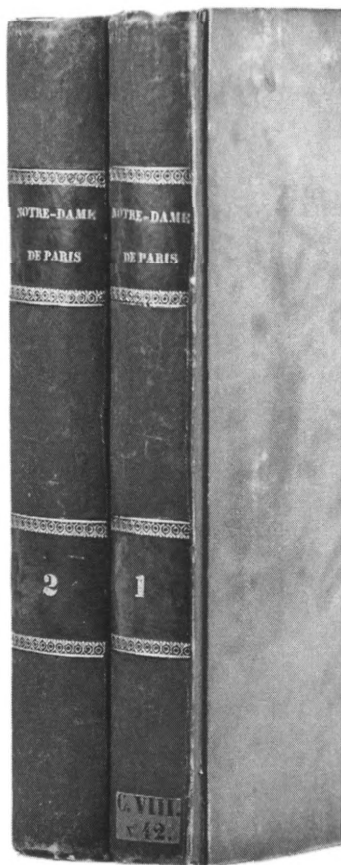
Самое забавное, что такой энтузиазм нации спровоцировала первоапрельская шутка на одном из сайтов; проворные журналисты сочинили байку, мол, тогдашний президент Франции создал специальную комиссию по защите точки с запятой и обязал чиновников во всех официальных бумагах употреблять ее не меньше трех раз.

Приняв шутку за чистую монету, французы с тех пор стали требовать от госмужей свято соблюдать придуманную норму. Если в какой-то казенной бумаге не находилось трех обозначенных знаков, люди начинали воспринимать ее как отписку, липовый документ, необязательное к исполнению решение. Французы не мы, они умеют отстаивать свои права. Чуть что не по ним, проводят демонстрации, а то и витрины могут начать бить... Озадаченные чиновники испугались и вынуждены были подчиниться воле народа. Теперь, глядишь, в клавиатуру мобилников забьют «;», как у нас в свое время появилась случайно «забытая» буква ё.

«Мне стало как-то ужасно грустно в это мгновение;

однако что-то похожее на смех зашевелилось в душе моей» — это цитата из Ф. М. Достоевского.

Нам бы так отстаивать свою национальную самобытность. Но, может, пример французов нас чему-нибудь научит?

Россия

Улица Тундра

В паспорте Юли Сэротэтто так и записано: место жительства — Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямальский район, поселок Панаевский, улица Тундра.

Вот именно — «улица». Юля просила, чтобы поставили хотя бы уточнение — «4-я бригада». Но паспортистка сказала, что это ничего не объясняет, а только запутывает. Правильнее было бы просто обозначить «тундра», и все. Но казенная печать о прописке разделена на графы. Так что если уж куда и записывать, так в графу «улица».

А конца и края этой «улице» нет. В течение года ненцы проходят тысячи километров, гоняя своих оленей. Зимой они идут на юг, ближе к низовью Оби, где теперь расположились основные поселки Заполярья. Летом, когда мох становится похож на губку и тундра превращается в сплошное болото, кишашее мошкой, аборигены правят стада к берегам Карского моря. На Ямале зарегистрировано крупнейшее поголовье в мире — более полумиллиона оленей. Чтобы прокормиться, нужно двигаться очень быстро. Стойбища останавливаются на одном месте на 2–3 дня. И снова в путь.

Вот и Юля собралась в дорогу. Правда, если ее бригада движется в одном направлении, ей нужно совсем в другую сторону. Юля учится в ветеринарном училище в Салехарде. Вообще-то занятия, как положено, начались 1 сентября. Но тогда вертолеты собирали детишек в школы. У ненцев семьи большие, но зимой в стойбищах остаются только самые маленькие, остальные живут

в интернатах. Юля и сама закончила один из таких в Панаевском. Сейчас об этом времени вспоминает с улыбкой.

Когда прилетел первый вертолет, ребяташки, не желая покидать дом, убежали в тундру. Они думали, вертолет заберет тех, кто постарше, и исчезнет навсегда, а они останутся с мамкой. Навивные! Ну разве в тундре спрячешься? Тут грибы вырастают выше деревьев. Отец вмиг найдет, да еще и отшлепает!

Впрочем, не привязанность к чуму или материнской ласке удерживала малышей. У каждого ненца с детства есть свой ручной олень — авка. Когда они маленькие, их даже в чум берут. Авки и есть главный эпицентр заботы и внимания каждого ненецкого мальчишки и девчонки.

В школе собираются сотни ребят из разных стойбищ с шестилетнего возраста. Первый год уходит на адаптацию, учебу русского и азов грамотности. А потом обычное среднее образование. И жизнь, конечно. Блага цивилизации — горячая вода, телевидение, книги... Но для ненцев город не так притягателен, как свободные просторы. После чума в домах спать тяжело: жарко и сухо от центрального отопления. Ребята открывают на ночь окна, воспитатели ругаются. Всюду же южные растения. Не было еще года, чтобы какую-нибудь пальму или фикус не заморозили.

Все первые дни сентября вертолеты занимались только школьниками. Так Юля и опоздала к началу учебного года. Но тут отец пришел и сказал, что нужно собираться. По рации он узнал, что в соседнюю, третью, бригаду прилетает вертолет. Юля собрала городскую одежду и полезла в бабушкину шкатулку.

У ненцев вещей немного: кочевая жизнь требует избавляться от лишнего. Единственное, что цивилизация внесла в многовековой уклад их жизни за последние годы, это радио, рация и буржуйка. Семейных реликвий тоже немного, и они передаются из поколения в поколение.

В бабушкиной шкатулке Юля хранит самое ценное: уже упомянутый паспорт, золотые сережки и красную губную помаду.

В тундре все эти вещи ни к чему. Но в городе-то разве без губной помады на улицу выйдешь!

Еще Юля достала сделанный в подарок преподавательнице пояс. Летом, когда солнце почти не заходит, она вышила традиционный ненецкий орнамент. Он повторяется десять раз, значит, десять вечеров потрачено на работу.

Отец запряг оленей, и они помчались. Бригады располагаются друг от друга километрах в сорока, чтобы стада не мешали друг другу пастись и не смешивались. Сейчас в Заполярье уже снег. Но тогда, в середине сентября, тундра еще была полна красок. Если смотреть с вертолета, такое ощущение, что перед тобой плотно импрессиониста. Седой ягель, бурый и белый песок, темно-красная шишма. Десятки рек, сотни озер — то стальных, то голубых, то подернутых зеленью... Нередко можно увидеть и следы от какой-нибудь тяжелой техники. Вездеход или грузовик, промчавшийся по тундре, оставляет черную колею, которая, как незаживающая рана, еще долго будет напоминать о себе.

Но пока цивилизации не удастся переломить тысячелетний уклад ненцев. Вот, например, чум — исконный дом всех северных народов. Он прост, но он — само совершенство. Ученые считают, что чуму не меньше двух тысяч лет! И все эти тысячелетия он строится по одним и тем же законам: связывают три жерди, устанвливают их как распорку, вокруг них ставят другие — всего ровно 40. А уже на жерди кладут зимой шкуры, летом брезент.

Чум всегда ставят женщины. На его строительство уходит обычно чуть больше получаса. А уже когда дом готов, разводится огонь, готовится обед.

Жерди для чума — большая ценность. Их покупают специально — в тундре деревьев нет. И десятилетиями возят с собой со стоянки на стоянку. Зимние жерди — толще и тяжелее. Раньше их оставляли на лето — ведь переходы каждой бригады, хоть и накручивают тысячи километров, обычно движутся веками по кругу. Сейчас оставлять в тундре ничего не рискуют. Если, скажем,

на жерди наткнутся белые люди, заберут на дрова. Понятно, не со зла. Но куда деваться в разгар зимы без чума? Без чума среди снега и льда — смерть.

Белые люди часто непроизвольно приносят с собой зло. Как-то летом приехала в стойбище женщина-ученая. Ненки ей все объяснили, куда ходить, как сделать так, чтобы чувствовать себя хорошо и комфортно. Но об одном забыли. Однажды утром глядь, а она уже, намылив голову, склонилась смывать шампунь в озере! На силу успели оттащить. Отвели ее за чум, ведра натаскали, кое-как смыли. Она потом извинялась, что не подумала, что эту воду пьют и так далее.

Но ладно шампунь, а если какой-нибудь водитель запустит в озеро ведро из-под солярки? Равновесие в тундре нарушается мгновенно. И пускай Ямал по территории сколько-то там Франций, если не относиться бережно к тундре, она очень скоро превратится в зловонное гниущее болото.

По снегу-то на нартах мчатся одно удовольствие! По мху полозья скользят быстро, но сам ты подскакиваешь на каждой кочке. И тут хоть тысячу перин под себя подложи, все одно будешь чувствовать себя принцессой на горошине. О себе напомним то острый шов, то складка одежды из оленьих шкур.

Свою одежду ненцы изготавливают сами. И мода ее не изменила за прошедшие тысячи лет. Говорят, оленьи шкуры моль не берет и мошку они отгоняют. Свои традиционные наряды ненцы одевают прямо на голое тело. Если натянуть белье или, скажем, спортивный костюм, ткань быстро намокнет от пота. И тогда все — человек замерзнет. А так ты греешься от собственного тепла, которое удерживает мех.

Отец привез Юлю к соседям и тут же уехал. Девушка остановилась в семье Климовых. У Владислава Григорьевича и его жены Прасковьи трое детей. Двое в школе, третий — 2-летний Кирилл пока все больше у мамки на руках.

Третья бригада больше Юлиной четвертой — тут шесть тысяч голов. В основном бурые олени. В Юлиной, напротив, олени в основном белые. Кстати, и Юлина фамилия Сэротэтто в переводе означает «Имеющий белых оленей».

Северный олень — существо нежное и хрупкое. По росту он едва достигает груди. Это удивительное ощущение — войти в загон, куда собирают оленей на ночь. Его делают из собранных во время летних походов к морю рыбацких сетей, выброшенных на берег штормом. Эту хрупкую изгородь сломать ничего не стоит, но олени никогда не пойдут на ее штурм.

А еще сказочное ощущение, когда утром их выпускают на пастбище. На тебя несется лавина, кажется, еще немного, и она сомнет тебя, раздавит. Но в последний момент этот поток расстучается и обтекает тебя, как будто ты утес...

Когда прилетит вертолет, никто толком не знал. Он может и вовсе не появиться. Мало ли — непогода или планы изменились. В нем может, наконец, не оказаться места. И тогда Юле придется зимовать в чужой бригаде. Дело каждому найдется. И не в традициях ненцев отказывать в гостеприимстве. Тут всегда все делят по ровну. И оленей, и чай, и сухари, привезенные с «большой земли».

В ненецкой семье все расписано почти по минутам. Но самое сладкое время — это вечер, когда готовится на огне горячий ужин. Оленина и рыба, выловленная в реках и озерах, — главная пища аборигенов. Витаминов мало. Недостаток гемоглобина восполняет свежая оленья кровь. Каждая бригада в год забивает в среднем 400 голов. Большая часть сдается на мясокомбинаты. Северный ямальский олень очень ценится во всем мире. Ведь в отличие от, скажем, скандинавского, вскормленного на комбикормах в неволе, ямальский пасется в естественных экологически чистых условиях.

В оленеводческих бригадах хозрасчет. Даже жены получают зарплату за то, что они жены, и оформлены как чумработницы. Квартир в заполярных поселках оленеводы, как правило, не имеют. Но при выходе на пенсию им жилплощадь предоставляют.

Например, в том же Панаевском или районном центре Яр-Сале. Раз в два года жителям тундры положен отпуск — на полгода. Каждый его проводит, как хочет. Но на «большую землю» мало кто улетает — очень дорого. Так что о такой экзотике, как большие города, теплые страны, ненцы знают только из радиопередач да еще из газет, которые, правда, в тундру попадают редко и по большей части случайно.

А радио и рация — самые ценные вещи в каждом чуме. Дальше по приоритету идут чашки. В отличие от чайников они постоянно при переездах бьются. Поэтому в семьях довольно пестрые сервизы, а каждая чашка перед следующим переходом тщательно заворачивается в тряпки или бумагу.

К счастью, вертолет прилетел ровно в срок. И место для Юли нашлось. Климов зарезал оленя, и свежее мясо упаковали в мешки.

Через несколько лет Юля, дипломированный ветеринар, снова встанет перед выбором. Куда дальше? Сегодня она убеждена, что вернется в тундру. Потому что для нее нет места на земле красивее, роднее и уютнее.

Ненцы — самый многочисленный северный народ на Земле. И хотя их всего несколько десятков тысяч человек, именно они хранят то, что можно назвать достоянием всего человечества, — культуру взаимоотношения природы и человека, набравшегося мужества жить в экстремальных условиях. За тысячи лет этот народ достиг совершенной гармонии, он, по сути, стал частью тундры.

Мы можем гордиться, что большая часть ненецкого народа живет в России. В отличие от Америки, где коренные жители попросту были смяты и уничтожены, в отличие от Африки, где большинство аборигенов пережили период колониального рабства, в России две цивилизации — древняя северных народов и современная белая — сосуществовали рядом, помогая и взаимно дополняя друг друга. Как подчеркивает главный редактор ненецкой газеты «Ньяръяна Нгэрм» Хабэча Чываревич Яунгад, ненцы

не только всегда относились лояльно к России, они всегда были стражами ее северных рубежей, хранителями Русского Севера, спасателями, дававшими еду и кров потерпевшим кораблекрушение морякам и участникам полярных экспедиций.

И сегодня, когда Север оказался богат не только бескрайними просторами, но и полезными ископаемыми, мы снова стоим перед красной чертой, разделяющей интересы двух цивилизаций. И нам постоянно нужно серьезно думать о том, как, вступая на земли исконного обитания северных народов, не навредить им. Чтобы у Юли, ее младших братьев и сестер сохранилось желание возвращаться. И главное, чтобы им было куда возвращаться. На эту бескрайнюю «улицу» Тундра.

Когда я впервые попал на Ямал, ожидал встретить бараки, разбитые дороги и не очень трезвых мужиков. А увидел современные города и энергичных людей. Дороги, правда, есть не везде — все-таки вокруг тундра.

Но все можно построить. У реки Шайтанки в центре Салехарда возводился огромный концертный комплекс, по размерам сопоставимый с Ледовым дворцом в Санкт-Петербурге. Поинтересовался: «Когда сдача объекта?». «Через месяц», — ответили ямальцы. «Вы уверены?» — переспрашиваю, глядя на строительные леса и отсутствие одной из стен. «Конечно, — кивают головами местные. — Его уже два месяца строят». Комплекс собирались открыть к какому-то очередному международному конгрессу, которых на Ямале проходит немало. И открыли. Еще одной современной достопримечательностью в столице на Крайнем Севере стало больше.

Салехард свою историю ведет от самого северного в Сибири Обдорского острога, возведенного казаками еще в 1595 году. Деревянная крепость восстановлена по старым

чертежам и гордо возвышается на утесе над Обью.

Город находится на Северном Полярном круге. По природным условиям не то что цветы — деревья здесь редкость. А ведь растут! Город на зависть зеленый. Оказывается, ежегодно сюда привозят 10 000 саженцев. Конечно, зиму выносят не все. Но те, что приживаются, потом никаких морозов не боятся.

Чистоту Салехарда можно понять — столица все же. Но Яр-Сале — село в Заполярье, а чисто, как в президентской резиденции! «А вы думаете, всегда так было? — говорят местные власти. — Годами приучали, но в итоге добились своего».

В Новом Уренгое утверждают, что серьезные перемены произошли в последние годы. И отчасти помог дефолт 1998 года. Раньше северяне мечтали отработать свое и переметнуться на «большую землю». Но кризис «свел» все их накопления, и люди поняли, что нужно жить не будущим, а здесь и сейчас.

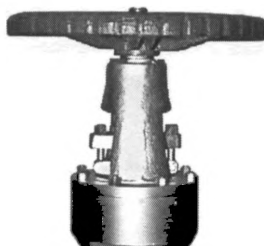
Например, тот же Яр-Сале стоит посреди тундры. На вертолете до него — час лета.

Плыть по Оби — не меньше суток. Других дорог нет. Когда зимой река встает, а из-за пурги не подняться в воздух, надеяться остается только на себя.

На Ямале люди живут, как в космосе: не сделаешь сам — погибнешь. Вот в чем секрет и энергии, и силы. Тут действуют, понимая, что в пустопорожних разговорах можно погубить любую идею.

Как ни банально звучит, дорогу осилит идущий. Кстати, территория Ямало-Ненецкого автономного округа — 769 тыс. кв. км (Франция — 547 тыс. кв. км, Испания — 505 тыс. кв. км, Германия — 357 тыс. кв. км, Италия — 301 тыс. кв. км, Великобритания — 244 тыс. кв. км). Население — 550 тыс. чел.

Достопримечательности — 70% мировых запасов газа.

3

традиции у них такие...

Финляндия · Сауна на архипелаге	203
Турция · Хамам на дачу	211
США · Дым Отечества	217
Швеция · Вверх по тесной Мартен Тротцигс гренд	223
Монако · Проиграть казино	231
Лихтенштейн · Княжеский огород	241
Япония · Рыбный день в Токио	251
Германия · Принц-лебедь	259
Испания · Шаверма имени Хемингуэя	269
Греция · Такси Линдоса	279

Финляндия

Сауна на архипелаге

Я смело шагнул в пещеру. За мной тяжело закрылась дверь, и все вокруг погрузилось в темноту. Пошел наугад и чуть не столкнулся с абсолютно голым финном. «Осторожно!» — недовольно сказал он по-английски и скрылся, громко шлепая в темноте своими босыми ногами.

Худо-бедно я был облачен в плавки, поверх которых повязал полотенце. На ногах — резиновые тапки. На фоне неизвестного мне финна я выглядел, как адмирал Кук рядом с туземцами Океании. Почему-то подумал: сожрут — не сожрут.

Рука нащупала поручень. По нему было легче двигаться вверх. Поднявшись по лестнице, плюхнулся на лавочку. И тут же вскочил: горячая! Постепенно и глаза привыкали к темноте. Я был в огромной пещере, где на лавках на разном уровне, словно курицы на насесте, сидели люди. Даже странно, почему я сразу их не увидел? Их десятки! И они отчетливо блестели в темноте. Финны — своими обнаженными телам. Наши — белыми полотенцами.

К слову сказать, в возникшей неловкости была отчасти и наша вина. Мы приехали на час раньше назначенного времени, когда еще не закончился сеанс местной группы. Мы поступили чисто по-русски. Чего там ждать — всем места хватит! Но мы не учли, что дело происходит в финской сауне. Аборигены нас не ждали, парились как умели, как привыкли...

Впрочем, вот что значит мирный народ! Наше возникновение в темноте их нисколько не возмутило и даже не расстроило.

Напротив, молодежь даже обрадовалась появлению новых девчонок. А финские женщины начали проявлять неожиданное дружелюбие к нашим мужичкам.

Теперь нужно все объяснить. В сауну мы попали необычную. Уникальную. Она расположена на архипелаге на западе Финляндии. Возле Турку — старой финской столицы — острова расположились так плотно друг к другу, что кажется, будто ты плывешь не по заливу, а по реке, разбившейся в устье на многочисленные рукава.

Тут то целая деревня притулилась к берегу, то отдельный дом. Очаровательные островки, словно кочки, торчали из воды. Присмотришься, а в центре в кроне деревьев прячется чей-то домик. Прелестно: вот так живет себе человек Робинзоном, может, рыбу ловит, может, сочиняет стихи. И только лодка связывает его с XXI веком...

«Думаю, у него и Интернет, и спутниковое телевидение есть», — прерывает коллега мои размышления об идиллии одиночества. Что верно, то верно: в Финляндии в самой затрапезной глуши неожиданно обнаруживаешь следы цивилизации и бережного отношения к своей природе. Например, на любой, даже самой дальней, дороге обязательно через определенное расстояние можно обнаружить зеленую стоянку со столом, лавкой, мусорным бачком и чистым туалетом. Ну а если где-то кто-то нарушает закон, через минуту примчится полиция и наведет порядок.

Впрочем, судя по всему, местный народ не прочь отказаться на время от привычных благ цивилизации и вернуться в глубину веков. На архипелаге под Турку есть такие места, где можно забыть о времени. Нам пообещали «типично финский курорт» и повезли на остров Херранкуккаро.

Доставили на катере. Все острова архипелага давно соединили мосты. К любой точке можно доехать на автомобиле по хорошей дороге. Но к романтическим настроениям больше подходит старый пароходик.

Курорт напоминает наши садоводства времен пионеров освоения шести соток. Тут свои правила.

Отключаться от внешнего мира, так по-настоящему. В выстроенной деревеньке нет телевидения, радио, Интернета. В определенный час отключают электричество. Для полуночников приготовлены керосиновые лампы. В крошечных домиках обитатели живут буквально вповалку. Кровати расположены в три, четыре, пять уровней. В комнате размером с кухню в «хрущевке» могут размещаться по восемь человек!

Правда, есть и места уединения. Для молодоженов — коттедж в деревенском стиле с кружевными занавесочками на окнах и медвежатами на кровати.

Для жаждущих обновления чувств — домик-скворечник. Действительно чем-то напоминает скворечник: карабкаешься на дерево, через узкий лаз попадаешь в комнату с крошечным окном. Внутри нет ничего, кроме матраса и маленького электрообогревателя. Но это эксклюзивное место для ночлега наиболее востребовано туристами.

Впрочем, даже в самобичевании финны не готовы идти до конца. Какие бы условия проживания ни были, в каждом коттедже вы найдете душ и теплый клозет. Но это бы ладно. На каждой кровати — специальное «меню»: из чего сделан матрас, чем набиты подушки! Если вам по каким-то причинам не подходят пух-перо, можно попросить «думку» из гречки.

Ну и какой же житель Суоми без сауны! Я видел разные бани. Едва греющие — в маленьких гостиницах. И настоящие сухие — в огромных международных отелях. В них попадаешь, и скоро охватывает ощущение, будто тебя пытаются каленым железом, так парциплет за локти, колени, лицо и живот.

В деревнях особый шик — сауны по-черному. Возле Коуволы — на Востоке Финляндии — есть сауна, которую любил президент Кекконен. Рассказывают, вроде даже привозил сюда нашего Брежнева. В эту баню без тренировки разве что войти и выйти:

уже через секунду с тебя пот сходит ручьем, заливая глаза. Выскакиваешь наружу и в любую стужу готов нырять в прорубь.

Сауну на Херранкуккаро тоже топят по-черному, но, поскольку она разместилась в пещере, в ней достаточно пространства и кислорода. Поэтому находиться в ней комфортно. Владельцы комплекса утверждают, что это самая большая сауна в мире. Чтобы ее протопить, нужно какое-то сумасшедшее количество дров и не менее 12 часов. Тепло от ее печей отводят к специальным бочкам с водой, куда очень приятно погрузиться после сиделок в горячей пещере.

Финны настолько почитают сауну, что, когда в 2011 году Турку был объявлен культурной столицей Европы, по всему городу устроили инсталляции в виде различных вариантов парилок. Некоторые образцы, что называется, «искусство ради искусства». Например, сауна из бумаги. Или сауна со стеклянными стенами, чем-то напоминающая автобусную остановку.

Почетный титул стать культурной столицей Европы Турку завоевал в упорной борьбе с другими претендентами. И, как подчеркивают в мэрии, решающей при подведении итогов стала рекомендация города-побратима Санкт-Петербурга. Готовясь к событию, придумывая программу Года, власти Турку организовали конкурс идей и рассмотрели более 500 проектов. Из них выбрали 35 самых-самых, связывающих прошлое и настоящее, молодых и пожилых, рабочих и интеллектуалов.

— Главное, что наша культурная программа началась еще задолго до 2011 года и продолжается до сих пор, по крайней мере она подробно расписана до 2016-го, — рассказала директор программ фонда «Турку — культурная столица Европы» Сиви Инниля. — Статус культурной столицы позволил раскрыть то, что уже давно есть в нашем городе.

Старт Года Европы был дан 15 января 2011 года на набережной реки Ауры, протекающей через весь город. Ровно в 20.11 погасло обычное освещение и зажгли тысячи свечей и фонариков.

В этом полумраке началась «симфония города». Но звучала не музыка, а шумы улиц, торговых рядов, предприятий. Эти звуки потекли от островов архипелага в Ботническом заливе, зацепились за стапели верфи, а дальше по реке поднялись к старинному кафедральному собору. И тут Аура вспыхнула ярким освещением фейерверков. На льду начались выступления артистов. Красивым символом стало открытие нового маяка, озаряющего своими лучами морские границы Турку.

«Турку в огне» — так окрестили Год культуры, вложив в этот слоган и память о прошлом, и всю энергию, которой обладает город сегодня.

Все проекты организаторы разбили на несколько направлений. Безусловно, не забыто богатое наследие. Турку основан в 1229 году. Этот город занимает особое место в истории страны. За прошедшие века он пережил и борьбу за власть шведских королей, когда брат шел войной на брата. И нашествие датских пиратов, четыре дня грабивших в 1509 году дома и церкви. И грандиозный пожар 1827 года, выжегший 90 процентов зданий. И бомбардировки 1941-го, серьезно разрушившие исторический центр. Память о прошлом стимулирует возрождение. Благодаря Году культуры в Турку отреставрированы сотни старинных домов.

Приезжий сразу обращает внимание на то, как бережно относятся в Турку к деревянной архитектуре. Или к старым кораблям. На них уже не ловят рыбу, и для массовых перевозок они не нужны — острова архипелага теперь связали десятки мостов. Но суденышки не отправили на металлолом. Сейчас в них музеи и ресторанчики. И мало кто избежит соблазна не побывать на них.

Даже верфь, крупнейшая в Финляндии и строящая самые большие в мире круизные суда, вписалась в культурные программы. Вообще все большое вдохновляет художников. На стапелях организуют выставки, концерты, проводят спектакли.

Турку не первый и не последний город, ставший культурной столицей Европы. За двадцать лет этот почетный статус

присваивался трем десяткам городов континента, и каждому это давало дополнительный толчок для развития. И даже немного жалко, что программа «Культурные столицы Европы» с 2010 года не включает больше города, не входящие в ЕС.

Безусловно, статус культурной столицы привлек внимание и к курортам вокруг Турку, которые раньше были известны в основном только финнам. Эти «базы отдыха», как и сам Турку, имеют весьма древнюю историю. К островам, чтобы пополнить запасы воды и продуктов, причаливали моряки еще в XV веке. В сам Турку, который тогда назывался Або, заходить не всем было с руки — нужно было платить дань. Причем за этим следили строго, чуть что, могли и обстрелять из замковых пушек. На островах же было все, что нужно скитальцу по морям: пресная вода из родников, рыба, зверье. А главное — твердая земля под ногами. Местные жители очень скоро поняли, что обслуживание моряков — весьма выгодный бизнес. Так что баньку тут справляли еще задолго до нашего появления.

И сегодня финнам весьма нравится после чистенького и спокойного офиса приехать в полухолодные избушки, сблизиться с родной северной природой. И от души попариться в чреве огромной жаркой пещеры.

Мы беседовали с вице-мэром Хельсинки Туулой Хаатайнен. И чувствовалось, что она заметно нервничает. Понятно, что опытный политик волновалась не по поводу вопросов, которые ей задают журналисты. Поэтому мы «в лоб» и спросили: готовится какое-то важное мероприятие?

«О, да — закивала вице-мэр. — Через несколько дней во дворце «Финляндия» должен состояться бал, который столичная мэрия традиционно дает в День независимости страны».

«Какие звезды, иностранные гости и знаменитости будут приглашены?» — поинтересовались мы.

«Да никакие», — ответила вице-мэр.

«???»

Оказалось, особенность бала заключается в том, что в главный праздник страны первый город Финляндии

многие годы устраивает бал для десятилетних его жителей. На него собираются примерно пять тысяч мальчиков и девочек. И что важно: мэр города каждому из них лично жмет руку.

«По-настоящему я сама оценила эту церемонию только тогда, когда на бал пошел мой сын, — сказала Туула Хаатайнен. — Накануне мы спохватились, что неплохо бы купить белую рубашку и галстук-бабочку.

С бабочкой проблем не возникло. А мальчишковые рубашки были раскуплены во всех магазинах Хельсинки! Пришлось шить мне самой. Вы не представляете, какой накануне бала царит в городе ажиотаж. Записаться к мастеру в парикмахерскую невозможно, все расписано — юные леди и кавалеры делают прически. Огромный спрос на курсы танцев. Портнихи днем и ночью шьют платья для юных принцесс.

Я видела, как мой сын волнуется, отправляясь во дворец. И подумала: я работала в правительстве, была депутатом, но даже для меня весьма трепетный момент — позвать руку мэру. А что говорить о 10-летнем мальчике или девочке. Но в том-то и соль, что уже в 10 лет тысячи ребят начинают

ощущать себя гражданами страны, в которой для них открыты все дороги, в которой ты можешь на равных общаться и со сверстниками, и с самим мэром. Мне кажется, это крайне важно. Кстати, по откликам работников дворца «Финляндия», гости бала всегда ведут себя очень по-взрослому. Во всяком случае тарелок и стаканов на таком приеме, по статистике, бьется во много раз меньше, чем на дипломатических раутах».

Как театр начинается с вешалки, так и хамам начинается с раздевалки. Каждому посетителю предоставляется отдельная комнатка, где он может облачиться в купальные принадлежности.

Турция

Хамам на сдачу

Истинная достопримечательность Турции не мечети и античные развалины, а бани.

В хамам мы попали фактически на сдачу. Отдыхали в Турции, ездили на экскурсии, турфирма в качестве бонуса выдала путевку в турецкую баню. Отнеслись к этому факту с юмором и почти забыли. Но вдруг среди бела дня нас начал разыскивать человек в униформе. Оказалось, водитель. «Надо ехать, надо ехать», — тараторил он на ломаном английском.

В старом городе, там, где нет современных отелей и даже сувенирных лавок, куда туристы попадают, разве что заблудившись, есть целая улица Хамам. Тут один за другим стоят здания, похожие на мечети. Над ними возвышаются полукруглые купола, но минаретов рядом почему-то нет. Потому что это не мечети, а бани. Под куполами расположились харареты — огромные, как танцевальные залы, парные, в центре которых установлены мраморные «камни для живота» — гебек-таши.

В харарете было влажно, но не так уж и жарко. Теплый пол и скамейки вполне дружелюбно общались с моими пятками и прочими «точками». Но время текло медленно. Как сводит с ума капля, методично бьющая по темечку, так до крика стала раздражать даже вполне выносимая температура. Становилось душно, и рука сама собой потянулась за бронзовой плоской с холодной водой.

«Ну, где садисты?» — воскликнул кто-то из туристов. Тут они и появились.

«Чем хорош хамам? — увещевали нас, прежде чем впустить в харарет. — Вы только отдыхаете. Вам ничего не надо делать самим. За вас все сделают кесечи».

Кесечи, завернутые в пестрые банные полотенца пештемали, входили в парилку, как спецназ в захваченную террористами деревеньку. Осторожно, осматриваясь по сторонам, они направились к каждому из нас.

Ко мне подошел полный мужик. И тут я услышал, что он что-то мурлычет себе под нос. Оказывается, все они поют хамамджи — грустную песню о парне, невесту которого продали за хороший магарыч. Он укоризненно похлопал меня по животу (сам-то себя видел?) и неожиданным движением рванул к себе. Я уткнулся головой в его живот и почувствовал, что будто ударился о бетонную стену. Впрочем, на этом его агрессивность сразу улетучилась. И он меланхолично стал тереть меня своей мочалкой из жесткого конского волоса — кесе. Бросил взгляд и ахнул. Я каждый день принимал душ, купался в море, бассейне, снова принимал душ. Но с меня черным чулком сползала грязь, будто я не мылся с весны. Потом меня успокоили: это нормальное явление при таком пилинге.

Сняв с меня, как со змеи, старую кожу, кесечи омыл меня, повел к гебек-таши и передал в руки своего товарища. Тот только что закончил массаж какого-то жилистого турка. Я краем глаза наблюдал за этим зрелищем. Ощущение было такое, словно кесечи решил заломать соотечественника, но благодаря намыленному камню горемыка ловко ускользал. Но временами злодей был близок к своей недоброй цели, и обреченный крикал, вскрикивал и стонал.

Теперь место высвободили для меня. Успешного от аутодафе турка уводили мыться. Он пошатывался, но на челе его играла счастливая улыбка.

Массажист осведомился — мягко меня обрабатывать или жестко? «Господь с вами, отпустите меня», — хотел закричать я.

Но решил, что русские умирают, но не сдаются. «Будьте осторожнее», — вымолвил я.

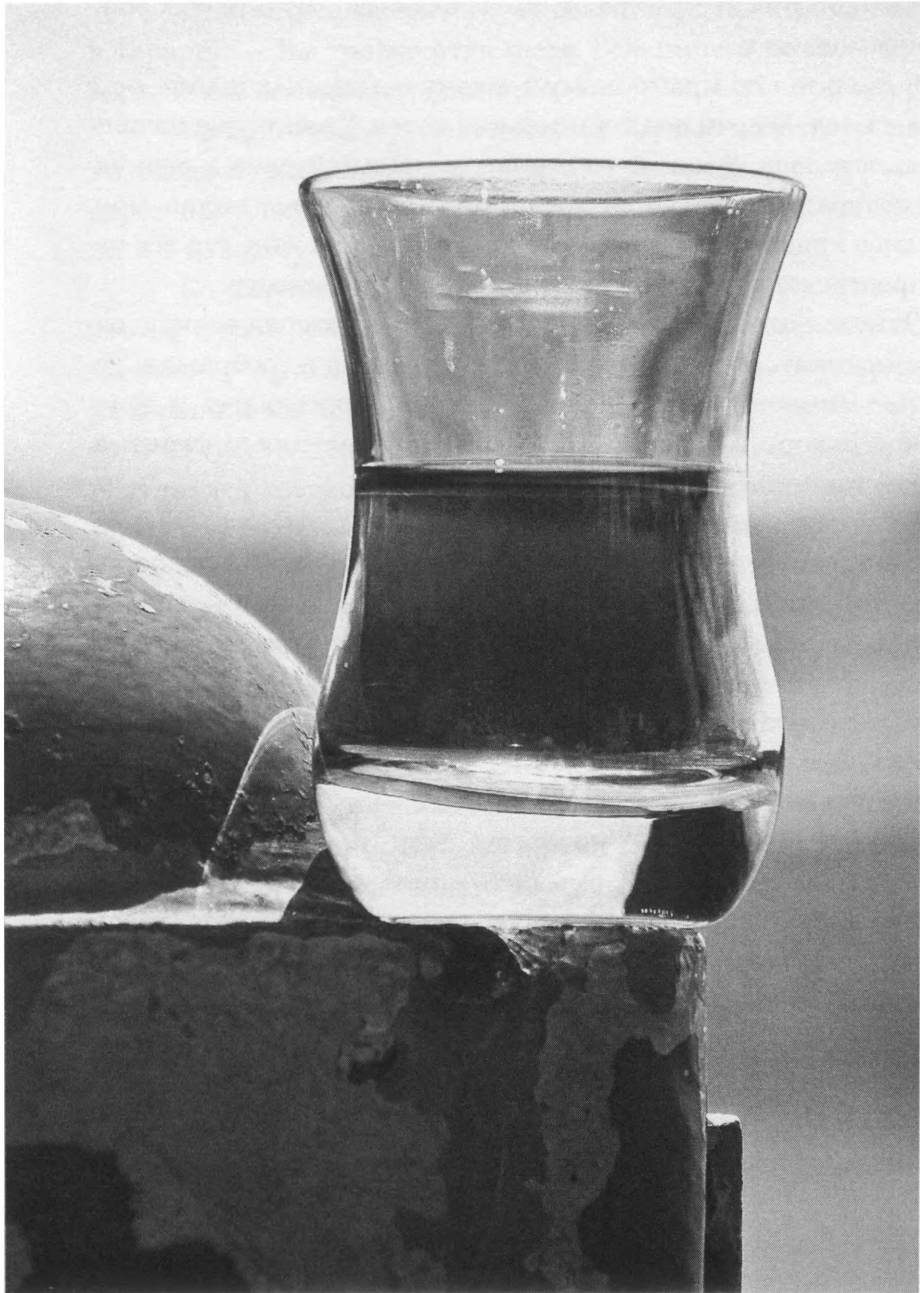
Я скользил по мраморному теплому камню, как шайба, брошенная на лед. Кесечи вертел мной как хотел. У меня уже начала кружиться голова. В какой-то момент в мыльной пене я окончательно потерял всякие ориентиры. Хрустели кости — видно, мои. Издавались крякающие звуки — видно, от меня. А этот гад все напевал про проданную много веков назад чью-то невесту.

Очнулся от легкого хлопка по плечу. Я потерял всякую систему координат. Меня омывали теплой водой, а я соображал: кости целы? Ничего не сломали? Но ходилось, приседалось и даже думалось. Вскоре появилось и чувство обновления организма, о котором так много говорено очевидцами.

Понятно, что тот хамам, в котором мы побывали, — не совсем хамам, скорее, туристский аттракцион. Но что же такое настоящая турецкая баня? Где-нибудь в Стамбуле или в нетуристской глубинке? Где кесечи не спрашивает — жестко или не жестко? Арабские врачи, кстати, еще с незапамятных времен доказали, что баня лечит от многих болезней...

Вообще-то изобретение это не турок и не арабов. Истоки хамама в древних термах, где собирались римляне, превратив их в клубы по интересам. А интересы были известны: покушать, поговорить, заговор сплести, отравить или зарезать кого...

Но Европа в средние века мылась мало. А Коран не допускал к молитве нечистых людей. Так религия открыла путь к хамаму. Может, оттого они так похожи на храмы?

Без чая в Турции не обходится ни одна встреча. Им угощают везде — на улицах, в магазинах, в кальянных и ресторанах, дома.

В штате турецких компаний даже есть специальный человек, должность которого называется «чайджи». Как правило, он заваривает натуральный черный чай, хотя есть еще и фруктовый, и с чабредала. более 20 минут чай томится в двухуровневом чайнике (внизу — в более широком сосуде кипит вода, наверху — чайничек с заваркой), затем разливается по стеклянным, в форме тюльпана стаканчикам, по-турецки они называются «бардак».

К чаю подаются сласти, печенье, орешки. Правильно приготовить и подать чай — настоящее искусство. Турки, шутя, говорят: «Если девушка не умеет приготовить чай, ей еще рано выходить замуж».

Впрочем, турки не меньше чая любят кофе. Словосочетание «кофе по-турецки» стало таким же полноправным обозначением способа приготовления ароматного напитка, как «эспрессо» или «капучино». Правда, сам кофе в Турции никогда не выращивали. Его родной является Йемен.

Бодрящий напиток из кофейных зерен стал распространяться в Турции еще в XVI веке. А уже из Турции подал в Европу. По легенде, после провала осады Вены османская армия бежала в такой панике, что побросала все имущество. В мешках кроме награбленных ценностей нашли и кофе.

Европа придумала множество способов приготовления кофе, а турки в своих вкусах остались консерваторами. Они обжаривают кофе небольшими партиями и, чтобы максимально сохранить вкус и аромат, мелют их, пока они еще теплые. Турки превращают зерна практически в пыль.

Кофе по-турецки обязательно должен быть сварен в джезве, которую у нас часто еще называют «туркой». При этом соблюдается правило: одна джезва — одна порция.

Сахар и кофе заливают водой и варят до «готовности». «Готовность» — это когда кофе закипел, но не убежал и не потерял янтарную пенку. Искусство приготовить хороший кофе по-турецки заключается еще и в том, чтобы не потерять бдительность.

Чашка вашего кофе по-турецки на четверть

может быть наполнена гущей, ведь мелкий-мелкий порошок, как ни старайтесь, все равно просочится через ситечко. Но при неспешной беседе гуща осядет и не помешает насладиться напитком. Зато после кофепития можно погадать.

Гадание на кофейной гуще очень популярно в Турции. После того как выпит весь напиток, чашку накрывают блюдечком и переворачивают. Через несколько минут гуща стечет, и на стенках чашки образуется причудливый узор. Специальных знаков как таковых не существует, «чтение» гадалки — это, скорее всего, в чистом виде ее фантазия и эмоции. Но, как говорится, если верится, то сбудется. Главное, чтобы нагадали только хорошее!

США

Дым Отечества

Тихий петербургский вечер. Мы сидели на балконе отеля «Хилтон» и наблюдали за восходом луны. Момент почти лирический: море, пляж, лунная дорожка... У нас, где-нибудь в Репине, бывают похожие вечера, разве что не такие душные. Дело происходило не у нас на Балтике, а на Мексиканском заливе во Флориде.

И вдруг погас свет.

Наш американский знакомый Грег побежал выяснять, в чем дело. Другой американец в нашей компании, Билл, успокоил: «Это «Хилтон», не какой-то затрапезный отель у моря. Сейчас узнают, что мы тут сидим, и свет включат».

Через минуту вернулся Грег.

«Портье говорит, что по требованию «зеленых» все отели должны выключать свет после 23.00. Свет может привлечь черепах, и они отложат яйца прямо на пляже», — пояснил Грег.

Вокруг высились десятки гостиниц. Но во всех погас свет. В темноте слышались голоса и смех — сотни людей прогуливались по берегу. За отелями гудело шоссе. Какие черепахи?!

«Надо расходиться», — с сожалением произнесли Билл и Грег. Каждый американец уважает порядок.

На следующий день мы отправились в Тампу. На западном побережье Флориды города и поселки расположены так плотно друг к другу, что трудно даже сказать, какой из них главный, а какие являются его пригородами. Это все так называемая одноэтажная Америка, тысячи домов с приусадебными участками занимают огромные территории.

Из десятка населенных пунктов, безусловно, выделяются два — Тампа и Санкт-Петербург. Кстати, на некоторых картах они обозначены как нечто целое — «Санкт-Петербург/Тампа». Но жители Тампы убеждены, что Петербург — пригород их города. Петербуржцы же, естественно, считают наоборот.

Как бы то ни было, и Тампа, и Санкт-Петербург обязаны своим благополучием именно россиянам, петербуржцам.

Прежде эта часть Флориды была местом гиблым, с множеством болот, кишачих мошкаррой. На месте нынешних курортов стояли бедные рыбацкие деревушки. Одна из них называлась Пинеллос. Но в начале XX века русский инженер Петр Дементьев провел сюда железную дорогу. Именно он дал имя городу — Санкт-Петербург, в честь российской столицы, в которой он родился...

Негласное соперничество Тампы и Петербурга возникло со дня их образования. Оба построены в типичной для Америки манере: «даун таун» в центре — несколько небоскребов, крупные магазины, мэрия. А дальше сплошной «частный сектор», по большей части одно-, двухэтажные дома.

Оба города — модные курорты, то и дело тут открываются новые отели. Старые стараются приспособить для местных нужд. Недавно одну из бывших шикарных гостиниц Тампы превратили в университет. В Петербурге сей факт восприняли как вызов, и тут же ответом «конкурентам» стало строительство Института Пойнтера — вуза по подготовке журналистов и специалистов в области общественных связей.

Флоридский Петербург знаменит крупным музеем Сальвадора Дали. Его появление — результат победы в международном тендере, в котором участвовали многие страны. Однако Фонду Дали больше приглянулась Флорида, где некогда жил художник.

Тампа, словно в ответ, создала собственную достопримечательность. Здесь реконструировали старый поселок испанских колонистов Ивор, который тут же превратился в место паломничества туристов.

Флорида — один из центров табачной промышленности. Со времен испанцев тут крутят сигары. И этими сигарами гордится вся Америка. Правда, даже американцы признают, что они ни в какое сравнение не идут с кубинскими. Но на фоне остальных, говорят, не так уж и плохи.

В Иворе табачные магазинчики чуть ли не в каждом доме. Они выполняют и свои прямые функции — торгуют сигаретами и сигарами, и одновременно являются мелочными лавками. Местная сигара — лучший сувенир из Флориды, так же как миниатюрная статуя Свободы из Нью-Йорка или ковбойская шляпа из Техаса.

Наши американские друзья Билл и Грег, едва попав в одну из таких лавок, стали скупать сигары коробками. «Зачем?» — недоумевали мы. «Очень низкие цены», — объяснил Грег, который, кстати, не курит. «Дешевые» сигары шли от 10 долларов за штуку. Были тут и дорогие — по 50, даже 100 долларов. Сигары продавались не только из Флориды, но и из других стран — вплоть до немецких и голландских. А вот кубинских не было.

Уже много лет Америка держит экономическую блокаду острова Свободы, и провоз в США кубинских сигар приравнивается чуть ли не к государственной измене. Нарушителям эмбарго, провозящим табачок даже только для собственного потребления, грозят серьезные санкции. Причем к проблеме выявления контрабанды относятся настолько серьезно, что на «Гавану», как на наркотики, в таможенных службах специально натаскивают собак. А на безрыбье и рак рыба.

Табачный бизнес во Флориде превратился в элемент привлечения туристов. Тут на изделия, содержащие никотин, наверное, самый низкий в Америке налог. Во Флориде пачка сигарет минимум вдвое дешевле, чем в других штатах.

Кроме нескольких коробок Билл и Грег купили шляпы в стиле «латинос» и старые журналы для любителей сигар — по 1 доллару за годовую подборку. «Свежий номер стоит долларов 20», — как бы оправдывая выгодное приобретение, сказал Билл.

Ажиотажу наших американских друзей можно было только подивиться. Впрочем, человек соткан из парадоксов. Например, большинство женщин декларируют, что им не нравятся подвыпившие и курящие мужчины. Но, когда один японский модельер выпустил туалетную воду для мужчин, в которой отчетливо «слышатся» ароматы коньяка, сигарного дыма и конского пота, именно у женщин этот парфюм вызвал неопишуемый восторг. Мужчины же к нему относятся довольно равнодушно... Стоит ли удивляться, что нация, активно борющаяся с курением, терпима к этому пороку, когда дело касается вещей, составляющих чуть ли не национальную гордость.

Вечером мы снова собрались на том же балконе в отеле. Билл и Грег явились в шляпах и с фужерами коньяка. Они уселись, положив ногу на ногу, и вытащили сигары. Билл обрезал свою специальной гильотинкой, Грег откусил кончик зубами. Затем они окунули сигары в коньяк. «Для лучшего вкуса», — прокомментировал Билл. В завершение всего зажгли длинные спички — оказывается, зажигалки в этом ритуале неуместны, — и закурили.

Билл с видимым удовольствием откинулся в кресле. Некурящий Грег закашлялся, но сигару не бросил. Погрузившись куда-то в глубь себя, они просидели так весь вечер. Со стороны они очень походили на изображения «дядюшки Сэма» с карикатур времен холодной войны. Убежден, в этот момент они гордились собой. Шляпа, сигара, хороший коньяк, дорогой отель на берегу Мексиканского залива во Флориде... Не так ли и должно выглядеть воплощение американской мечты? Стоило спросить об этом у Билла и Грега. К сожалению, не успел.

Снова на побережье выключили свет. И наши друзья ретировались, оставив после себя тяжелый дух сигарного дыма. Впрочем, вряд ли этот дым американского отечества повредил «беременным» черепахам. Единственной путеводной звездой флоридской ночи осталась повисшая над Мексиканским заливом луна.

,351
coupons
inside

THE RUUD ERA

Linebacker Barrett Ruud steps up to lead the defense after Derrick Brooks' exit. **Sports, 1C**

**Niemann,
Rays beat
Royals 7-1. 1C**

St. Petersburg Times

R Sunday, August 2

tampabay.com

Best Newspaper

INSIDE SCIENTOLOGY | A TIMES SPECIAL REPORT

ACCOUNTS OF ABUSE AT THE HIGHEST LEVELS OF THE CHURCH EMBOLDEN OTHERS TO TELL THEIR STORIES.

With blind trust, we can't see

CFO Alex Sink set up a blind trust to avoid conflicts. If no law defining trusts, public disclosure has suffered.

заметки на полях

Большинство американцев знать не знают, что у их Санкт-Петербурга есть прародитель в России. Мы идем в редакцию местной газеты «Санкт-Петербург таймс». Секретарша вдруг интересуется:

«Вы, должно быть, иностранцы?»

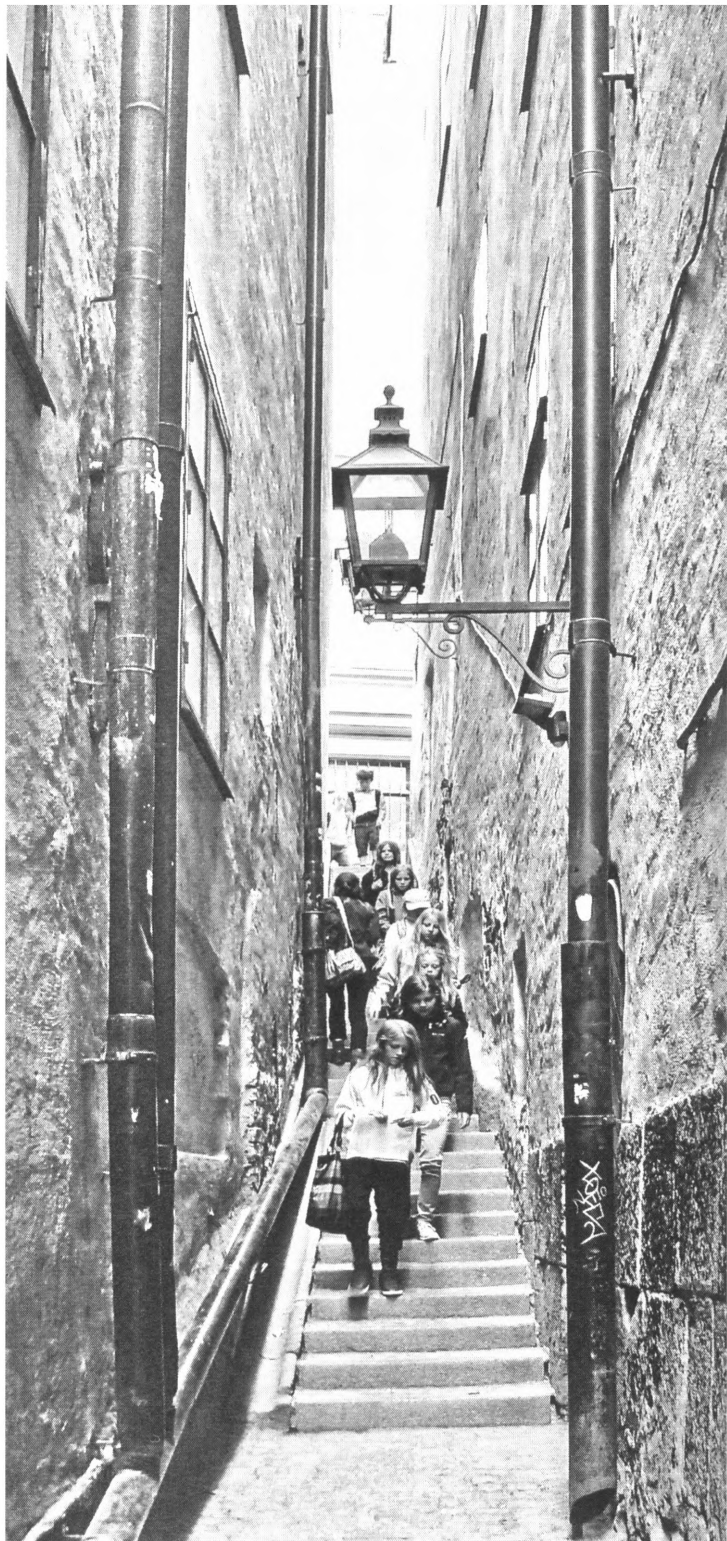
«Да, мы из России», — говорим мы.

«И из какого города?» — спросила девушка.

«Я из Санкт-Петербурга», — отвечаю не без гордости.

«И что, в России есть такой город? — изумилась секретарша. — Шутите? Бывают же чудеса на свете!»

Вот такие дела. И это разговоры в редакции газеты, а не в трампарке или ветеринарной клинике.

Традиции
у них такие...
Швеция

Швеция

Вверх по тесной

Мартен Тротцигс гренд

В Гамла стане — историческом центре Стокгольма — много сувенирных и антикварных лавочек, предназначенных для туристов. На каждом шагу встречаются кафе и ресторанички. А вот обычных универсамов и даже простых булочных практически нет. Жители старого города, как и в других европейских странах, закупаются в выходные в больших супермаркетах. Так что натолкнуться на этот магазин на одной из улочек Старого города для нас стало полной неожиданностью. На нем не было кричащих вывесок, витрины оказались плотно задрапированы. Но чем тут торгуют, спрашивать не понадобилось.

Возле входа толпились люди с весьма узнаваемыми лицами. Они отчаянно жестикулировали, очевидно, в чем-то упрекая своего товарища. А тот показывал какую-то бумажку с номером и в чем-то оправдывался.

Мы заглянули внутрь. В магазине, достаточно просторном и светлом, у входа стоял автомат, выдающий талончики с номерками. Вдоль стены расположились лавочки, на которых смиренно сидели люди. Сжимая в руках те самые талончики, посетители с напряжением смотрели на электронное табло, высвечивающее порядковый номер очереди. К прилавку в глубине магазина вели проходы, огороженные стойками, как на паспортном контроле на границе. За прилавком высились стеллажи с вожделенным товаром. Это были вина, водка, коньяки, виски, джин и так далее, и так далее.

Сразу стало понятно, отчего так возбуждены забулдыги на улице. Их очередь должна была подойти еще очень не скоро.

Два продавца в магазине отпускали товар не спеша. Один обслуживал элегантно одетого молодого человека, который меланхолично ставил себе в ноги один за другим тяжелые пакеты со спиртным. Другой консультировал какую-то дородную фрекен. Думаю, именно эта дамочка и раздражала страждущих. Она закупалась к какому-то торжеству. Продавец изучал ее список и протягивал разные бутылки. Она их осматривала. Чувствовалось, разбирается она плохо. Поэтому свой выбор она делала не торопясь. Между тем была суббота, половина четвертого вечера. И магазин должен был скоро закрыться.

В Швеции продажа алкоголя строго ограничена. В универсаме в лучшем случае можно найти слабоалкогольное пиво. Все остальное — либо в специализированном магазине, либо в баре или ресторане.

Борьба с алкоголизмом в народе ведется еще со времен Густава Вазы — родоначальника первой династии шведских королей, который еще в XV веке осознал, какой вред наносит пагубная привычка. А пила нация много и не зная меры. В Европе даже существовала присказка: «Пьян, как швед».

Особенно, конечно, это было заметно в Стокгольме, шведской столице. В большом портовом городе моряк, сходя на берег, первым делом шел в кабак и просаживал нередко все заработанные деньги.

Любопытным памятником разгульному средневековому Стокгольму служит улочка Мартен Тротцигс гренд. Она находится в Гамла стане буквально в нескольких шагах от Железной площади, где был рынок. Улочка прославилась благодаря своей ширине — всего 90 сантиметров. Раздвинув руки, можно дотронуться до стен справа и слева. Это самая узкая улочка в стране. Мартен Тротцигс гренд ведет из нижнего города в верхний. И, говорят, именно по ней особенно любили взбираться подвыпившие

моряки: всегда есть на что облокотиться. Правда, улица скрывала и немало опасностей. В 1617 году пьяные моряки на ней насмерть забили торговца Мартена Тротцигса, который шел в свою лавку на Железной площади. После этого трагического случая проход по улице заколотили. Ее вновь открыли только в 1945 году, назвав в память о погибшем человеке.

По одной из версий, пьянство стало причиной еще одной трагедии — гибели самого мощного корабля шведского флота «Ваза». Военный галеон строился несколько лет, а затонул в 1628 году во время своего первого плавания, отойдя от дока всего на полтора километра. До спуска корабля состоялся большой праздник, и команда прилично набралась, отмечая знаковое событие. В море в тот день была высокая волна. Одна из волн ударила в боковую часть галеона, и вода хлынула в люки, предназначенные для пушек. «Ваза» опрокинулся и в считанные минуты ушел под воду, унося на дно десятки человек. Король Густав II Адольф, который назвал галеон в честь своего прапрадеда, узнав о гибели корабля, заявил, что причиной послужили глупость и невежество команды. Он приказал строго наказать всех виновных.

Но специальная комиссия так и не сошлась во мнении, что погубило галеон — ошибки в конструкции или пресловутый человеческий фактор. Проект корабля утверждал сам король. Стало быть, комиссия даже предположить не смела, что допущены ошибки по инженерной части. Окончательное решение оставили за монархом, но Густав Адольф погиб в сражениях Тридцатилетней войны. В итоге так никого и не наказали, а жесткое высказывание короля осталось в памяти. И в народе навеки укоренилось мнение, что «Вазу» погубили по пьянке.

С тех пор в Швеции резко ограничили производство крепких напитков. Местное население перешло на пиво. В одном из буклетов министерства иностранных дел королевства я даже прочитал, что именно пиво спасло нацию от алкоголизма. Утверждение весьма сомнительное. Но пиво до сих пор остается одним из самых

популярных и более-менее доступных спиртных напитков в этой стране.

Сразу после гибели «Вазы» с затонувшего галеона подняли почти все чугунные пушки, являвшиеся, по тем временам, самой большой ценностью. Вот и все, что тогда могли сделать. Покой утонувшего галеона больше не тревожили. О нем надолго забыли.

Только спустя три с лишним века о «Вазе» снова вспомнили. Долго искали место, где он лежит на дне. Потом пять лет разрабатывали план подъема. В 1961 году галеон извлекли из морской пучины. Оказалось, в морской воде он прекрасно сохранился, до нас дошли тысячи артефактов, покоившихся на борту.

В начале 1990-х специально для корабля построили музей. Сегодня под его крышей «Ваза» стоит в полной своей красе, а посетители, гуляя по галереям, выстроенным вдоль бортов, ярус за ярусом осматривают легендарный галеон.

В музее «Ваза» можно смело изучать историю. Корабль должен был стать символом величия и могущества Швеции, которая в XVII веке по праву считалась самой мощной морской державой севера Европы. Предполагалось, что в море галеон станет домом для 145 матросов и 300 солдат. На его борту были кубрики для команды из простолюдинов и шикарные апартаменты для командования, адмиралов и даже, может быть, самого короля, если он поднимется на корабль. В витринах музея — картины выдающихся художников того времени, роскошные гобелены, дорогая мебель, изысканная посуда. И разошедшиеся деревянные ложки и глиняные трубки простых матросов.

Разница положения матросов и офицеров была огромной. Швеция гордилась своим флотом. Но в матросы на военные корабли набирали «из-под палки». Из сельских коммун и городов призывался один мужчина из десяти. Брели тех, кому исполнилось 15. Обычный матрос получал жалованье 57 далеров в год. Но из этого вычитались деньги за еду и одежду, многочисленные штрафы за провинности и непослушание. На руки выходило меньше

четверти пожалованной суммы. При этом, если верить хроникам, корова стоила 5 далеров, гусь — 1/2 далера, мешок зерна — 1 далер, а бочка пива — 3 далера.

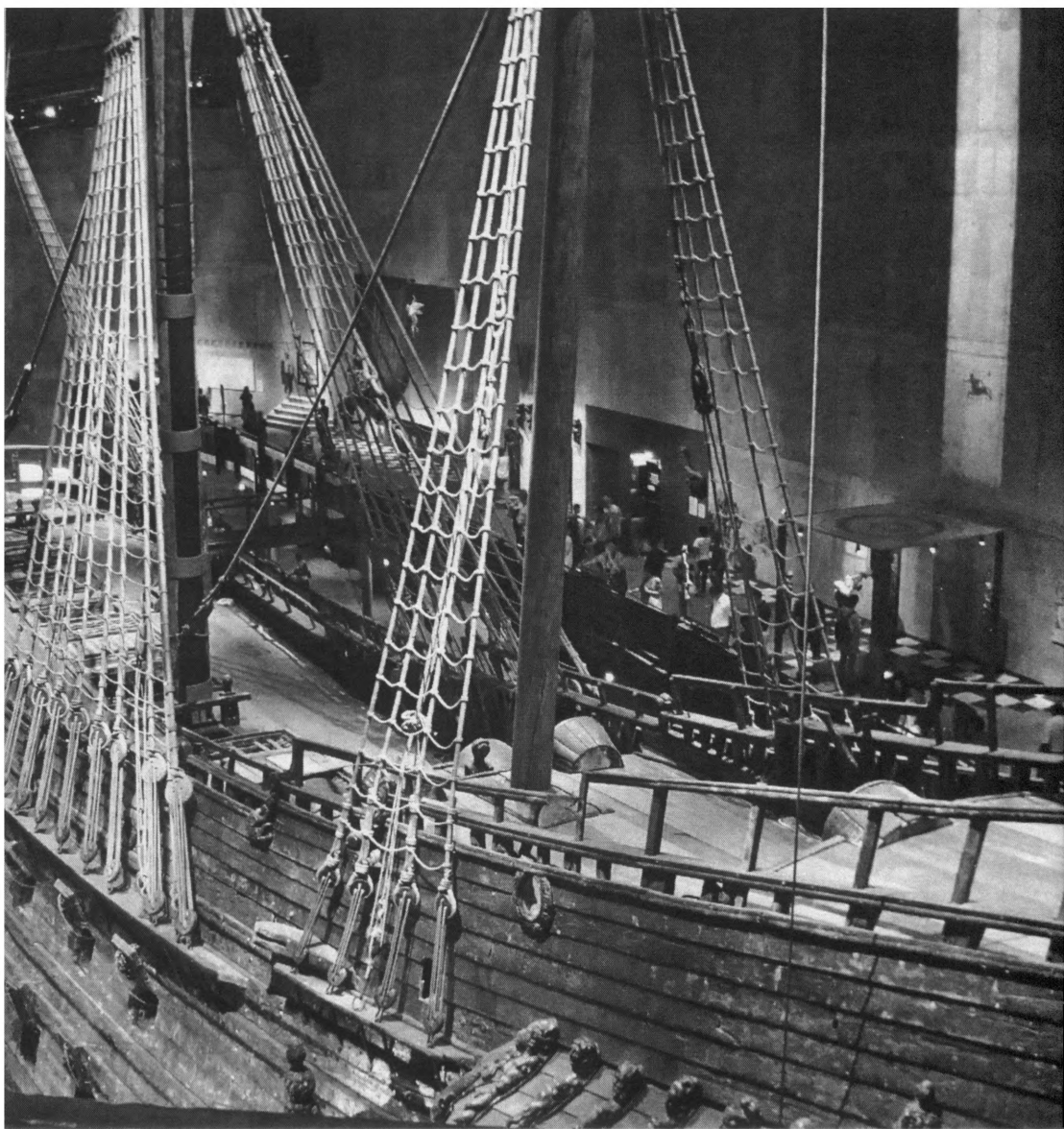
Немудрено, что к моменту постройки «Вазы» с трудом удалось сформировать команду.

Целый раздел посвящен истории древнего мира, ведь нос галеона украшали барельефы всех римских императоров — чем не повод рассказать шведам и о них.

Старинные карты отправляют нас в путешествие по освоенному к XVII веку пространству Земли. Уже есть Америка, но нет еще четких контуров Австралии — континент только открыли. И уж тем более не отмечена Антарктида — ее в сознании людей тогда еще не существовало.

Особо в музее рассказано о возвращении корабля из морской пучины. С инженерной точки зрения, это безукоризненно проведенная операция. И, конечно, много места уделено фурору, который сопровождал появление «Вазы» в Стокгольме.

От музея «Вазы» в центр города можно отправиться на водном трамвайчике. Центр Стокгольма расположился на островах, так что, куда бы ты ни пошел, обязательно придешь к морю. Водная стихия связывает страны и время. Ее бороздят уже не деревянные галеоны, а гигантские паромы, которые могут с легкостью перевезти несколько таких кораблей, как «Ваза». Но морские традиции сохраняются. Не случайно шведы придерживаются девиза: «В ногу со временем, сохраняя традиции».

Сегодня под крышей музея «Ваза» стоит в полной своей красе, а посетители, гуляя по галереям вдоль бортов, ярус за ярусом осматривают легендарный галеон.

Забавный случай приключился со мной однажды в Стокгольме. В соборе острова Риддархольмен, где покоится прах почти всех шведских королей и их знатных соратников, я осматривал могилу какого-то адмирала времен Карла XII. И вдруг пришло SMS. Леша Захарцев, известный петербургский журналист, регулярно поздравляющий всех друзей с праздниками, прислал сообщение: «С Днем ВМФ, брат. Ура!».

Действительно, наступило последнее воскресенье июля, и дома отмечали военно-морской праздник. Интересно, перевернулся ли в гробу адмирал, битый в водах Балтики русским флотом? Но послание мне показалось знаменательным.

Большинство шведских королей отличались воинствующим нравом. И вплоть до XIX века, когда страна объявила нейтралитет, Швеция из одной войны ввязывалась в другую. Достаточно вспомнить того же Карла XII, который воевал практически с детства, не вылезал из военного мундира, а в своей столице бывал разве что только проездом на другую войну.

Тем более трогательной выглядит история другого короля Швеции — Адольфа Фредерика. Он родился еще при жизни воинствующего Карла. А стал королем через двадцать лет после его гибели.

Адольф Фредерик слыл доброжелательным и мягким человеком. Его нерешительностью пользовались и парламент, и супруга, не в пример ему властная и напористая натура. Даже изготовили специальный штампель, повторяющий королевскую подпись, чтобы ставить ее на документах, которые не хотели показывать Адольфу Фредерику.

Против короля организовали несколько заговоров, опять же не без участия супруги. Но всегда злоумышленников удавалось разоблачить. Впрочем, король не был кровожадным. И, как правило, изменников прощал. Адольф Фредерик не любил управлять страной. Зато ему нравилось делать табакерки.

А еще он был большим сибаритом. Любил вкусно поесть, красиво отдохнуть. Как повествуют хроники, 12 февраля 1771 года Адольф Фредерик скушал обед, состоявший из омаров, икры, кислой капусты, копченой сельди, булочек

со взбитыми сливками. Все это он запивал шампанским и пивом. А к вечеру помер от несварения желудка. Адольф Фредерик своим миролюбивым нравом заслужил любовь в народе. Его неожиданная кончина вызвала всеобщее сожаление.

В историю он вошел как «король, объевшийся до смерти».

В Стокгольме установлено немало памятников шведским королям. Монумент Карлу XII возвышается возле оперы. Выхватив шпагу, монарх-солдат смотрит на королевский дворец, в котором ночевал за свою жизнь лишь несколько раз. Адольф Фредерик нежилась в покоях официальной резиденции Кунлига Слоттет без малого двадцать лет. А вот памятник ему в Стокгольме я так и не нашел.

Монако

Проиграть казино

Утром четверо крутых игроков отправились в Монте-Карло брать банк в казино. В состав организованной группы входили: мы с женой и наши друзья, Сергей и Камилла.

Брать казино мы поехали на автобусе. По прилете в Ниццу, где мы обосновались, нам подсказали купить недельные проездные билеты за 14 евро. Совет оказался дельным. По «карточке» мы добрались из аэропорта в гостиницу, а потом в течение семи дней каждое утро из отеля на трамвае ездили к морю или на автобусную станцию. Уже с автовокзала по тому же единственному билету путешествовали по округе. В прибрежные Антибы, где в замке после войны жил Пикассо. В Канн, куда по весне съезжаются киноманы со всего мира на знаменитый кинофестиваль. В горный Грасс, родину французской парфюмерии. Именно в Грассе начинается действие захватывающего, но жутковатого романа Зюскинда «Парфюмер». В Ванс, в котором несколько лет творил Шагал, расписав в том числе кафедральный собор.

Монако мы оставили напоследок. Может, из чувства самосохранения — а вдруг нас так разберет азарт, что проиграемся в пух и прах. На какие тогда средства познавать красоты Кот д'Азур — Лазурного побережья, Французской Ривьеры?

Впрочем, в Монте-Карло мы не собирались проигрывать.

Автобусы по побережью ходят часто. Главное, отправляясь в Монако, садиться с правой стороны. Тогда обычный пригородный рейс превращается в увлекательное путешествие: за окном море, прибрежные городки, деревеньки, замки.

Для разжигания «аппетита» перед игрой мы решили осмотреть старый Монако. Карликовое государство уже давно срослось с приграничными французскими городами. И важно не заезжать. Автобус через Монако идет дальше, в город Ментон на границе с Италией, а Монако такое крошечное, что его легко просто проскочить. Как только проехали центр французского города Кап-д'Ай и увидели табличку с названием страны Монасо, нужно сходить.

На горе замок мoneгасских князей Гримальди. Род древний. Гримальди происходят из знатных семей Генуи. Но, видимо, характер у них непростой, поскольку род несколько раз выгоняли из республики на Лигурийском побережье. В XIII веке во время очередной опалы Франсуа Гримальди скитался по побережью со своими сподвижниками и превратился в вульгарного бандита. Однажды со своим отрядом он облачился в монашеские одежды и постучался в ворота первого попавшегося на дороге замка. Святых отцов впустили, а те скинули плащи с капюшонами и обнажили мечи. Замок захватили быстро. Так им и досталось Монако.

Потомки Гримальди живут в нем до сих пор. Историю обретения скалы в официальной летописи называют «романтической». В память о сомнительном деянии пращуров у стен замка воздвигнут бронзовый памятник монаху. Его глаза под капюшоном смиренно опущены, но рука уже нырнула под плащ, готовая выхватить меч. Коварство Франсуа Гримальди в княжестве называют «хитростью, сравнимой разве что с хитроумием Одиссея».

Как положено в столице монархии, в Монако перед дворцом ровно в полдень проходит торжественная смена караула и парад войск. На представление собирается целая площадь народу. Туристы ждут, приготовив фотоаппараты и видеокамеры.

Заиграла музыка, и на площадь строем вышла вся мoneгасская армия... человек восемьдесят, при этом львиную часть этого войска составлял оркестр.

Рядом с замком на скале несколько кварталов старого города. Но спустишься вниз и попадаешь в мир высотных домов

и небоскребов. Современный Монако — это три сросшихся воедино поселка: собственно Монако, Ла-Кондамин и Монте-Карло. В 1970-е годы территории прибавилось на отвоеванные у моря 220 квадратных метров. Райончик называется Фонвей.

Самое маленькое в мире после Ватикана государство тем не менее является одним из самых густонаселенных. На узкой полоске у моря длиной четыре километра проживают более 35 тысяч человек. Любопытно, что сами монегаски составляют всего 16 процентов населения. Остальные — французы и итальянцы. В Монако существуют налоговые льготы, быть подданным княжества выгодно.

Но все знают, что замок Гримальди, старый город, даже одна из лучших в мире коллекций ретроавтомобилей и огромный океанариум, которым долгие годы руководил сам Жак Ив Кусто, — не самые знаменитые достопримечательности Монако. Казино, рулетка — вот что принесло подлинную славу стране.

На самом деле владения Гримальди были не так уж и малы. Воинствующие потомки псевдомонаха завоевали в свое время широкую полосу у моря почти от Ниццы до Ментоны. Княжество активно участвовало в создании единой Италии. И этой поддержке обязано сегодня своей независимостью. Французский император Наполеон III, поддерживавший короля Сардинии и Пьемонта Виктора Иммануила II в борьбе за итальянский престол, обещал союзнику в лице Монако сохранить суверенитет. Слово, данное Наполеоном, Франция держит до сих пор.

Правда, обнищавший князь уже тогда распродал свои земли. Продал бы и последние 4 километра у моря. Не случись чуда...

Сегодня спорят, кому принадлежит идея создания знаменитого игорного дома. Одни ее приписывают князю Флорестану, другие — бизнесмену Францу Бланку, к тому времени уже поработавшему администратором казино в Гамбурге. Но точно известно одно — в середине XIX века на месте Монте-Карло был пустырь,

земли на котором продавали по бросовым ценам. В Канне и Ницце уже процветали курорты, но на каменистый берег Монако туристы категорически не ехали.

...В казино мы вошли, как положено, с парадного входа примерно в час дня. Оно уже было открыто, хотя ажиотажа не наблюдалось. В атриуме, торжественно обрамленном по периметру колоннами, у нас попросили паспорта, с них сняли копии. Сверили с компьютерными данными, а вдруг мы известные мошенники и внесены в базу игорных заведений? Известны случаи, когда прибывшим поиграть во входе отказывали только потому, что их фамилии совпадали с внесенными в «черный список».

Наши имена оказались чисты. Нам позволили купить билеты. Чтобы проиграть свои деньги в казино, тоже нужно заплатить — вход стоит десять евро. Потом у нас забрали фотоаппараты и мобильные телефоны. И мы смогли подняться по красной ковровой дорожке в зал.

Честно скажу, никто из нас не был охвачен священным трепетом. По-простому мы спросили у человека во фраке: где продают фишки? Нам указали в конец зала. Скучная комната напоминала билетные кассы на вокзале.

«Ну, по сколько фишек берем?» — спросили мы друг у друга. По мне, хоть вообще ни одной. Но раз уж пришли... Взяли самый маленький номинал — по 5 евро, четыре штуки на семью.

В игровом зале установлено множество столов и для карточных игр, и для игры в рулетку. Буклеты утверждают, что их 35.

«Живым» был только один. Только за одним столом шла игра: в торце восседал какой-то возбужденный сравнительно молодой господин в светлых брюках и гавайской рубашке. Раскрасневшийся, он бросал на сукно фишки номиналом сто евро. В столбиках перед ним были пластиковые слитки и по 1000 евро. Господин не ставил на конкретные номера. Он играл «красное — черное» и выставлял жетоны на группу цифр. Ему везло. Столбики фишек возле него пополнялись.

Господин говорил по-английски в голос. Громко хохотал. Заказывал то тоник, то колу. Мне почему-то показалось, что он русский. Но знакомиться и брататься в столь щекотливом месте мы не решились.

Садиться не стали. Мы с женой расположились по одну сторону стола, Сергей и Камилла — по другую. Я поставил на «четное», выпал «нечет». Я поставил на «нечетное», выпало «четное». Поставил на «красное», выпало «черное». Еще раз поставил на «красное». И снова — «черное». Вот и все, собственно.

Сергей и Камилла все еще были у стола. Я не следил за их игрой. Но они к этому моменту уже удобно устроились в креслах, и около них скопилась стопочка фишек. «Не будем вам мешать», — губами прошептали мы им и отошли. Игра никак не захватила нас. Оказалась довольно скучной и банальной. Впрочем, может, потому, что проиграли?..

Ну это уже было неважно. Докупать фишек не хотелось. Стали осматривать зал. Я читал множество восторженных описаний. Но старинное убранство ничем особо не отличается от того декора, что использовался в позапрошлом веке. Много мрамора, дерева, позолоты, искусная роспись. Нужно приехать из глубокой провинции, чтобы тебя разобрано на излишние похвалы. Архитектор Шарль Гарнье, строивший казино, до этого возвел парижскую Оперу. В общем, любой театр или банк, оформленный в те годы, выглядят не хуже. Банк, возможно, даже побогаче.

Но какие-то черти все же несут сюда народ? Тут проигрывались страны и состояния. Люди доводили себя до самоубийства. А вот выигрывали немногие. Чем же так манит этот зал?..

Меня тронула за руку Камилла.

«Мы закончили», — улыбаясь, сообщила она.

«Ну и пошли!»

«Не-е, нам еще денежку получить надо», — сказала она.

Камилла выиграла 260 евро. Жетоны поменяли на купюры.

«Надо выпить шампанского», — сказал Сергей.

«Тут дорого, пошли в город», — возразил я.

«Нет, где прибыло, там и надо тратить. Иначе удачи больше не будет», — привел свои аргументы Сергей.

В рестораничке казино мы были одни, поэтому обслуживали нас с особым шиком. Сразу два официанта в белых жилетках установили столик, водрузили на него серебряное ведерко для льда. Шампанское разлили в сверкающие плоские хрустальные бокалы. Было красиво и торжественно. Мы поздравили наших друзей. Правда, и счет в ресторане оказался больше выигрыша.

«Что ж, как и следовало ожидать, казино остается при своих!» — весело сказал Сергей.

В казино мы все-таки провели в общей сложности часа три. И к парадному подъезду начали съезжаться шикарные машины. Зеваки, пришедшие пофотографировать казино, снимали заодно и автомобили, нечаянно прислонив к ним своих подруг или чад. Еще час-другой, и тут начнется подлинный парад тщеславия. Бриллиантов будет больше, чем туристов. И 200 агентам, по слухам, контролирующим территорию вокруг казино, придется держать ухо востро.

Но это начиналось уже чужое время.

У Камиллы и Сергея есть симпатичная традиция. Из каждой поездки они отправляют себе домой в Петербург открытки с видами городов, где побывали. Рядом с казино расположилась одна из самых известных гостиниц в мире — «Отель де Пари». Камилла и Сергей решили опустить открытку в почтовый ящик именно там. Смотрю, через минуту возвращаются.

«Не пустили, гады... — весело сказал Сергей. — И это даже намного забавнее!»

На поездку в Монако, прогулку по его улицам, кафе с видом на местные красоты и прочие впечатления, приятные во всех отношениях, мы потратили немного. На Ривьере можно прекрасно себя чувствовать и не будучи миллионерами.

Автобусом мы вернулись в Ниццу.

Действие знаменитого романа Достоевского «Игрок» происходит в некоем городе Рулеттенбурге. Название, конечно, вымышленное. Но прообразом ему послужил не Монте-Карло, а Висбаден в Германии, где Достоевский проигрался вчистую в 1863 году.

Чтобы выпутаться из финансового коллапса, Федор Михайлович заключил контракт с издательством на написание романа об азарте в нереально короткие сроки. Но Достоевскому очень повезло.

В помощь ему посоветовали молодую стенографистку Анну Сниткину. С ней в четыре руки классик, собственно, и написал роман «Игрок». Вскоре Анна стала женой Федора Михайловича и добрым ангелом писателя до конца его жизни, оберегая его от соблазнов и пороков, обеспечивая его быт, помогая полностью сосредоточиться на творчестве.

Что касается Монте-Карло, первые годы своего существования это было еще одно казино у моря. В те времена играли во многих

крупных городах и на курортах. Но затем в Европе поднялась волна борьбы с азартными играми. Казино закрывались одно за другим. К середине 1870-х годов их практически нигде не осталось, кроме Монте-Карло. С тех пор и начался взлет Монако.

Лихтенштейн

Княжеский огород

Все виноградники Лихтенштейна занимают площадь чуть больше четырех гектаров. У иных наших сограждан дача больше. Но какая страна, такие и уголья. Мне больше хочется назвать местные виноградники огородами. По той причине, что с огородами больше возни. На них подчас сорняки пинцетом выщипывают — чтобы уж наверняка, и драгоценное растение не повредить.

В Лихтенштейне вино делают исстари. Но выращивать виноград в этой местности довольно трудоемко. Пасти коз и коров куда выгоднее. Поэтому вино тут всегда гнали для себя.

В конце XX века к идее его производства подошли с государственных позиций, решили сделать еще одним брендом княжества. И вот появились первые результаты этой работы. В Вадуц, местную столицу, я отправился продегустировать настоящее лихтенштейнское вино.

Надо сказать, я не винный человек. Не в том смысле, что абсолютно безгрешен. Просто звезды выстроились так, что от меня благородный виноградный напиток отказался сам. Однажды в известном французском шато я попросил подобрать мне бутылку вина, выращенного в год моего рождения. Владелец виноградника поинтересовался: в каком году это было? А потом махнул рукой: «И даже не ищите. В тот год вино оказалось такое паршивое, что его даже разливать не стали». Истинные виноделы помнят все удачные и провальные годы. Вот годом раньше вино было великолепным, годом позже — еще лучше. Мой год вычеркнут из истории. Я, конечно, расстроился.

Но это дает мне право не изображать из себя знатока. Пробовать вино и говорить о нем правду. А также не рыскать по магазинам и меню в поисках изысканных коллекционных экземпляров. Во Франции говорят, что вино шато Мадлен Бордо не может стоить меньше 300 евро. И я как не винный человек имею право спросить: а есть что-то до 10 евро? И всегда находится.

Лихтенштейнское шато расположилось у въезда в Вадуц. Тут все в одном комплексе: виноградники, цехи по переработке, танки для брожения, линии для разлива. И даже дегустационный зал.

Весь этот «огород» возглавляет Марко Мюнтенер, опытный винодел, работавший и во Франции, и в Италии, и в Испании. Профессиональное винное дело в Вадуце молодое, поэтому кроме устройства дегустаций герр Мюнтенер ездит по выставкам, чтобы на его вино обратили внимание.

Непросто привить лозу, вырастить вино. А вот продать его еще труднее. В мире переизбыток вина. Очарование достигается не только неповторимым букетом, но и легендой. В буклетах про лихтенштейнское вино, конечно же, все написано. И про особые почвы. И про уникальный климат здешних долин, достаточно снежных зимой, солнечных летом, обдуваемых теплым ветром «фюн», несущим дыхание африканских пустынь из сердца самой Сахары.

Красное здешнее вино кисловатое, но приятное на вкус. Чем дороже бутылка, тем ощущения от вина лучше. Впрочем, у вин Лихтенштейна есть один существенный недостаток. Они по определению не могут быть дешевыми. Производство в горах такое тяжелое, что всего годового урожая хватает примерно на 30 тысяч бутылок. Это, кстати, меньше, чем по одной бутылке на каждого подданного княжества.

Условия превращают виноделие в дорогое удовольствие. Без дотаций, конечно, не обойтись. Но даже с ними каждая бутылка на вес золота и меньше 12 евро ординарное вино стоить

не может. Вот и сравните с ценами Испании от 1 евро за бутылку, Италии — от 3 евро, Франции — от 5. Да, есть вина и за десятки, сотни тысяч. Но это вина культовые, коллекционные.

Марко не отчаивается, у него есть свой аргумент. И главный — это корона князя. Он представляет экзотический напиток из затерянной где-то между Альпами и Рейном крошечной монархии. Разве кто-то устоит, чтобы не попробовать?

Лихтенштейн по территории находится на 189-м месте в мире. Меньше только Ватикан, Монако, Науру, Тувалу и Сан-Марино.

«Мы хотим сделать наше вино предметом роскоши. Но, чтобы попасть в мировую элиту, нужно много работать», — признается Марко.

Один из сподвижников сам князь Ханс-Адам II. Двор ежегодно приобретает сам у себя примерно половину вина для приемов, банкетов. Что касается личных нужд, тут работники винного хозяйства не уверены, пьет ли князь свое вино? Во всяком случае на большинстве фотографий он изображен с бокалом пива.

Впрочем, в торговле вином у Лихтенштейна есть и другие «макроэкономические» трудности. Маленькое княжество, выбирая, с какой из стран идти вместе по жизни, сделало в последние годы ставку на Швейцарию. С республиканской страной монархия заключила взаимный таможенный и пограничный союз. На территории Лихтенштейна, не имеющего собственных денег, в ходу швейцарский франк. До вступления Швейцарии в Шенгенский союз в Лихтенштейн можно было попасть только со швейцарской визой.

Сейчас многое изменилось, и Лихтенштейн можно посетить с шенгенской визой любой европейской страны. Но княжество по-прежнему не входит в Европейский союз, и потому на страну распространяются ограничения в торговле, особенно на товары, которые могут составить конкуренцию продукции ЕС. Поэтому в Европу вина Лихтенштейна не экспортируются. Их везут

в Швейцарию, Великобританию, США, Японию. Если бы Европа открыла свой рынок, вопрос с реализацией был бы решен раз и навсегда. При всем богатстве выбора и разнообразия цен всегда найдется покупатель, которому хочется именно тот товар, который предлагаешь именно ты.

Лихтенштейнское содружество со Швейцарией возникло относительно недавно. Княжество прежде тянулось к Австро-Венгрии. Благодаря этой империи оно и возникло.

Лихтенштейны вообще-то изначально были баронами. Род знатный, старинный, но до определенного времени не входивший в элиту европейского дворянства. Правда, Лихтенштейнов бог наградил уникальным даром. Все они талантливые финансисты. И однажды стали главными экономическими советниками Габсбургов, императоров Австро-Венгрии. И сразу возникла потребность подняться по иерархической лестнице. А то, право, обидно получалось: ссужаешь императора деньгами, а как на бал или к столу — зовут тех, у кого за душой ни гроша, зато титул есть. А ты гадай, пригласят — не пригласят.

Конечно, чтобы реально быть у власти, реально управлять и контролировать финансовые потоки, нужно иметь и влияние, и статус. Все это обеспечивало место в рейхстаге Священной Римской империи — по современным меркам, это что-то вроде сената при императоре. И Лихтенштейны страстно возжелали получить нужный мандат.

Для осуществления этой цели Лихтенштейны купили в 1699 и 1712 годах два феода — Шелленберг и Вадуц. К тому времени в районе Вены у них земли было в десятки раз больше. Но только крошечные Шелленберг и Вадуц на задворках огромной империи оказались теми «золотыми угодиями», которые в 1719 году позволили им добиться княжеского титула и вожделенного положения в обществе.

Любопытно, что веками Лихтенштейны ни разу не навывались в свои княжеские владения. Их больше привлекали дворцы

в стиле барокко под блистательной Веной, чем неуклюжие замки в захолустье на горных вершинах.

Но проигрыш Австро-Венгрии в Первой мировой войне, затем позорный аншлюс вынудил Лихтенштейнов переехать на постоянное место жительства в Вадуц.

Вадуц, хоть и центр богатого государства, все же выглядит скорее деревней, чем городом. Да, многие виллы и здания, особенно построенные в последние годы, поражают смелостью архитектуры. Но все они как-то сами по себе. От города целостного впечатления не остается. Да и какое впечатление, если в столице две улицы: Городская улица и Окружной проспект.

Над городом на горе Три Сестры возвышается княжеский замок, построенный еще в IX веке. Он небольшой, но со всеми положенными атрибутами: мощными стенами, воротами, башнями, донжоном.

По правилам княжества, нельзя подъезжать к замку с главного входа. Поэтому мы пошли по обходной лесной дороге, которая, возможно, находится уже на австрийской территории, и увидели резиденцию сверху. Ни князя, ни княгинь в окнах я не заметил. Удивило, что у стен нет ни почетного караула из гвардейцев, ни привычной полуденной церемонии смены постовых. Замок словно спал. Но по развевающемуся флагу было ясно, что князь дома. Видно, моделирует гениальные финансовые операции, но теперь не для Габсбургов, а для своих новых денежных партнеров.

На воротах традиционно висела предупреждающая надпись: «Внимание, проход запрещен! Частная собственность».

Кто же такие лихтенштейнцы? Об этом за бокалом красного вина мы разговорились в винном погребе с одной из сотрудниц Марко — Барбарой.

«Про лихтенштейнцев говорят обычно, что их отличают два качества: жадность и фюн», — сказала Барбара. Ну, скупердяйство — с этим все понятно: суровая жизнь в горах, нелегкий крестьянский хлеб... По данным европейской статистики, подданные

княжества самые богатые в Европе, их доходы вдвое превышают доходы, например, жителей небедного Люксембурга и в 45 раз больше, чем у молдаван, белорусов и жителей Косово.

А вот что такое «фюн»? Кроме того, что он лелеет виноградники, этот ветер африканских пустынь, говорят, сводит с ума. Он провоцирует смену настроений так же, как перемены погоды. Утром — добрейший человек, а к вечеру вдруг стал на людей бросаться.

Барбара получила образование в Вадуце и австрийском Фельдкирхе, куда ездила на автобусе, благо это несколько километров от ее дома. В Лихтенштейне никакого другого транспорта, кроме автомобильного, нет. Ни собственной железной дороги, ни аэропортов. Если куда-то нужно уезжать, приходится переходить границу, отправляться либо в Австрию, либо в Швейцарию.

Сама девушка имеет два паспорта — подданной княжества и гражданки Швейцарии. Признается, что национальным лихтенштейнским практически не пользуется. «За границей на него смотрят как на чудо дивное. Дольше объяснять, чем протянуть швейцарские корочки».

Но сама Барбара считает себя ни швейцаркой, ни австрийкой, ни немкой, а именно лихтенштейнкой — алеманкой. Своих узнает по диалекту немецкого.

А вот уезжать с родины не намерена, хотя в Вадуце жизнь не такая активная, как в приграничных австрийских или швейцарских городах, где проживают вдвое больше народа, чем во всем Лихтенштейне. Нигде за границей она не найдет такой хорошей работы. Напротив, именно в княжество едут иностранцы каждый день из приграничных районов на заработки.

Последний тост мы подняли, повторяя девиз карликовой страны: «За бога, князя и Отечество!».

заметки на полях

Откуда у маленьких стран берется богатство? Понятно, когда у Бахрейна: копнули поглубже, а там нефть. А у Лихтенштейна? Есть долина, пастбища с сочными травами, река. Но вокруг горы: камни и снег.

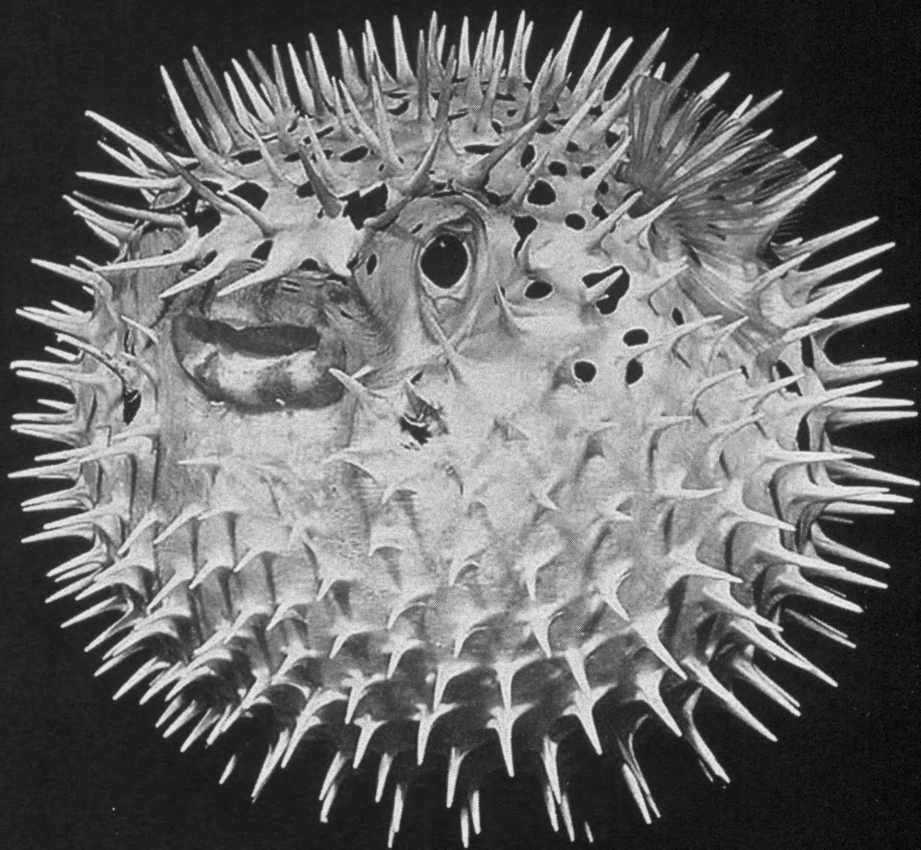
После Второй мировой войны в Лихтенштейне открылись производства высокоточных приборов. Сегодня они формируют треть доходов карликового государства. Еще треть – выпуск редких коллекционных марок. Филателисты всего мира мечтают попасть в круг

подписчиков тех серий, которые выпускает княжество ограниченными тиражами. Печатать марки выгоднее, чем деньги. Во всяком случае активность печатного станка не провоцирует инфляцию.

Наконец, последняя треть доходов княжества – это чистая прибыль от открытой финансовой политики. Лихтенштейн одна из трех европейских стран (еще Монако и Андорра) с «налоговым раем», куда благодаря существенным льготам буквально рвутся все богатеи континента.

Маленькие страны могут позволить себе то, о чем большие державы с их «взрослыми» проблемами даже подумать не имеют права. Как только Франция в период кризиса заявила, что рассматривает проект нового налогообложения и миллионеры будут платить налог 75 процентов, миллионеры в одночасье перевели свои фирмы в другие страны, в том числе и в Лихтенштейн.

Так что князь может позволить себе некоторые приятные ему хобби. Например, собирать шедевры искусства. Его коллекция одна из лучших в мире, есть тут и Брейгель, и Леонардо. Или заниматься виноделием.

Фугу сфотографировал в музее. Даже когда она засушена
и на ниточке, все равно выглядит жутко

Япония

Рыбный день в Токио

В прошлом веке японцы, согласно официальной статистике, выросли более чем на 10 см. И это вполне закономерно — всемирная акселерация.

Но вот что любопытно: если в других странах население вместе с ростом вверх стремительно набирало и вширь, у японцев этого не произошло. У нации почти идеальное соотношение роста и веса. Судите сами: в 1900 году мужчины островов при среднем росте 160,9 см весили 53 кг (женщины — 147,9 см и 48 кг), а в 1999-м японцы «приподнялись» до среднего 171,9, набрав 65,8 кг (японки — 158,6 см и 50,6 кг). Объяснить это можно прежде всего здоровым образом жизни нации и особенностями ее питания.

Японская кухня уже сама по себе достопримечательность. Рис, овощи, рыба, морепродукты — главные ее составляющие. Позже у китайцев позаимствовали лапшу, у европейцев — хлеб. Но это не изменило коренным образом основополагающие принципы питания. Больше всего японцы ценят в продуктах свежесть и натуральность, поэтому готовят так, чтобы сохранить и подчеркнуть естественный вкус каждого ингредиента.

Их нередко называют «сыроедами». Нарезанная тонкими ломтиками сырая рыба — сасими, приправленная очень «злым» местным хреном васаби, — излюбленная еда в каждом доме. Знаменитые суси — рисовые комочки все с той же рыбой или другими только что выловленными обитателями морей — готовят, как правило, в выходные и по праздникам. «Это для нас лакомство», — уточняют японцы.

По потреблению рыбы жители островов, безусловно, среди мировых лидеров. По данным все той же статистики, рынки страны продают морепродуктов вдвое больше, чем мяса. А с появлением информации о коровьем бешенстве потребление говядины, а заодно свинины и баранины вообще резко сократилось.

Кстати, рыбные рынки Токио знамениты не меньше, чем театры кабуки или храмы и дворцы Киото. На рынки даже туристов водят. Правда, заранее предупреждают о некоторых неудобствах.

Чтобы почувствовать колорит рынка, сюда нужно приехать в пять утра. Понятное дело, стоит позаботиться и об одежде — в вечернем туалете на подобную раннюю экскурсию лучше не отправляться. Но зато резиновые сапоги для туристов всегда в наличии. Любопытно, что в местных магазинах обувь больших размеров, по вполне естественным причинам, найти достаточно сложно. В гардеробе же рынков сапог 44-го, 45-го, даже 46-го — сколько хочешь.

Сложно описать ощущения, которые испытываешь, вышагивая вдоль километровых рядов с шевелящимися осьминогами, креветками и взирающими на тебя из аквариумов ядовитыми фугу.

Фугу — и гордость японской кухни, и ее злой рок. Ежегодно десятки людей умирают, откушав костлявого мяса этой рыбы. Не всякий даже в Японии знает, как ее правильно приготовить. А в хребте рыбы содержится нервно-паралитический яд, способный мгновенно отравить человека. Несколько лет назад правительство страны приняло даже специальный декрет, запрещающий готовить фугу без лицензии... Но трудно объяснить пристрастие местных поваров к этой плавающей «русской рулетке». Видно, все дело в характере японцев, фаталистов по своей сути. Кстати, любимой рыбе в Токио даже установили памятник.

Да, мир японцев — это их мир, в который иностранцам вписаться непросто. Ощущаешь это даже на рынке. На пришедших сюда ради экзотики европейцев никто внимания не обращает.

Продавцы занимаются своими обычными делами: освежают водой «живые» прилавки, разделявают тушки, взвешивают красную икру. Можно остановиться и даже потрогать какую-нибудь каракатицу. Тебя словно нет! Однако стоит появиться хозяйке с авоськой — весь ряд оживает. Продавцы хватают из шевелящейся массы нечто, что попадет под руку, и, перекрикивая друг друга, перевешиваются через прилавок, словно силась взлететь. Но как только женщина остановилась перед каким-нибудь из торговцев, остальные моментально смолкают и снова с безразличным видом погружаются в свое хозяйство.

Но самое интересное на рынке — рыбный аукцион. На нем продается «крупный товар». В основном тунец. До начала аукциона покупателям предоставляют возможность ознакомиться с уловом.

О начале торгов возвещает поднимающаяся суета. Даже в век компьютеров они происходят по старинке. Аукционист в круглых очках с листком в руках подходит к каждой рыбе. Свои слова он произносит негромко. Покупатели, напротив, отчаянно жестикулируя и крича, стараются перехватить товар друг у друга. Так процессия идет от тунца к тунцу. На проданной рыбе маркером наносят номер покупателя или его имя. Позже за «добычей» приедет носильщик и на старомодной узкой и длинной тележке отвезет многопудовую тушку к автомобилю...

Японцы едят в основном свежую рыбу и покупают ее именно на рынках, а не в магазинах. После аукциона туристов стараются увести в отели, поскольку с этого момента в рядах начинается подлинное столпотворение. А часов в одиннадцать рынки пустеют. До следующего утра.

Удивительно, но прогулка по рынку не перебивает аппетит. Напротив — всех этих крабов, креветок, мидий, кальмаров, осьминогов и даже страшную рыбу фугу хочется попробовать.

Это можно сделать, например, в ресторанах, достаточно дорогих и медлительных, поскольку во время еды нужно соблюсти

множество церемониальных условностей. А можно отправиться в местную закусочную. Как в любом городе мира, в Токио есть свои фаст-фуды. Конечно, это и вездесущие «Макдоналдсы», и пиццерии. Но есть закусочные с национальным колоритом. Например, «сусичные». Особенно их много в районе Сибуя, где главным образом живет только что начавшая самостоятельное хозяйство молодежь.

У входа в одно из таких заведений стояла очередь. Маюсь в ней, можно было прочитать объявления для посетителей на японском и английском. Одно объясняло, что каждое суси — 100 иен (около 1 доллара). Другое рядом сообщало: расплатиться каждый клиент должен не менее чем за семь суси. Съесть, конечно, вы можете хоть одну-две, но заплатите по минимуму 700 иен. За большее количество скидки не предоставляются. И, наконец, последняя вывеска напоминала уже наш, отечественный, общепит. Строгая надпись гласила: «Уважаемые посетители, ввиду большого количества клиентов потребляйте пищу как можно быстрее. В нашем заведении установлены нормы — 7 суси нужно съесть за 20 минут, 7–10 — за 30 минут». Сколько времени отводится на большее количество — написано не было. Дело, наверное, в том, что нормальный человек может съесть 4–5 суси. Запихнув в себя 7 штук, наедаешься до отвала. А десять — пожалуй, уже обжорство.

Очередь двигалась быстро. Когда пришел наш черед, хозяин, широко улыбаясь и кланяясь, показал нам еще раз на все вывески и осведомился, все ли мы поняли. Мы кивнули. Тогда, не переставая кланяться, он пригласил нас внутрь.

«Сусичная» напоминала бар средних размеров. За стойкой, выстроенной буквой п, усаживались посетители. Внутри сноровисто работали повара. Они руками в пластиковых перчатках катали шарики из клейкого японского риса. Местный рис не рассыпчатый, как вьетнамский, а очень похож на наш Краснодарский. Сверху повара мазали немного васаби и шлепали что-нибудь

из морепродуктов, иногда заворачивали суси в нечто похожее на копировальную бумагу. «Это можно есть?» — поинтересовался у местных. «Конечно, это сушеные морские водоросли», — объяснили мне.

Мы уселись на довольно узкие высокие табуреты. Суси и баночки с колой, соком на блюдечках проплывали мимо по встроенному в стойку конвейеру. Каждый посетитель обслуживал себя сам. Для этого перед каждым местом — чашки, краник, откуда можно налить бесплатного зеленого чая, склянка с соевым соусом, упаковки с ароматизированными салфетками и стаканчик с одноразовыми палочками для еды — хаси. Ни вилок, ни ножей, ни даже ложек нет, сколько не ищи.

В принципе система удобная. Берешь что хочешь, наливаешь чая, сколько можешь выпить. По количеству тарелочек на кассе рассчитываешься за обед.

Суси по конвейеру плыли самые разнообразные: с осьминогами, лососем, икрой, креветками, гребешком морского конька, мясом морского ежа, копченым угрем и прочим, прочим. Однако рядом со мной села пожилая японка. И только я присматривал какую-то порцию, она хват — и к себе. Можно было бы, конечно, заказать желаемое прямо у повара, что, собственно, многие и делали, но без знания японского как скажешь: «Хочу суси с тигровыми креветками»?

Так, борясь с непослушными хаси, косясь на проворную соседку, я потерял полчаса. При этом груда блюдечек у старушки росла, а у меня едва ли накопилось их четыре-пять штук. К счастью, грозные вывески при входе — всего лишь благое пожелание хозяев, никого из «сусичной» по простествии положенного на подавание еды времени не выгоняют.

Вечером в Токио оживают рестораны. Их тысячи. И у входа в каждый не только подробное меню на многих языках, но и образцы подаваемых блюд. Есть тут и толстая лапша удон из обычной муки, и тонкая лапша соба — из муки гречневой, и суп мисо-сиру

из сушеных и размельченных морепродуктов, и тэмпура — жаренные в кляре овощи или рыба, и обязательно все те же суси, сасими, другие блюда из плавающей живности. Тут же можно отведать кислотоватого местного пива или даже заказать крошечный кувшинчик с самым крепким 25-градусным саке. Несмотря на огромное количество заведений, место для ужина, если оно не заказано заранее, найти непросто. Едят японцы много. Но почему-то не толстеют! Если, конечно, не считать борцов сумо, являющихся национальной гордостью Страны восходящего солнца.

Суперпоезд, похожий на стальную сигару, мчался со скоростью около 500 км в час из Киото в Токио.

На электронном табло по-японски и английски мелькали названия убегающих населенных пунктов. Публика ехала разная. Серьезные деловые люди, которые, как только плюхнулись в кресло, тут же раскрыли свои ноутбуки... Молодежь жужжала о чем-то своем по видео (!) сотовым телефонам... Степенные старушки палочками цепляли суши из деревянных дорожных коробочек...

И вдруг... Что такое? Вся японская публика вскочила и, давая друг другу ноги, бросилась к окнам. Вдалеке смутно вырисовывались контуры горы. «Фудзи! Фудзи!» — вопили и бизнесмены, и старушки, и отвязная молодежь. Весь вагон потонул в восторженном оре. И только великая Фудзияма проплыла за окном в тумане и спокойствии.

В Токио наша переводчица Айя, прежде зарекомендовавшая себя вполне сдержанной и даже строгой барышней, но по дороге из Киото показавшая, что где-то в ней все-таки живет оторва из младшей группы детского сада, почему-то решила

извиниться: «Вы думаете, что мы, японцы, очень дикие? Но Фудзи для нас святое».

Я постарался поскорее прервать неловкость и рассказал известную историю про Пушкина, радовавшегося очередному творческому успеху. Подчеркнув для верности, что, как известно, «Пушкин — наше все» и ничто не способно посрамить величие его имени. «Что, так прямо и сказал: «Пушкин, сукин сын?»» — Айе исторический анекдот очень понравился, и она успокоилась.

А вы говорите: загадочная русская душа! В любом народе живут сомнения и переживания, которые другим не дано ни понять, ни даже почувствовать.

Без вертолета или не поднявшись на соседнюю гору, Нойшванштайн не сфотографировать. Зато можно купить открытку: хочешь современную, хочешь – репринт старинной.

Германия

Принц-лебедь

Галина предложила встретиться в кафе на Мариенплатц. Мы уже приехали на место и потягивали кофе, когда она позволила. Как обычно, скороговоркой выпалила: «Я совсем забыла, сегодня 25 августа. У нас день рождения кормильца. Так что гуляйте без меня, я уехала в горы, увидимся завтра».

Что за новый родственник Галины? Какой кормилец?

Надо заметить, что Галина отличается гиперответственностью. И уж если она не пришла, значит, случилось что-то сверхординарное.

На следующий день она объяснилась. 25 августа — день рождения бывшего короля Баварии Людвига II. И стоило ли ради какого-то незнакомого дядьки, жившего полтора века назад, отказываться от встречи с друзьями?

Бавария какое-то время была независимой страной. Может, так бы и оставалась — территория этой самой большой федеральной земли Германии не уступает по размерам многим европейским государствам. Но Баварии катастрофически не везло с правителями. Один увлекся испанской танцовщицей, да так, что отрекся от престола и уехал из страны. Другой оказался слаб здоровьем. Как только началась очередная война — а их в XIX веке было немало, — разволновался и помер. Его наследники оказались психически неуравновешенными. Фактически страной правил их дядя, который, к слову, оказался дальновидным и мудрым политиком. Вот уж действительно тянул, как мог, отчаянно сопротивлялся попыткам Бисмарка навязать Баварии волю Пруссии. И все же,

дожив до 91 года, дядя-регент мирно скончался. И Германия очень быстро поглотила бесхозное королевство.

Мы решительно не понимали, что же так взбудоражило интерес к королям, которых можно было представить героями оперетты, но не Галиными кумирами. Женщина образованная, бескомпромиссная и умная, она же все это не всерьез?

Но Галю словно подменили. Помню, как несколько лет назад в первый приезд в Мюнхен я спрашивал нашу подругу о замке Нойшванштайн. Фото этого стилизованного под средневековые крепости роскошного дворца постоянно попадались на глаза. Я же впервые узнал о нем в... парижском Диснейленде. Говорят, именно Нойшванштайн послужил прообразом замка Спящей Красавицы в парке развлечений.

Тогда Галя была категорична: не стоит тратить время, далеко, дорого и неудобно добираться, да и смотреть особо нечего — сплошной китч и бутафория. Ну мы и не настаивали...

И вдруг, спустя несколько лет, сама Галина торжественно заявляет: «Нам надо обязательно съездить в Нойшванштайн». Сейчас аргументами «за» стали: настоящая сказка, воссозданная в камне, подлинный шедевр, сплошное великолепие. Короче, надо ехать, несмотря на то что далеко, дорого и неудобно добираться.

Нойшванштайн — воплощенная мечта короля Людвига. Именно того самого, у которого 25 августа день рождения. Имя Людвига сейчас в Баварии стало по-настоящему культовым. На нем зарабатывают миллионы. Поэтому в день рождения Людвига в романтических местах Альп встречаются все, кто занимается туристским бизнесом, и шумно славят своего кормильца: возлагают цветы к его монументам, жгут свечи, пиво пьют, колбаски жарят.

В нежданно нахлынувшем туристском буме больше всего оказались нужны специалисты с русским языком. Галина засела за путеводители и вскоре попала в самый эпицентр тусовки гидов и переводчиков. Теперь она ас, а ее безотказность, фантастическая

пробивная способность, помноженные на неумную энергию, позволили стать весьма востребованной.

Галина записала нас на экскурсию в полдень в будний день. Но мы долго пробирались по пробкам, потом искали дорогу в путанных развилках баварского приальпья. Галинин муж возмущался, почему она не знает, как проехать. «Я всегда спиной к дороге. Я смотрю в глаза туристов», — парировала Галина... Короче, мы опоздали примерно на час.

Нойшванштайн не Эрмитаж и не Лувр. В него просто так не пройдешь, только с экскурсией по 12 человек. В бюро, распоряжающееся формированием групп, очередь стояла, не протолкнуться. Но Галина даже не собиралась ее выстаивать. Молча отодвигая китайцев, японцев, американцев и ошарашенных немцев, она уже через несколько минут вынесла билеты на ближайшее время, какое было.

«Да, придется еще два часа ждать. Но те, кто стоит в конце, скорее всего, сегодня уже в замок не попадут. В пять он закрывается», — дивное свойство Галины все превращать в безоговорочную тотальную победу.

Впрочем, два часа у подножия Лебединого утеса — не такой уж большой запас времени. Замок расположился на самой вершине. До него километра полтора нужно идти в гору.

Конечно, кому тяжело, тот может воспользоваться местным «подкидышем». Поближе к вершине подвозят на тележке, запряженной двумя конями-тяжеловозами. Но к возницам очередь. К тому же все равно своими ногами потом приходится преодолевать не меньше полкилометра. Лучше уж не расслабляться.

По лесной дороге тянется целая процессия странников. Башенки Нойшванштайна то появляются в вершинах деревьев, то скрываются в них. По сути, идешь в неизвестность. Что тебя там ждет? И стоит ли оно таких усилий? Может, права Галина вчерашняя, отвергавшая даже попытки думать о поездке в Нойшванштайн.

Галина сегодняшняя без умолку знакомила нас с Людвигом. С детства его окружали старинные сказки и легенды. Монаршая чета принцем почти не занималась. Король-отец спорил с парламентом. Королева блистала в свете. Принц искал утешение в сказках и легендах. Людвиг настолько отдалился от матери, что, заняв престол, называл ее не иначе, как «вдова прежнего короля».

Идти по горной дороге становилось зябко. Пошел мокрый снег. Мы сами не прочь были как по волшебству переместиться к теплому камину, горячему чаю или кофе. Как всюду в Германии, о том, что ты близок к цели, извещает кабачок. Уже практически на вершине, перед самым поворотом дороги к замку расположился ресторанчик, набитый людьми. В воздухе соблазнительно запахло карамелью. Прямо на улице жарили пончики, окуная их в сладкие сиропы. А внутри у камина подавали и чай, и кофе, и грог, и глинтвейн.

А у ворот замка творилось такое столпотворение, будто мы попали на распродажу. Во двор, откуда начинались экскурсии, было просто не войти. Если такой ажиотаж в будний день, что же творится в выходные и праздники?

Впрочем, те, кто преодолел дорогу в гору, получают заслуженное вознаграждение. Замок стоит на плато, обрамленном поросшими лесом горами. Слева — ущелье, образованное горной рекой, берущей свое начало от 45-метрового водопада. Над всем этим великолепием натянут подвесной мост. Невольно в ушах сам собой начинает звучать Вагнер.

Собственно, именно музыка Вагнера сыграла в судьбе Людвига то ли счастливую, то ли роковую роль. Согласно легенде, юный принц в 16-летнем возрасте побывал на премьере оперы «Лоэнгрин». Благородный рыцарь, несчастная принцесса, заколдованный в лебедя принц. Коварство и любовь, подлость и честь... Людвиг навсегда попал в плен этого сказочного мира.

Став королем, он с завидным упорством начал воплощать свои сказочные мечты в реальность. Впрочем, не везде

успешно. В политике он хотел провести ряд реформ, но натолкнулся на яростное сопротивление правительства и парламента. В военном деле — тоже фиаско. Людвиг проиграл несколько кампаний. В результате Бавария подписала унижительные мирные договоры и вынуждена была выплачивать миллионные контрибуции победителю — Пруссии.

Не везло Людвигу и в любви. Ему сосватали красавицу-принцессу Софию. Назначили дату, подготовили золотую карету, выпустили памятные монеты. Все ожидали чего-то чудесного, торжества, не уступающего по масштабам венчанию дедушки Людвиг короля Максимилиана. Его свадьбу вспоминают до сих пор, ведь именно с нее зародилась традиция проведения грандиозного пивного праздника Октоберфест, который спустя уже двести лет собирает в Мюнхене миллионы участников. Но за несколько дней до торжественного часа Людвиг расторг помолвку. Без объяснений. До сих пор остается загадкой этот его поступок.

Кто-то считает, что истинный романтик Людвиг не мог и не хотел жениться без любви. А кто-то утверждает, что всплыли некоторые щекотливые детали. София сразу после помолвки вступила в сомнительные отношения с сыном придворного фотографа. Может, об этом узнали? Как бы то ни было, после скандала с Людвигом Софию быстро выдали замуж за всеми уважаемого графа. Но ее женские слабости в течение всей последующей жизни роняли тень на репутацию великосветской дамы.

Муж-граф отправлял даже Софию в психиатрическую больницу лечиться от нимфомании. Но эта история уже не имеет к Людвигу абсолютно никакого отношения.

Разочаровавшись в политике и любви, Людвиг сосредоточился на покровительстве культуре и искусству. Он пригласил в Мюнхен Вагнера и многие годы был его меценатом. Именно благодаря Людвигу были созданы самые известные вещи композитора. А на альпийском «пяточке», на Лебедином утесе, Людвиг начал воздвигать великолепный замок.

Место король выбрал не случайно. Он рос в замке Хоэншвангау, расположенном у подножия Лебединого утеса. Много гулял по лесам и, конечно, видел развалины некогда величественных крепостей. Они когда-то охраняли старую дорогу, ведущую из Рима в северные провинции античной империи. Торговые караваны шли по ней один за другим.

...Экскурсии в Нойшванштайне идут словно по конвейеру, одна за другой. Каждый турист получает персонального электронного поводыря: черную коробочку с наушниками. Электронные гиды есть не только на ведущих языках Западной Европы, но и на русском, японском, китайском. Галина отодвигает пальцем наушник от моего уха и продолжает страстно шептать. Людвиг не любил свет. В свой замок в горах он сбежал от шумного Мюнхена, светских вечеринок. Все хотели завязать дружбу с молодых самодержцем. А он, видя фальшь и подлость аристократической тусовки, люто возненавидел свет. Зато простой люд его любил. И народ к нему тянулся. Века пережила история, как во время первой и единственной поездки по Баварии он увидел плачущего мальчика. Приказал остановить карету, вышел и подарил пацану золотые часы. Высокого, статного молодого короля народ воспринимал как святого.

На нас зашикали: мешаем.

«Да, — сказала в голос Галина, глядя в глаза какой-то японки, — как святого. Именно как святого». Японка отвела взгляд и спряталась за спину подруги. Дальше из зала в зал мы переходили буквально на цыпочках. Я следил за дистанцией. Особенность экскурсионного конвейера в том и заключается, что чуть поспешишь — упреешься во впереди идущих, задержишься — на пятки наступит следующая группа.

Немцы считают Нойшванштайн чудом света. Конечно, в каком-то роде он повторяет, копирует старинные рыцарские замки. Но вместе с тем и многократно их превосходит. Объясняется этот феномен очень просто: Нойшванштайн строили

с применением самых современных для своего времени технологий. Например, камни на вершину поднимал паровой кран — самый мощный тогда в мире. Механизмы XIX века, конечно, несравнимо увеличивали возможности строителей по сравнению с временами рыцарей.

Вот почему башни Нойшванштайна выше, чем у прототипов, залы просторнее, а сам замок при этом выглядит легким и воздушным, словно парит над горами, потрясая своей стройностью и белизной.

Но внутри замок кажется слишком мрачным. Парадные залы, кабинет, спальня — все эти помещения выполнены в готическом стиле. Дубовая резная мебель, тяжелые шторы, резные потолки, витражи, картины на сюжеты старинных легенд... Из всего этого единообразия выбивается только искусственный грот с фонтаном, построенный внутри королевских покоев. Говорят, король мечтал встречать гостей в своей пещере, выплывая к ним в лодке, запряженной лебедем. Совсем как легендарный Лотаринг.

В это время во Франции и Испании входит в моду новый стиль арт-деко, он тоже использует витиеватые узоры, витражи, различные сочетания камня, дерева и ковки. Но здания в стиле модерн будто светятся изнутри. А в псевдоготике, если ее сравнивать с застывшей в камне музыкой, нет-нет и проскользнут траурные нотки.

В своем замке Людвиг прожил меньше полугода. И никто к нему в гости не навещался. Больше того, король по-прежнему сторонился людей. Даже слугам было приказано без необходимости не появляться на глаза монарха.

В молодости Людвиг был истинным красавцем, высокий, под два метра ростом, стройный, с ясным взором светлых глаз... А к сорока он отяжелел, лицо оплыло.

Королю приписывали пороки — внезапные порывы гнева, пьянство, гомосексуализм... Было это, не было?

Но фактом является то, что траты короля-мечтателя поставили Баварию на грань банкротства. Парламент и правительство решили сместить Людвига. Возможно, в тот момент и появились многие наветы в адрес Людвига.

События развивались стремительно. Поначалу известие о том, что его объявляют недееспособным, взбесило короля. Людвиг даже собрал окрестных крестьян, прислугу, местную полицию с намерением обороняться. Но на следующий день он покорился судьбе и позволил увезти себя из Нойшванштайна. А еще через день Людвига и лечащего врача нашли утонувшими на мелководье озера Штарнберг, куда короля отправили в ссылку «на лечение». Следствие ведется до сих пор. Рождаются новые и новые версии.

Без хозяина стройку Нойшванштайна завершили. Через некоторое время начали водить по нему экскурсии за деньги. В Певческом зале — проводить концерты и музыкальные фестивали. Замок зажил своей жизнью. Ему стали приписывать чудеса. Например, что русский Чайковский так восхитился его лебединой статьей, что написал балет «Лебединое озеро». Правда, это не сходится с версией самого Петра Ильича. Он говорил, что вдохновил его заводской пруд за помещьем, в котором он вырос. В общем, в России есть свое Лебединое озеро. И собственные трагические истории, связанные с ним...

Почему же спустя столько лет именно Людвига человеческая память вернула из забвения? Ведь все короли Баварии зарекомендовали себя как большие оригиналы.

Наверное, бессмертие Людвигу обеспечило то же, что его и погубило. Мечтательность и романтическое отношение к жизни. Многим сегодня хочется верить, что принц-лебедь хотел стать хорошим королем, осчастливить свою страну. И не случись его смещения, гибели в расцвете сил, какое будущее могло ожидать Баварию? Особенно в XX веке, который королевство жило уже в составе Германии и Третьего рейха. Таким не простым для всей Европы веке.

В Баварии существует довольно любопытный туристский маршрут — «Романтическая дорога». Он берет начало от Альп, проходит, кстати, через Нойшванштайн и завершается на севере этой западногерманской земли.

За несколько дней путешественники могут побывать в 30 старинных городах. Большинство из этих городов пережили период своего расцвета в средние века.

То, что они не развивались, спасло эти города

во Вторую мировую войну. Они не подвергались ковровым бомбардировкам союзников, поскольку не имели стратегического значения. Сегодня они переживают подлинный ренессанс — туристический.

Наверное, самый интересный город на всей «Романтической дороге» — Ротенбург.

Особая гордость Ротенбурга — местное лакомство, прозванное «снежками». Полоски теста, напоминающие наш хворост, жарят

во фритюре в специальных круглых формах. Получается шар размером с большое яблоко. Его начиняют орехами, шоколадом, марципаном, обильно посыпают сахарной пудрой. Хрустящий и рассыпчатый деликатес очень хорош с горячим кофе или чаем.

Каждый час на ратушных часах начинается кукольное представление, разыгрывающее реальную историческую сценку. В 1631 году во время Тридцатилетней войны командующий армией католиков фельдмаршал Тилли захватил протестантский Ротенбург. Город ждала страшная участь. Буквально за несколько месяцев до этого ландскнехты — наемники армии Тилли — разграбили Магдебург, истребив практически все население. Но в Ротенбурге Тилли предложил сделку: если кто-то выпьет до дна трехлитровый бокал вина, он пощадит жителей. Надо сказать, что жители Ротенбурга вина не пили, предпочитая пиво. Но бургомистр Нуш вызвался пройти испытание и осушил бокал. Тилли свое слово сдержал и покинул Ротенбург. А Нуш стал героем в веках, хотя выжил после бокала с трудом.

Испания

Шаверма имени Хемингуэя

В Памплону мы отправились наудачу. Когда у знакомых спрашивали, как лучше из Биаррица добраться до Испании, они делали серьезное лицо и, подумав, изрекали: наверное, лучше взять напрокат машину. Но мы не хотели связываться с автомобилем. Не так-то просто отправляться на нем по незнакомой местности, тем более в горах. К тому же даже беглые подсчеты говорили о том, что такая поездка влетит в копеечку. Прикиньте: прокат, недешевый бензин, проезд по платным дорогам, проблемы с автостоянками в городах.

А нам хотелось путешествовать по-молодежному, налегке...

Короче, не добившись ни от кого правды и дельного совета, в Испанию поехали без плана и четкого представления, каким транспортом доберемся, где будем ночевать, где сможем перекусить.

Сначала поездом за десять евро добрались до границы. Здесь французский городок Андай плавно перетекает в испанский Ирун. У выхода с вокзала стояли несколько припаркованных автобусов. За 1 евро они везли в торговые моллы на испанской территории. Французы часто приезжают на границу за покупками. В Испании все гораздо дешевле.

Мы метнулись к автобусам. Но водители на ломаном английском объяснили, что нам совершенно не обязательно соваться в Ирун.

Проще пройти пятьдесят метров и сесть на поезд-подкидыш до Сан-Себастьяна. Действительно, за вокзалом обнаружилась

будка, чем-то напоминающая строительный вагончик. В будке продавали билеты на ожидающий пассажиров поезд. До Сан-Себастьяна билет стоил 1 евро 70 центов на человека.

Путешествие началось вполне споро. Не прошло и часа, а мы уже оказались в самом сердце знаменитого испанского курорта. Так едем или нет в Памплону? — задали мы себе вопрос. Указатели у вокзала давали направления — в одну сторону 20 минут ходьбы до центра города и пляжа, в другую сторону 20 минут до автостанции.

Все-таки решили провести разведку. Вдруг до Памплоны и не добраться? Но все выглядело вполне бюджетно: один билет на автобус 7 евро 40 центов. Автобусы ходят каждые два часа. Что ж, при таком варианте Памплону никуда не денется, можно позволить себе искупаться в Бискайском заливе.

Дорога в центр Сан-Себастьяна поражает чистыми бульварами с великолепными пяти-шестиэтажными зданиями в стиле арт-деко. Шикарные магазины, уютные кафе. Но на улицах почему-то немногочленно. Только какие-то клерки в хороших деловых костюмах вдруг выскочат из одного здания и нырнут в другое, да вездесущие старушки в жакетах с меховыми воротничками выгуливают своих крошечных мопсов.

Сан-Себастьян и не собирался становиться курортом. Жил себе как город-порт, город-крепость много веков. Но однажды французская императрица Евгения, по происхождению испанская графиня Монтихо, привезла сюда своего мужа Наполеона III. За венценосной парой потянулась и придворная тусовка, бомонд. С тех пор Сан-Себастьян стал королевским курортом. Это когда днем все в плавательных костюмах, а как стемнеет — в смокингах и вечерних платьях.

Невольно возник вопрос: как впишемся мы со своим рюкзаком? Впрочем, атмосфера города вполне демократична. Туристов много, а среди них и господа в белых штанах и туфлях из крокодиловой кожи, и студенты в джинсах и шлепанцах на босу ногу.

Мы не заказывали гостиницу и в поисках ночлега стали заходить во все гостиницы и пансионаты подряд. В отелях цены были достаточно высокими, в пансионатах, занимавших этаж-два в обычных жилых домах, — вполне приемлемыми. Однако в одном месте комната оказалась без окон, в другом — душ и прочие удобства общими. Приемлемый по цене и качеству пансион мы нашли в старом городе недалеко от базилики Святой Богородицы, построенной аж в XVI веке.

На дворе стоял сентябрь. Погода менялась: то светило солнце, то вдруг все заволакивало тучами и начинал накрапывать дождик. У Сан-Себастьяна два пляжа. Один океанский. Тут волны вставали в человеческий рост, купаться было практически невозможно. Только серфингисты точками лежали вдалеке на своих досках, ожидая настоящей волны.

Другое дело знаменитый пляж «Ла Конча». Он переводится как раковина. И действительно на нее похож. Со стороны города «Ла Конча» обрамлен набережной с красивыми ограждениями и изысканными фонарными столбами. Со стороны берега дугой тянется арочная галерея с проходами к кабинкам для переодеваний. От океанских волн пляж защищен островом, который, как жемчужина, украшает вид на океан.

Купающихся были единицы, хотя народу на пляже собралось немало. Вода оказалось теплой, наверное, даже теплее, чем в тот день температура воздуха. Но главный сюрприз — это песок. Мелкий, золотистый, постоянными отливами и приливами он был утрамбован так, словно под ногами расстиралось бетонное покрытие. Причем он таким оказался не только на пляже, но и в воде.

На юге быстро темнеет. Зажглись фонари. Пляж опустел, остались только парочки влюбленных. Зато ожили спящие днем улочки. Все-таки Сан-Себастьян — испанский город. А сиеста тут святое. Днем казалось, что здешний торговый мир ограничен брендовыми магазинами и бутиками. Но гуляющей публике

раскрылись сотни лавок, магазинчиков, кафе, рестораничков и таверн. И в эти счастливые часы тот, кто впервые в Испании, имеет шанс познать мир топасов.

Ох, не надо кусочничать. Ох, нельзя есть всухомятку. Но как это вкусно! На барной стойке всех заведений на тарелках были выложены маленькие бутербродики: с сервелатом, хамоном, красной рыбой, сардинами, анчоусами, креветками, крабовыми салатиками. Все это достаточно дешево, разнообразно. А с бокалом испанского вина — тоже невероятно дешевого — просто сказка!

В Сан-Себастьяне даже организуют специальную экскурсию по местным барам, чтобы ознакомить туристов с разнообразием топасов. Активнее всех в эти гастрономические туры записываются американцы. Вскормленные на гамбургерах, они набивают рот сразу несколькими бутербродами — «уплочено же!» — и шумно запивают эту кашу колой. Испанцы предпочитают топасы с сыром и помидорами, жареным перцем и анчоусами. Возьмут парочку, по бокалу вина и часами переливают речи на своем певучем языке.

Кроме пляжного отдыха Сан-Себастьян предлагает экскурсию в один из крупнейших в Европе океанариумов, тур по средневековым базиликам. А любители кино в Сан-Себастьяне имеют шанс походить тропами звезд. Вот уже шестьдесят лет в этом городе проходит один из самых знаменитых в мире кинофестивалей.

Сан-Себастьян оказался нечаянной радостью. Но нашей целью была Памплона. И уже утром почти пустой автобус натужно тащился в горы. Чтобы попасть в столицу Наварры, требовалось переехать несколько горных хребтов. Все полтора часа пути я ерзал в кресле и терзался сомнениями. Смущала запись в билете: «Pamplona — Iruna». Я хорошо помню, как из Франции, пересекая границу, мы чуть не попали в Ируну. Не туда ли мы едем теперь?

А автобус уже колесил по «спальным» районам города, которые во всем мире похожи — многоэтажные дома, большие супермаркеты, перекрестки с маловыразительными памятниками или фонтанами. В завершение пути мы юркнули в подземный

паркинг и остановились. Автовокзал находился в месте, абсолютно лишенном каких-либо особых примет. Водитель вышел из машины и открыл багажное отделение. Я поспешил к нему: приехали?

«Си, сеньор», — с достоинством ответил шофер.

«Это Памплона?» — уточнил я.

«Си, сеньор», — подтвердил шофер.

«Столица Наварры?» — не унимался я.

«Си, сеньор», — с иронией ответил шофер.

Злую шутку, оказалось, сыграло следующее. С недавних пор испанский парламент признал права басков — представителей древнего народа, проживающего на севере страны, — на использование их родного языка. Поэтому на всех вывесках теперь пишутся не только испанские названия, но и их местные эквиваленты. Памплона существует с древнеримских времен, но баски называют ее Ирунья. Вот такая толерантность.

В сентябре турист в Памплоне гость редкий. Потому и автобус пустой, потому и в гостиницах мест сколько хочешь. В винных лавках бешеные скидки: бутылка вина от 1,5 евро. Продавец советует: возьмите вон то за 1,75, оно, конечно, дороже, но гораздо лучше.

В ресторане в меню написано: «стейк». Просим стейк. Официант улыбается: «Простите, сегодня корриды не было. Поэтому говядины нет».

Официант шутил. В мертвый сезон рестораны стараются лишнего не заказывать. Мясо просто закончилось, была только рыба, паста и пицца.

Памплона — испанская глубинка. Поэтому мертвый сезон здесь всегда, кроме одной-единственной недели в году, когда проходит знаменитый праздник Сан-Фермин и приуроченное к нему энсьерро.

Энсьерро — по сути, прелюдия перед корридой, когда к арене перегоняют быков, участвующих в представлении. В действительности энсьерро проходит во многих городах на Пиренейском

полуострове. Но прославилась ею именно Памплона. Потому что именно этот город описал в своих романах и рассказах Эрнест Хемингуэй. Если бы не старина Хем, Памплона, скорее всего, так и жила бы в забвении.

Но в июле, в дни фиесты, тут словно взрывается бомба. В городок с населением меньше 200 тысяч человек приезжают от одного до трех миллионов туристов. Гостиницы вздувают цены в десять — пятнадцать раз. Мест все равно не хватает. Люди ноچуют прямо в спальных мешках на улицах. Утром местные дворники, не имея другой возможности убраться, поливают их водой из шлангов. Винные лавки продают все свои запасы, и далеко не за 1,5 евро за бутылку. Рестораны переполнены. Полки магазинов зачищаются до основания.

Фиеста длится с 6 по 14 июля. В ее расписании гулянья, шествия, безудержная пьянка. Но главное — энсьерро. Каждый день всю неделю фиесты ровно в 8.00 стартует забег смельчаков, убегающих от мчащихся быков по кривым городским улочкам. Эта опасная дистанция — от загона, где ноچуют быки, до ворот арены — имеет протяженность 848,6 метра. Время испытания на смелость и сноровку длится четыре минуты. Но именно эта гонка, описанная американским классиком, прославила Памплону на весь мир и ежегодно собирает миллионы ротозеев и желающих испытать себя.

После забега быки попадают на стадион для участия в корриде. Смельчаки переводят дух, кое-кто залечивает раны. Травмы во время энсьерро часты. Впрочем, серьезных, как утверждают, немного. Трагических случаев — единицы. Самую большую опасность, кстати, представляют не быки, а неуправляемая толпа. Люди чаще всего друг друга в давке и калечат.

Сам святой, в честь которого разыгрывается такое, скажем прямо, малоцеломудренное действо, к энсьерро никакого отношения не имеет. Он вообще-то, по канону, защитник виноделов и хлебопеков. Проповедовал христианство в Испании в третьем

веке, а погиб мученической смертью на севере Франции в Амьене. Но Сан-Фермин — небесный покровитель Наварры, поэтому в его честь и назвали фиесту.

Фиесту в Памплоне потом вспоминают весь год.

Но не меньшей популярностью в Памплоне пользуется и Хемингуэй. Рестораны, бары, сувенирные магазины носят его имя и украшены портретом писателя с красным галстуком участника забега быков — он таки отважился однажды пробежать по булыжным мостовым под прицелом рогов. В любимом баре, описанном классиком, его бронзовая скульптура с всегда наполненным бронзовым бокалом. Желающие могут сфотографироваться и чокнуться.

Но все это, конечно, рекламные трюки откровенно скучающего без туристов 11 месяцев в году города. В этом убеждаешься, когда на выходе к центральной площади натыкаешься на фаст-фудовское заведение, готовящее шаверму. Закусочная носит гордое имя «Хемингуэй». И улыбающийся классик анфас смотрит на проходящих. Где в этих местах поистине бывал писатель, где не бывал? Большая часть заведений, описанных стариком Хемом, во времена режима Франко закрылась. И все же Памплона остается в вечном долгу перед Хемингуэем.

Наверное, всех молодых журналистов учат по Хемингуэй: «Главное, написать первую фразу. Самую настоящую первую фразу, какую ты знаешь. И дальше дело пойдёт...».

И меня так учили, и я так учил своих начинающих авторов и студентов. И надо признать, помогает...

Но вот однажды я со своими студентами на факультете журналистики готовил учебную газету. Мы ее посвятили юбилею Чехова. В одной из статей решили процитировать знаменитые афоризмы писателя. Я был уверен, что студенты наташат известные каждому: «Краткость — сестра таланта», «Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой», «Если боитесь одиночества, то не женитесь» и т. п.

Все это, конечно, было. И вдруг: «Трудно только заглавие придумать, и первые строки тоже трудно, а потом все само пишется...». Я даже опешил: какие знакомые слова.

И я вспомнил, как, решив стать журналистом, запоем прочитал «Праздник, который всегда с тобой».

Хемингуэй, живя в Париже, зарабатывая на корреспонденциях для канадской газеты, сам мечтал стать писателем. Он снял комнату в мансарде, чтобы в уединении творить. Мучился над чистым листом. Чтобы подпитать свою фантазию, много читал, покупая книги на набережных Сены или беря их напрокат в одной из книжных лавок.

Хемингуэй восхищался русскими классиками: Достоевским, Толстым. Но больше всего ему нравился Чехов. «Кэтрин Мэнсфилд пишет хорошие рассказы, даже очень хорошие рассказы, но читать ее после Чехова — все равно что слушать старательно придуманные истории еще молодой старой девы после рассказа умного знающего врача, к тому же хорошего и простого писателя. Мэнсфилд была как разбавленное пиво. Тогда уж лучше пить воду. Но у Чехова от воды была только прозрачность».

Что-то подсказывает, именно в чеховской прозрачности и поймал Хемингуэй золотую мысль о первой фразе. Похоже, сплагатничал старина Хем...

Греция

Такси Линдоса

Все турагенты говорят одно и то же: про незабываемые впечатления, море эмоций и эмоциональный шок, который обязательно произойдет, когда вы достигнете цели путешествия. «Это настоящая жемчужина Родоса!» — сколько раз мы слышали, когда нас соблазняли поездкой в Линдос.

Соблазняли нас представители фирмы, обслуживающей группы в отеле. Хватали за рукав во время прогулок по улочкам Родоса. Даже подсовывали листовки, когда мы нежились на пляже. Разница была лишь в стоимости однодневного тура. Поначалу называли 60 евро. Потом стали встречаться варианты по 45, 40 и даже 30. Мы не спешили, «мониторили» рынок.

Рядом с пляжем находилась спасательная станция — дощатый сарайчик с пирсом и ветхой на вид вышкой, на которой, впрочем, никто не дозорил. Спасателям было не до того. Жизнь здесь была ключом.

Один за другим отчаливали медлительные кораблики со стеклянным дном, через которое подводный мир можно наблюдать, как в аквариуме. Выскакивали катера, таща за собой то водных лыжников, то оседлавшую какой-нибудь надувной «банан» публику. Торжественно отплывали транспорты с дайверами. Невостребованные резиновые костюмы сохли на кривой жерди. Издали чудилось, что на пирсе выстроилась группа музыкантов во фраках и вот-вот зазвучат скрипки.

На сарайчике мы обнаружили небрежно прибитый плакат: «Приглашаем в морское путешествие на яхте класса

«люкс» — «Дулисса». Цена — 22 евро». «На Линдос, так на Линдос», — сказал долговязый парень в вылинявшей майке с еле читаемой надписью «Дулисса». Взял у нас деньги, достал из кармана бумажку, вывел на ней цифру 2 — две персоны. «Приходите завтра утром, часов в восемь», — бросил он и пошел, шлепая вьетнамками, встречать катер с «бананом».

В восемь утра к пустому пляжу бодренько шел кораблик. Люксового в нем ничего не было. Кораблик не доплыл до пирса, остановился у буйков, и от него отчалила моторная лодка. Вчерашний парень бросил нам под ноги ящик из-под пива, чтобы удобнее было загружаться. Так буднично началось наше путешествие.

Кораблик был почти пуст. И это создавало предвкушение приятного плавания. Может, «люкс» — это не позолоченные поручни, а приятное уединение в разгар курортного сезона?

Впрочем, иллюзия продолжалась недолго. Обогнув вдающуюся в море гору, кораблик остановился в бухте с отелями и принял на борт с десяток пассажиров. В следующей бухте еще...

Наша «Дулисса» на глазах превращалась в Ноев ковчег. Рядом на лавочке уже не было свободных мест. А публика все прибывала. Вот на борт погрузилась целая семья из Голландии. Увешанный видеокамерой, фотоаппаратом и рюкзаком папаша, дочка и сын с брекетами, жена-толстушка — веселая и шумная. Плюхнувшись рядом с нами, они вскрыли рюкзак и начали жевать бутерброды.

Отдельно прибыл крупный господин. Он, видно, накануне хорошо выпил. Плохо соображая, он все путешествие, как лунатик, бродил по кораблику, протискиваясь через сгрудившийся народ, наступая на ноги, что-то бормоча про себя. В его застекленевших глазах явственно читалось: куда я попал, куда и зачем меня плывут?

Апогеем представления по мотивам народной песни «Эх, полным-полна моя коробочка» стало появление целой лодки женщин, мужчин и детей. Они тащили с собой не только рюкзаки,

но и коляски, надувные круги, связку ласт, масок и трубок для подводного плавания. Взрослые говорили по-русски, дети между собой по-немецки. Невольно стал прислушиваться.

Вскоре я знал все тайны этой компании. Бывшие наши сограждане, уехавшие в Германию, активно обсуждали страховки, пособия, сетовали, что дети в немецкой школе совсем перестали говорить по-русски. «Но мы же уехали ради них», — сетовали мужчины. Женщины молчаливо и нагло завоевывали пространство. Присев на краешек нашей скамейки, одна, выставив ножку, чуть-чуть потеснила голландскую дочку. У другой «рука затекла», и дама изящно кинула ее на колени жующего яблоко голландского отца семейства. Его полная жена нехорошо посмотрела в сторону новой немки. Но та, шевельнув бедром, заставила голландца встать. Короче, выжили семейство. «Сапа, смотри, тут место освободилось», — невинно сказала «Игривая ручка».

Наверное, они вынудили бы броситься за борт половину пассажиров. К счастью, на горизонте начали вырисовываться очертания крепости на горе.

Издали Линдос почти сливался с серыми скалами. Но чем ближе мы подплывали, чем очевиднее становилось: привидевшийся замок на горе не мираж — вот уже различались башни, и даже можно было рассмотреть зубья крепостных стен. Похоже, нас ожидает действительно что-то стоящее.

Сам город скрывался в бухте. Белоснежные здания поднимались по склонам к самым вершинам гор. На рейде стояли яхты и катера. А бухту опоясывал великолепный пляж с белым песком.

На сей раз нам никто не бросал под ноги ящик. Кораблик причалил к пристани. Понятно, что влечет сюда людей. Полоска пляжа была не так уж и широка. Но море манило голубизной и прозрачностью воды.

Казалось, брось монетку, сколько бы ни было футов под килем «Дулиссы», все равно разглядишь, как мягко плюхнется блестящий кругляшок на свое подводное ложе!

Когда вокруг много людей, невольно становишься заложником поднявшейся суеты. Толпа буквально вынесла нас с судна и несла, пока не уперлась в плоскую площадку, словно вырубленную в скале.

Это была стоянка ослов. Линдос — городок в горах. Чтобы его увидеть, нужно — хочешь не хочешь — карабкаться по крутому подъему вверх. На стоянке услужливо предлагались ослики: до центра города — 5 евро, до крепости — 7. Если вы идете в гору, нужно идти до конца — такой принцип проповедовал я от рождения. Мы сказали, что нам в крепость.

О, никогда не связывайтесь с незнакомыми ослами! Взгромодиться на низкорослое животное оказалось не так уж просто. Погонщик услужливо перебросил мою ногу через седло. Улыбнулся мне — все нормально! — и цокнул языком. Но осел стоял, словно его это не касается. Я чувствовал, как он, кося глазом, приступил к молчаливым переговорам с хозяином. Его добродушная морда словно упрекала: «Хозяин, но почему я?». Может, осел служил фотомodelью для отдыхающих на пляже. Уселся турист, щелкнули фотоаппаратом, и «Гудбай. Ариведерчи. Адью. Будете в наших краях, заходите еще!».

Погонщик цокнул еще раз. Осел мотнул головой: «Ну ты даешь, хозяин! Что за мужика усадил, тяжелый та-а-акой!». Погонщик начал нервничать и шлепнул четвероногого друга ладонью. Осел внимательно посмотрел на место шлепка, вздохнул и сделал шаг. Еще раз обернулся — не передумали? Ну смотрите. Свое отношение ко мне, погонщику и всему миру осел выказал тут же своим нутром, обдав всех зловонием из места пониже хвоста. Брыкнув ногой, он медленно поплелся по дороге, выложенной из стесанного камня. Мне казалось, что он продолжает ворчать: «Понаехали тут всякие!». Поднявшись вдоль пляжа, мы нырнули в одну из городских улочек. Тут камни сменились мостовой с округлыми булыжниками. Я болтался в седле, как будто попал в шторм. Осел удовлетворенно зыркнул на меня: «Говорил я! Говорил!».

Но и на этом его проказы не закончились. Он шагнул вплотную к зданиям, и моя нога пару раз стукнулась о стены. Погонщик, заметив это, дернул подопечного, тот повел плечами. И я чуть не свалился.

Усаживаясь на спину этого упрянца, я совершенно не рассчитывал оказаться в роли нежеланного ездока. Я планировал с комфортом прокатиться за свои кровные евро, пофотографировать экзотичные улочки с белыми стенами и разноцветными дверьми и ставнями. Но теперь думал только о том, чтобы сохранить свою жизнь.

Но все это были цветочки. Самое страшное началось, когда мы выбрались на дорогу к замку. Справа — крутой обрыв. А ограды никакой. То и дело по пути встречались таблички с предупреждениями: «Осторожно! Следите за своей безопасностью самостоятельно».

Ослу все было нипочем. Он норовил шагнуть с дороги в пропасть. Погонщик, понимая, что все идет не так, как положено, даже взял моего осла за уздцы. Но тот все норовил сойти с трассы. Демагогично, видно, утверждая: «Я тут знаю одну тропинку, мы сейчас помчимся по ней. Прямо в райские кущи!».

Погонщик был уже явно на взводе, а я простился с жизнью и думал, как бы сойти с этого своенравного друга. Но слева был склон горы, справа обрыв. Прекратить эту муку без риска для жизни не было никакой возможности.

Нас обгоняли более покладистые ослики. Они были такие милые. Живые и услужливые. Мой, матерясь и крихтя, нес свой крест в виде моего тела без всякого удовольствия и для себя, и для меня.

Наконец показалась конечная стоянка. Мой ослик как ни в чем не бывало припустил вперед. Я думал, он — заслуженный ветеран и готовится к выходу на пенсию. Теперь он продемонстрировал вполне прыткого мужичка средних лет, который завидел хорошенькую блондиночку и почувствовал себя гусаром.

Вскоре этот ад закончился. Качаясь, я вылез из седла. «Как его зовут?» — спросил я. «Осел, — ответил по-английски грек, принимая деньги. — Такси Линдоса!»

Надо сказать, осел Осел презрительно покосился на купюры и, мне даже показалось, сплюнул. Но на сей раз комментарий не последовало. Закатив глаза, он терся мордой о круп какой-то ослицы. Которая, впрочем, не обращала на него никакого внимания.

День был жаркий. И на вершине среди раскаленных камней особенно соблазнительно смотрелась гладь моря.

Замок построили еще рыцари-иониты, попавшие на Родос в XIV веке. До этого они охраняли Иерусалим. Оттуда их выдворили воины ислама. Рыцари поселились на Кипре. Родос им предложил занять император Священной Римской империи. К всеобщему неудовольствию местных жителей, подданных Византии. Но рыцари не особенно задумывались о настроениях населения. Построили свои замки и хозяйничали больше двухсот лет до пришествия турков.

Линдос знаменит тем, что сюда сослали одного из великих магистров. Не слишком благодетельный, он порочил идеи ордена. Вместо оказания помощи сирым и убогим, самопожертвования ради истинных христиан он пьянствовал и развратничал. Суровых условий тюрьмы магистр не вынес, помер.

Крепость рыцари построили на месте древнегреческого акрополя, который старше Афинского. Линдос в те времена был столицей цветущего государства. Сейчас греческое правительство старается его восстановить. Рядом с античными колоннами ставят аккуратненький новодел. Все это выглядит, как особняки олигархов. Дорого, но до противного стерильно и безвкусно — ни души, ни чувства.

Со скалы открывается вид на заливчик, по которому прибыл наш кораблик. С другой стороны — еще одна бухта, не менее знаменитая. К ней причалило судно, везущее в Рим плененного апостола Павла.

В обратный путь лучше было идти пешком. С замковой горы Линдос поражал чистотой своих черепичных крыш и белоснежных зданий. В центре этой гармонии — ажурная колокольня собора XIV века. С высоты не верилось, что в узких улочках настоящая толчея, которую создают туристы, рыская по лавочкам и выбирая ресторанчик для обеда.

Мы пошли в город не напрямую, спускались боковыми улицами. За глухими оградами и стенами скрывались дома, выходящие на лагуну.

На каждой двери объявление: «Сдается в аренду». Дом, квартира, комната — каждый может выбрать на свой вкус. Иностранцы уже давно не заказывают путевки в отели. Ищут в Интернете комнату или даже просто приезжают дикарями. Так значительно дешевле и интереснее.

Мы зашли в церковь. В греческих храмах нет продажи свечей. Бери сколько хочешь. Есть желание и возможность, брось монетку или купюру в ящичек для пожертвований.

Надо было спешить на кораблик. А Линдос все не отпускал. Манил лабиринтом своих улочек, домашним уютом апартаментов. Мы переглянулись и подумали, что не стоит спешить. Хотелось гулять и гулять. И мы остались в Линдосе до вечера.

В лавках продавались фигурки осликов, тарелки с их изображением. Китчевая надпись: «Такси Линдоса». В конце концов мы наткнулись на местный таксопарк. Это огромное здание, где в стойле сгруппировались сотни «такси».

От площади у мэрии каждый час в сторону Родоса идет автобус. Мы дождались его. Обратный путь занял не больше, чем на корабле.

Уверен, что точно такой же была бы поездка, заплати мы 60, 45, 40 или 30 евро. Пока мы были на Линдосе, в бухту заходили все новые и новые кораблики. Такие же, как мы, туристы штурмовали стоянку ослиного такси, крепость с акрополем и все прочие красоты и достопримечательности городка.

На следующий день на пляже нам вручили листок: не хотите посмотреть жемчужину острова — город Линдос? Это центр нескольких цивилизаций. Вы наконец сможете узнать, что такое такси Линдоса.

Я представил своего осла. «Я теперь буду преследовать тебя всю жизнь!» — сказал он мне и усмехнулся.

У современной Греции более 1400 островов, но только 227 из них заселены. Причем на половине из обитаемых островов живут меньше ста человек.

Додеканес — самый восточный архипелаг Греции. В переводе его название означает «Двенадцать островов», но на самом деле их гораздо больше, только обитаемых — семнадцать.

Острова разбросаны по всему Эгейскому морю у берегов Малой Азии. Подчас от них до Турции всего несколько километров, а до Афин — сотни миль.

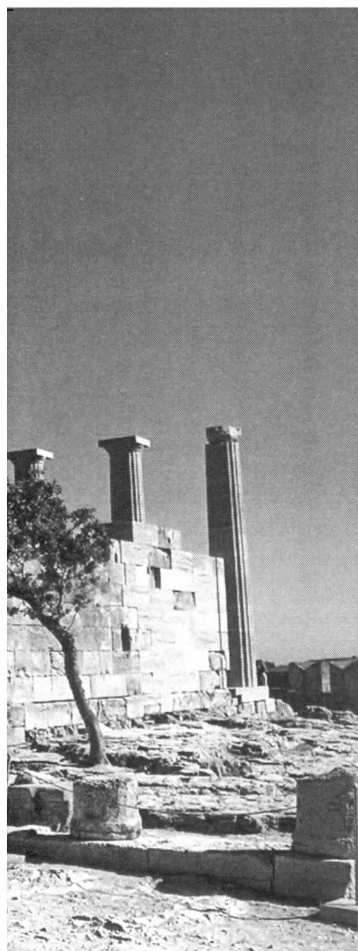
Наиболее известные из островов Додеканесского архипелага — Родос и Кос. Родос более двухсот лет был резиденцией рыцарей ордена Святого Иоанна, после того как они вынуждены были покинуть Иерусалим. Однако и с Родоса их вытеснили турки, и в конце концов рыцари поселились на Мальте, поэтому с тех пор орден чаще всего называют Мальтийским.

Впрочем, история Додеканеса гораздо богаче, чем два века рыцарей. Акрополь в Линдосе старше Афинского. Некогда вход в порт Родоса охраняла исполинская фигура Колосса, которая служила также маяком. Его построили в честь бога огня Гелиоса и победы над македонским царем, правившим после Александра Великого, — Деметрием Полеокретом. Целый год он осаждал остров, но взять так и не смог. Побросав осадные орудия,

захватчик отступил. Родосцы продали трофеи, а на вырученные деньги соорудили гигантскую статую высотой больше 30 метров, которая считалась одним из семи чудес света. Колосс простоял полвека. Землетрясение разрушило маяк. Почти 800 лет обломки валялись у входа в гавань, в 653 году их продали торговцам. Сегодня на месте ног Колосса установлены колонны со статуями коз, которые стали символами острова.

Именно с Родоса родом великолепная Ника Самофракийская — словно парящая в воздухе изящная женская фигура, украшающая ныне Лувр. На Родосе была создана и знаменитая скульптурная композиция «Лаокоон». Ее оригинал сейчас в Ватикане.

Не менее известен и остров Кос. Славу ему принес Гиппократ, который основал здесь свою клинику. Целитель лечил вином и сном. Туристам показывают развалины клиники Гиппократа и древний платан, под которым якобы любил в знойный день отдыхать врач.

➡ Акрополь в Линдосе

Анатолий Аграфенин Брось монетку, чтобы вернуться

Оформление издания: Максим Цой
Допечатная подготовка: Игорь Сергеев
Корректурa: Надежда Ушакова, Екатерина Звезденкова
Фото на задней обложке: Павел Маркин

Издательство «Любавич».
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60.
Тел.: + 7 812 603 25 25.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.12.2012.

Формат 150-204 мм. Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,15.

Гарнитуры Mirta (Елена Новоселова, Студия Артемия Лебедева)
и Circe (Александра Королькова, ПараТайп)
Бумага офсетная, 100 гр./кв. м

Тираж 1000. Заказ № 5807-12.

Отпечатано в типографии «Любавич».
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».
Тел.: (812) 603 25 25.

Анатолий Аграфенин
петербургский журналист
и писатель. Автор книг
«Саквояж впечатлений»,
«Виза в мир» и других

**Брось монетку,
чтобы вернуться**

Есть примета: хочешь
вернуться в понравивше-
еся место, брось монетку
в ближайший фонтан, реку,
озеро — без разницы.
Говорят, есть еще один
способ: оставить свои
тапочки или старую обувь.
Но это как-то неромантич-
но. Лучше монетку.

Я люблю путешествия
и объездил немало стран.
И всюду бросал монетки.
С каждой поездкой связа-
ны какие-то воспоминания.
Приятные и не очень. Фе-
ерически восторженные
и комичные. И люди раз-
ные встречались. И погода
подчас не радовала. Но нет
места, куда бы не хотелось
приехать еще раз. Поэтому
я снова и снова щедро раз-
брасывал медную мелочь.
Я уверен, в следующий раз
будет во сто крат лучше!
Главное, вернуться.
Обязательно вернуться!

ISBN 978 5 86983 450 8

9 785869 834508 >